

A84
П45

182701

Приамурье л2

1952

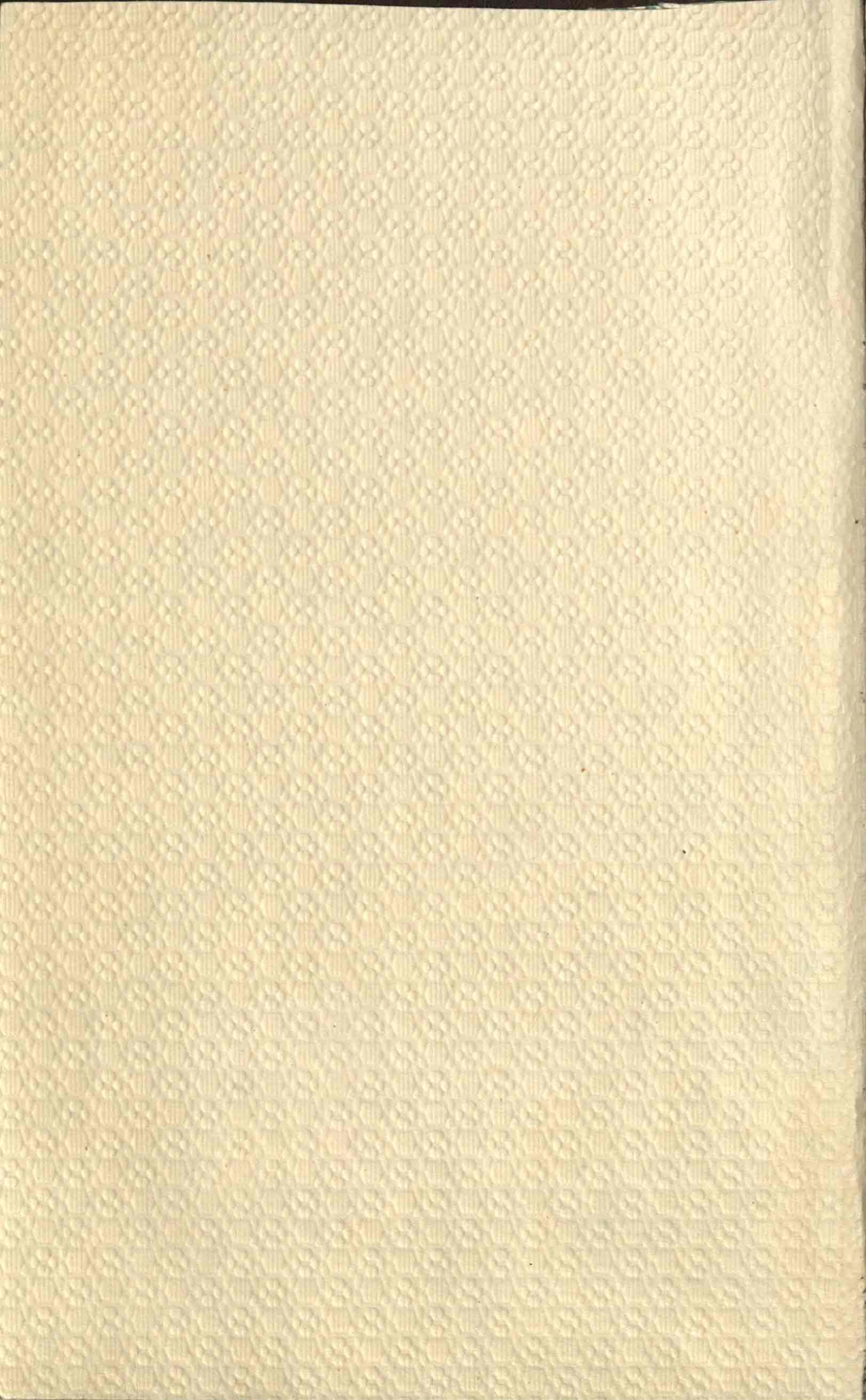

ПРИАМУРЬЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Год издания второй

А827
#1775
А84
П75

~~276312.~~

182701чх2

90

96

99

04

03

06

Амурская Областная
БИБЛИОТЕКА
г. Благовещенск

2

АМУРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1952

+ 84(2Poe-Pyc)6

Александр Фоминых

РОДНОЙ АМУР

Родной Амур! В любое время года
Прекрасен ты, наш батюшка седой!
Воспет ты в песнях русского народа,
Свидетель нашей славы боевой.

Какая ширь! Вокруг гудят машины, —
Родные приамурские поля...
Ну, где найдешь такие ты равнины,
Ну, где найдешь такие ты края!

Весной чернеют пашни на просторе,
А выйдешь в степь перед большой страдой —
У ног твоих безбрежная, как море,
Шумит пшеница в дымке золотой.

И в тихий день — без облака и тучи,
Как в зеркале, в тебе отражены
Леса и гордо вздыбленные кручи,
И солнца свет — свет счастья и весны,

И Комсомольск, что Родине в подарок
В глухой тайге воздвигнул комсомол,
И Благовещенск, Ленинск и Хабаровск,
И новые дома колхозных сел

Здесь братского Китая пароходы
Одной дорогой с нашими идут.
Дружбу свою великих два народа,
Как жизнь и как святыню берегут.

Не устроят нас трудности любые, —
Умеем мы работать горячо, —

Твои потоки светлоглубые
Плотинами, как Днепр, пересечем.

Твоя волна хлестнет в водопроводы
На русском и китайском берегу,
И будет в гуле каждого завода
Твой непокорный горделивый гул.

Мы к этим дням движенье ускоряем
В одной семье, в желании одном:
Преобразить лицо родного края
На вахте мира доблестным трудом.

Южн
Рзднв

Мы шн
Оставлн
Мы шн
Не взвнл

Р... не здр
Сурового н
А прошлым
Она сдвнн

Владимир Колесов

Н в нн, смнн
Не так-то прс
Ту дншн, что
Позва вперед

НЕ ЗАБЫТЬ!

Была зима, и вьюга-непоседа
Мела всю ночь над стрелками путей.
Майор — мой спутник — сдержанно поведал
Кусочек биографии своей.

— Мели однажды вот такие ж вьюги,
Мороз — за тридцать. Ветер. А в цепи
Лежал наш взвод чуть северней Калуги
В военный год в заснеженной степи.

Мы знали: враг пойдет на нас с рассветом,
Но никакой нас силой не сметет,
И если мы покинем место это,
То лишь тогда, когда пойдем вперед.

Когда заря румянила сугробы
И ливнем пуль засыпал злобный враг,
Дополз связной, в воронках прячась, чтобы
Нам сообщить, что наступать пора.

Связной тот — девушка. Бела от снежной крупки,
Поверх косы ушанка набекрень,
И стягивал овчинный полушубок
Солдатский жесткий вытертый ремень.

Простая девушка. Такой учить детишек,
Самой учиться, радуясь друзьям.
А ей пришлось мир радости и книжек
Сменить на путь среди снарядных ям...

Простой и строгой — именно такую
Она осталась в памяти моей...

Южнеей — Калуга. Ночью, после боя,
Разбив врага, мы шли уже по ней.

Мы шли на запад. Нас встречала Прага,
Оставили Варшаву за собой.

Мы шли, пока над куполом рейхстага
Не взвилось знамя, ведшее нас в бой.

...Я не забыл ее прямого взгляда,
Сурового и ясного, как гнев.
А прошлым летом на аллее сада
Она случайно повстречалась мне.

И в ней, смеющейся, счастливой, рядом с дочкой,
Не так-то просто было мне узнать
Ту девушку, что страшной вьюжной ночью
Ползла вперед с приказом наступать.

И, знаете, тогда я вспомнил снова
Все то, что было, все, что может быть
Кровавого, коварного и злого,
Коль мы посмеем это все забыть.

Мы не хотим, чтоб снова превращалось
Все созданное нами в прах и тлен,
И чтобы наши девушки сражались
Ну, скажем, где-то севернее Эн!..

Чтоб не было на свете вдов и сирот,
На стройках стал бригадой каждый взвод.
Своим трудом крепим мы дело мира —
Грядущей жизни силу и оплот!

Константин Овечкин

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

ТОКАРЬ

Над станком склонился паренек.
Ток включает — и запел станок.

И искрясь, как будто под луной,
Стружки выются лентой голубой.

А в глазах у парня огоньки,
Все движенья быстры и ловки.

Вынута готовая деталь,
На свету играет, как хрусталь!

Вставил новую в патрон. И вот
Вновь станок пошел в рабочий ход.

Мастер тихо подошел, стоит,
Сквозь очки на токаря глядит.

Взял деталь, взглянул на чертежи,
Бережно на место положил.

Мастер горд вот этим пареньком —
Вдумчивым своим учеником.

Он пришел недавно на завод,
На глазах у мастера растет.

Хватка комсомольская видна,
Труд, учеба — цель его ясна.

...В цехе шумно. Ярким светом он,
Как зарей весенней, озарен.

Ток включен. Гудит, поет станок.
Над станком склонился паренек.

ТРАКТОРИСТ

В час рассвета в поле воздух чистый,
И на пашне тихо и прохладно.
В этот ранний час у тракториста
Радостно на сердце и отрадно.

Он свою надежную машину
С самого рассвета вывел в поле
И поет, фуражку на бок сдвинув,
Про свое амурское раздолье.

Режут землю лемехи стальные,
Пар поднялся белыми клубами,
И пласты ложатся смоляные
Длинными широкими рядами.

Про себя он думал: «Уродится
Нынче в поле добрая пшеница!
Зашумит высокая, густая,
Спелый колос до земли склоняя».

Этою весной в бригаде первым
Он пары успешно поднимает.
И совсем не думает, наверно,
Что высокий подвиг совершает.

КОМСОРГ

На бюро меня ты вызвал
И таким сердитым был!..
Много в тот весенний вечер
Горьких слов наговорил...

Ты сказал: моя бригада
Должных темпов не взяла.
Я тогда, конечно, ясно
Все, что надо, поняла.

Только вот не понимаю
Почему с тех самых пор
Не могу забыть твой голос,
Твой прямой открытый взор.

Мы сейчас с тобой шагаем
По участку моему.
И чего так сердце бьется,
В жар бросает — не пойму.

И в бригаде все в порядке,
Хорошо идут дела.
Ведь она во всем районе
Место первое взяла!

Ты чего молчишь, не знаю,
Дорогой комсорг Петро.
Вот бы вечером сегодня
Вызвал, что ли, на бюро...

Юрий Петровский

КОГДА ПРИХОДИТ ВРАГ

(«Пионерская гвардия»)

Пьеса в 3 действиях, 8 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пак Чен Хэ.

Пак Мен До — студентка

Пак Сен Чу — пионерка

Ин Го — мальчик семи лет

Тен — девочка шести лет

} ее дети.

Лю Тин Мин — уборщица в школе, соседка Пак Чен Хэ.

Мун Цао Ле

Ким Ван До

Ай Хи Сын

Мин Чу Ду

Ан Ги Рен

Он Цзе Хин

} пионеры.

Джу Бо Сан — старшая пионервожатая.

Ван Гуа Дзе — один из руководителей партийного подполья,
командир партизанского отряда.

Ким Рен Хо — партизан.

Ло Ён Дэ — генерал полиции.

Ло Чи Ман — его дочь, директор школы в период оккупации.

Мак Ги У — ученица, дочь торговца.

Гон Ю Хе — предатель.

Американский офицер.

Первый солдат.

Второй солдат.

Коан До — боец Народной Армии.

Первая женщина.

Вторая женщина.

Полицейский.

Школьники, народ, партизаны.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Комната в квартире Пак Чен Хэ, скромная и уютно обставленная. В глубине окно, закрытое светомаскировочной шторкой, и входная дверь. Справа этажерка с книгами. Вечер. Слышен отдаленный гул орудий. На сцене Пак Мен До, Пак Сен Чу, Тен и Ин Го. Входит Пак Чен Хэ.

Пак Мен До (бросается к матери). Ну что?

Пак Чен Хэ. Отец уехал в пружовике вместе с солдатами своей части. (Опустила голову.)

Пак Мен До (пытливо). Что случилось, мама? Ты не все говоришь...

Пак Чен Хэ (через силу). По приказу командования войска Народной Армии временно оставили наш город. (Подходит к столу и тяжело опускается на стул.)

Пак Мен До (взволнованно). Оставили наш город?!

Пак Сен Чу. Значит, сюда придут американцы?..

Пак Чен Хэ. Да, они придут сюда. Но их скоро прогонят, вы увидите!

Дети подходят к ней.

Ин Го. А кто их прогонит, мама?

Пак Чен Хэ. Как кто? Ты разве забыл, где сражаются твои братья и отец? Американцев прогонит наша славная Народная Армия, наши друзья — китайские добровольцы и партизаны.

Пак Мен До (горячо). А мы должны помогать им, чтобы поскорей прогнать врагов с нашей земли!

Пак Чен Хэ. Да, мы должны помогать им.

Пак Сен Чу. Значит, мы будем сражаться?

Пак Мен До. Конечно! Помните, отец читал вам чудесную книгу о далеком шахтерском городке Краснодоне? О юношах и девушках, которые жили в этом городе и боролись против врагов, временно захвативших их землю!

Пак Сен Чу (восторженно). Это было в Советском Союзе!

Пак Мен До. Да. Помните, как Люба Шевцова и Сергей Тюленин крадутся ночью по улицам Краснодона...

Пак Сен Чу. Чтобы поджечь немецкую биржу!

Пак Мен До. А красный флаг, который они прикрепили на высокой крыше!

Стук в дверь.

Пак Чен Хэ (встает). Кто там?

Входит соседка Лю Тин Мин.

Лю Тин Мин. Это я, Чен. Наши уже покинули город. Ко мне забежал мой сынок, попрощаться. Может быть, ночью или завтра утром придут лисынмановцы и американцы.

П а к Ч е н Х э. Придут...

Пак Мен До подает стул, и Лю Тин Мин садится.

Л ю Т и н М и н. Сегодня я убирала в школе, как обычно. Как будто завтра начнутся уроки... (Смотрит на Пак Сен Чу.) И Сен Чу придет в свой класс и сядет за парту... Директор Ван Гуа Дзе сказал, что школа теперь временно закрывается. Что мы будем делать?

П а к Ч е н Х э. Ждать.

Л ю Т и н М и н. Ждать?

П а к Ч е н Х э. Да, наши вернутся.

Л ю Т и н М и н. А пока?.. Ведь твой муж и сыновья и мой сын в Народной Армии. У нас могут быть неприятности.

П а к Ч е н Х э (устало). Что поделаешь, Тин!.. Неприятностей у всех у нас очень много... И самая большая неприятность — война.

Л ю Т и н М и н. А может быть все-таки нужно уйти?

П а к Ч е н Х э. Это очень трудно. Ведь у меня четверо, а город окружен врагами.

Л ю Т и н М и н. Что же с нами будет? Завтра здесь будут хозяйничать проклятые янки. Чего можно ждать от людей, которые сбрасывают на нас зараженных пауков, убивают и грабят мирных людей?

П а к М е н Д о (горячо). Мы будем бороться, Лю Тин Мин, пока не прогоним их!

Л ю Т и н М и н. Бороться... (Рассматривает свои руки). Что я могу сделать этими руками, которые привыкли столько лет убирать школьные классы, а в свободное время копаться в земле, выращивать овощи и цветы.

П а к Ч е н Х э (протягивая к ней руки). Посмотри, Тин, на эти руки. Мы с тобой знакомы с детства, вместе играли в куклы. Ты знаешь, эти руки привыкли к домашней работе: они умеют приготовить рис, сшить платье, нянчить детей... Но, когда приходит враг, эти руки, если понадобится, должны взять оружие, чтобы защищать свой дом, нашу землю.

Л ю Т и н М и н (растерянно). Я понимаю... Просто я не нахожу себе места, Чен. Мне страшно жить на земле, когда я знаю, что есть люди, которые хуже хищных зверей. (Встает.) Я уйду. До свиданья, Чен. Скорей бы возвращались наши!

П а к Ч е н Х э (провожает ее). Они вернутся, Тин, и скоро — вот увидишь.

Л ю Т и н М и н ушла. Пак Чен Хэ возвращается к столу и садится.
И н Г о подходит к ней.

И н Г о. Мама, а зачем американцы пришли к нам?

П а к Ч е н Х э. Чтобы отнять у нас нашу землю и жизнь, сынок.

И н Г о. А мы не дадим!

П а к Ч е н Х э (лаская его). Конечно, не дадим.

И н Г о. Папа застрелит их из автомата! А когда я вырасту, я тоже в них буду стрелять.

П а к Ч е н Х э. Я надеюсь, что когда ты вырастешь, сыночек, стрелять уже не нужно будет.

И н Г о. Почему?

П а к Ч е н Х э. Потому что будет мир на всей земле.

Издали доносится нарастающий гул моторов. Пак Чен Хэ встала, Ин Го и Тен прижимаются к ней. Пак Мен До и Пак Сен Чу подбегают к окну и приоткрывают шторку. За окном — зарево пожара. Выстрелы. Внезапно открывается дверь и показывается испуганная
Л ю Т и н М и н.

Л ю Т и н М и н. Американцы входят в город!

Л ю Т и н М и н скрывается. Треск автоматных очередей раздается совсем близко. Пак Мен До и Пак Сен Чу отходят от окна. За дверью слышится протяжный стон. Пак Чен Хэ отстраняет от себя детей и быстро идет к двери.

П а к С е н Ч у. Мама, ты куда?

П а к Ч е н Х э молча выходит. Напряженное молчание.

П а к Ч е н Х э (за дверью). Мен До, скорее сюда!

Пак Мен До быстро уходит. Дети тревожно прислушиваются. Открывается дверь. Пак Чен Хэ и Пак Мен До вносят в комнату раненого бойца Народной Армии. У Пак Мен До через плечо висит автомат солдата.

П а к Ч е н Х э (Мен До). В другую комнату.

Они уносят раненого в дверь налево. Пак Сен Чу подбегает к входной двери и закрывает ее. Слева из комнаты доносится стон раненого. Тен заплакала.

Картина вторая

Та же комната. Утро. На сцене Пак Сен Чу, Ин Го и Тен. Слева из комнаты выходит Пак Чен Хэ. В руках у нее чашка и полотенце.

П а к С е н Ч у. Ему лучше?

П а к Ч е н Х э. Лучше. Он даже поел рису. Совсем молодой, как наш Ли... Ему раздробило руку.

Ставит чашку на стол. Стук в дверь и голос Пак Мен До: «Это я, мама». Пак Сен Чу открывает дверь и впускает Пак Мен До.

П а к М е н Д о. На улицах жителей совсем мало. Ходят только американские патрули, всюду ищут партизан и раненых бойцов. Я встретила Мук Сен Тин. Она сказала, что ночью была облава и на площади повесили нескольких жителей. Надо быть настороже.

Запирает дверь на ключ.

П а к Ч е н Х э. Ты была у Ким Цой?

П а к М е н Д о. Да. Она сказала, что вечером обязательно

зайдет, а пока дала вот этот порошок, им нужно присыпать руку.

Пак Чен Хэ. Пойдем, ты мне поможешь.

Обе уходят в комнату налево.

Пак Сен Чу (детям). Хотите, я вам почитаю?

Ин Го. Конечно, хотим!

Тен. Конечно.

Пак Сен Чу берет с этажерки книгу и садится у стола. Ин Го и Тен усаживаются возле нее на циновке.

Пак Сен Чу (читает). «...В глубокой долине, среди высоких гор, раскинулась маленькая деревушка Пэкджин. Одиннадцать домиков было в ней: десять деревянных и один каменный. В этих домиках жило одиннадцать семейств, десять бедных и одно богатое. Десять семейств трудились на полях, чтобы одному богатому семейству жилось беззаботно, и это было очень несправедливо...»

Стук в дверь. Пак Сен Чу, Ин Го и Тен встают и смотрят на дверь. Стук повторяется, настойчивый и резкий. Слышен голос Гон Ю Хе: «Открывайте!» Пак Сен Чу подбегает к двери налево: «Мама!». Стук раздается сильнее. Из комнаты слева выходят Пак Чен Хэ и Пак Мен До.

Пак Сен Чу. Пришли!

Пак Чен Хэ (шепотом). Кто?

Пак Сен Чу (тихо). Не знаю, наверно они...

Голос Гон Ю Хе за дверью: «Откройте!»

Пак Чен Хэ (шепотом Пак Мен До). Ты возьмешь раненого и отведешь его к Ким Цой, она спрячет его, она хорошая женщина. (В дверь бьют прикладами автоматов). Иди скорей, ты поможешь ему выбраться в окно, вы пройдете дворами. (Дверь сотрясается от ударов. Пак Мен До убегает в комнату к раненому.) Сен Чу, ты откроешь дверь и скажешь, что я больна.

Пак Сен Чу (шепотом). Кто это?

Пак Чен Хэ (так же). Враги! Ин Го и Тен, идите сюда!

Уходит с детьми в комнату налево. Пак Сен Чу решительно подходит к двери.

Пак Сен Чу (громко). Кто там? (Голос Гон Ю Хе за дверью: «Открой дверь!») А кто вы? (Голос за дверью: «Здесь американский офицер и солдаты!») Мама больна, и я боюсь открывать дверь.

Голос за дверью: «Открывай, а то будет плохо!» Пак Сен Чу быстро перебегает к двери налево, заглядывает в комнату, потом возвращается к входной двери и открывает ее. Врываются предатель Гон Ю Хе, американский офицер и два солдата.

Гон Ю Хе (резко). Почему ты не открывала дверь?

Пак Сен Чу. Я боялась...

Гон Ю Хе. Где твоя мать?

Пак Сен Чу. Она больна. (Гон Ю Хе направляется к двери, которая ведет в комнату матери, но Пак Сен Чу загроживает ему дорогу.) Туда нельзя! Мама больна, и там маленькие дети.

Гон Ю Хе отталкивает ее и хочет войти в комнату. В это время дверь открывается и на пороге появляется Пак Чен Хэ с детьми, которые прижимаются к ней.

Пак Чен Хэ (сурово). Что вам здесь надо?

Офицер. Почему вы не открывали дверь? Здесь, наверно, кто-то скрывается?

Пак Чен Хэ. Никто!

Офицер (резко). Ты лжешь, старая ведьма! Кто у тебя там в комнате?

Пак Чен Хэ. Там никого нет!

Офицер выхватывает пистолет, отталкивает Пак Чен Хэ и бросается в комнату. За ним убегает Гон Ю Хе. Тен громко заплакала. Пак Чен Хэ прижала ее к себе. Американские солдаты тупо смотрят на нее и жуют резинку. Через минуту из комнаты быстро выходят Гон Ю Хе и офицер, который держит в руке найденный автомат. Пак Чен Хэ вздрогнула.

Офицер (солдатам). Обыскать двор! (Солдаты убегают. Офицер подходит к Пак Чен Хэ.) Кого ты выпустила в окно? (Пак Чен Хэ молчит.) Здесь скрывается один из ваших красных бандитов. Куда он убежал?.. Ты молчишь? Я тебя заставлю говорить! (Пак Сен Чу.) Может быть ты скажешь, девочка? (Пак Сен Чу молчит.) Отвечай, иначе мы повесим твою мать! (Пак Сен Чу молчит. Офицер медленно наводит пистолет на нее и смотрит на Пак Чен Хэ.) Говори, куда он убежал?

Вбегают солдаты.

Первый солдат. Во дворе никого нет.

Офицер (опуская пистолет). Взять ее!

Солдаты хватают Пак Чен Хэ. Пак Сен Чу бросается к матери.

Пак Сен Чу. Не трогайте маму!

Гон Ю Хе отталкивает ее. Тен и Ин Го закричали. В это время в комнату вбегает Пак Мен До.

Офицер. Кто это?

Гон Ю Хе. Что тебе здесь надо?

Пак Сен Чу. Мен, они забирают маму!

Пак Мен До. За что?

Гон Ю Хе. За то, что она скрывала у себя раненого бандита и помогла ему бежать! Где он?

Пак Чен Хэ. Мен До...

Офицер ударяет ее рукояткой пистолета по голове. Пак Чен Хэ пошатнулась и медленно опустилась на пол.

П а к М е н Д о. Не бейте ее, слышите! Она ничего не знала. Это я спасла раненого бойца! Я помогла ему убежать, и он теперь далеко, вы его не найдете! Отпустите мать, она ни в чем не виновата. Можете взять меня.

Пак Чен Хэ пришла в себя. Она встает, смотрит на дочь и глаза ее наполняются слезами.

О ф и ц е р. Олл-райт*. Теперь все ясно. Мы напали на партизанское гнездо. (Гон Ю Хе.) Немедленно вызови полицейскую команду и оцепите весь квартал! (Гон Ю Хе убегает.) Взять их обоих!

Один из солдат хватает Пак Мен До и выталкивает ее из комнаты, другой уводит Пак Чен Хэ. Пак Сен Чу бросается за ними, но офицер ударяет ее ногой, и она падает. Офицер уходит. Дети подбегают к Пак Сен Чу и помогают ей подняться.

Т е н (плачет). Мама... Мама...

И н Г о. Тебе больно, Сен Чу?

П а к С е н Ч у (обнимает их). Не надо плакать, Тен... Маму отпустят и Мен До тоже. Их допросят и отпустят. Не надо плакать. (Ведет их к цыновке и садится с ними). Ин Го, дай мне книгу, я вам опять почитаю. (Она хочет хоть немного успокоить их. Ин Го приносит книгу.) Где я остановилась? (Перелистывает книгу.)

И н Г о (безучастно). О том, как работали бедные, чтобы богатым хорошо было жить.

П а к С е н Ч у (читает). «...и это было очень несправедливо...»

И н Г о. Они не найдут его?

П а к С е н Ч у (шепотом). Кого?

И н Г о (также шепотом). Раненого?

П а к С е н Ч у (убежденно). Никогда не найдут! (Читает.) «Тяжело было крестьянам. Работали они очень много. Выращивали рис, овощи, и все у них отбирал богатый и злой помещик Ли Ан Су...»

И н Г о (про себя). Он был за американцев.

Т е н. Когда придет мама?

Стук в дверь. Пак Сен Чу и дети встают.

И н Г о (шепотом). Это опять они!

Т е н (заплакала). Я боюсь...

П а к С е н Ч у. Подождите. Кто там?

Подходит к двери и открывает ее. Входят Ло Чи Ман и Мак Ги У.

Л о Ч и М а н (оглядывая комнату). Я новый директор вашей школы. Тебя зовут Пак Сен Чу?

М а к Г и У./Это она.

Л о Ч и М а н. Завтра мы начинаем занятия. Ты должна явиться в свой класс. Смотри, не опоздай на урок.

* Хорошо (англ.)

Пак Сен Чу. Я не смогу сейчас ходить в школу, мне не на кого оставить сестру и брата.

Ло Чи Ман (резко). Ты просто не хочешь учиться при новом порядке. Но мы заставим тебя, слышишь!

Пак Сен Чу. Сегодня арестовали мою маму и сестру... Пока они не вернутся, я не могу бросить дом.

Ло Чи Ман. Если ты не придешь в школу, то повредишь своей матери. Запомни.

Уходит с Маг Ги У.

Ин Го. Какая она противная!

Пак Сен Чу стоит, опустив голову.

Тен. Она больше не придет?

Пак Сен Чу (обнимая ее). Нет, Тен. Она больше не придет. Я пойду завтра в школу.

За дверью слышатся голоса: «Осторожно! Осторожно!» В комнату входят две женщины, которые несут Пак Мен До. Пак Сен Чу, обнимая малышкой, медленно подходит к ним. Женщины опустили тело Пак Мен До на циновку.

Пак Сен Чу. Мен До! Что с ней? Что они сделали?

Первая женщина. Они застрелили ее в полиции и выбросили на улицу... (Пак Сен Чу медленно опускается около тела сестры.) Я проходила мимо и увидела ее. Она училась в институте с моей дочкой и бывала у нас.

Ин Го и Тен заплакали.

Пак Сен Чу (обнимая тело сестры). Мен До!.. Мен До!.. (Рыдает.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Класс в школе. Собираются ученики. Сегодня первый день занятий после захвата города. Ребята разбились на небольшие группы и тихо разговаривают.

Мун Цао Ле. Они ходили по домам и всех предупреждали, что кто не явится в школу, у тех родителей заберут в полицию.

Ким Ван До. А зачем мы им нужны?

Мун Цао Ле. Переучивать на свой лад.

Ким Ван До. Как это?

Мун Цао Ле (оглянувшись и переходя на шепот). Один верный человек рассказал мне.

Ан Ги Рен. Кто?

Мун Цао Ле. Это неважно. Он сказал, что американским капиталистам нужны будут дешевые рабочие руки — рабы. Так вот, таких рабов они хотят сделать из нас.

Ким Ван До (горячо). Никогда этого не будет!

Мун Цао Ле. Тише!

Ким Ван До (шепотом). Корейцы не будут рабами!

Мун Цао Ле. Конечно! (Тихо.) Наша армия выгонит янки.

Они продолжают беседу шепотом. Входит Пак Сен Чу. Две девочки, Ай Хи Сын и Мин Чу Ду, подходят к ней.

Ай Хи Сын. И ты пришла, Сен Чу? Что с тобой? Какая ты бледная! Ты больна?

Пак Сен Чу молча качает головой и садится за первую парту. Девочки подсаживаются к ней.

Мин Чу Ду. Что-нибудь случилось?

Пак Сен Чу (тихо). Вчера арестовали мою маму... Убили старшую сестру...

Опустила голову на парту и плачет.

Мин Чу Ду (гладит ее по голове). Не плачь, Сен Чу. У всех у нас сейчас большое горе.

Пак Сен Чу (подняв голову и сдерживая слезы). Я ненавижу их!

Входит Мак Ги У и садится за последнюю парту.

Мин Чу Ду (шепотом). Тише! Здесь эта шпионка, Мак Ги У.

Ай Хи Сын (Пак Сен Чу). А где ваши маленькие?

Пак Сен Чу (тихо). Их взяла к себе наша соседка Лю Тин Мин. Сегодня утром я была в полиции, но о маме ничего неизвестно.

Входит Ло Чи Ман. Все встают.

Ло Чи Ман. Здравствуйте, дети! (Слышится недружный ответ, всего три—четыре голоса.) Сегодня у нас еще не будет занятий. Завтра придут новые учителя и принесут другие учебники. Сегодня мы посвятим нашу беседу организации нового порядка в школе. Мне сказали, что ваш класс самый беспокойный в школе. Здесь больше всего было так называемых пионеров, которые переписывались с пионерами из России. (Вдруг останавливается и смотрит на Пак Сен Чу.) Почему ты сидишь за первой партой? (Пак Сен Чу встала.) Разве это твое место?

Ким Ван До (встает). Это место всегда принадлежало Пак Сен Чу, как лучшей ученице в классе.

Ло Чи Ман. Глупости! (Пак Сен Чу.) Ну-ка, перебирайся на последнюю парту, здесь сядет более достойная девочка. Мак Ги У, займи это место!

Пак Сен Чу и Мак Ги У меняются местами.

Ким Ван До. Но Мак Ги У — самая плохая ученица в классе!

Л о Ч и М а н. Садись! Ты очень разговорчив. Мне это не нравится. (Ким Ван До сел.) В этом городе долго была коммунистическая власть. Это плохая власть, дети! (Шум в классе.) Эта власть была против таких достойных и уважаемых людей, как отец Мак Ги У — торговец Мак Чен Бо, фабрикант Па Чин Джан, помещик Ли Хо Мин. Эта власть была даже против больших друзей корейского народа — американцев. (Шум усиливается.)

М у н Ц а о Л е. Вот так друзья!

Л о Ч и М а н (яростно). Молчать! Эта власть научила вас ненавидеть свое настоящее, законное правительство — правительство Ли Сын Мана, посланное самим богом...

К и м В а н Д о (ей в тон, вполголоса)... и Америкой!

Л о Ч и М а н. Кто это сказал? (Все молчат. Мак Ги У оборачивается, но Ким Ван До показывает ей кулак.) Коммунистическое воспитание испортило вас, но мы будем бороться с ним. Неправда ли, дети? (Молчание.) Кто мне поможет?

М а к Г и У (одна поднимает руку). Мы!

Все смеются.

Л о Ч и М а н. Вы должны любить и уважать наше законное правительство, наших друзей американцев и новый порядок в Корее. (Замечает, что Пак Сен Чу сидит, углубленная в свои мысли.) Пак Сен Чу! (Пак Сен Чу встает.) Повтори то, что я сейчас сказала! (Пак Сен Чу молчит.) Ты не знаешь? Ты, я вижу, самая тупая и испорченная в классе. Тебе не нравятся новые порядки в школе. Мы заставим тебя подчиняться, слышишь? (Хватает ее за руку и тащит к классной доске.) Стань на колени и стой так до утра! (Ко всем.) Вы можете идти и подумать дома обо всем, что я сказала. Беседа закончена!

Ученики собирают книги и уходят из класса. Последней уходит Ло Чи Ман. Бросив взгляд на дверь, Пак Сен Чу вскакивает с колен и садится за парту, опустив голову. Входит Лю Тин Мин. Пак Сен Чу вздрагивает.

Л ю Т и н М и н. Не бойся, Сен Чу, это я! (Оглядывается на дверь.) Она уехала домой и приказала запереть школу. (Пак Сен Чу закрыла лицо руками.) Успокойся, Сен Чу. (Поднимает ее и гладит по голове.) Бедная моя девочка!.. Ничего, наши вернутся и прогонят их с их новыми порядками. Ты знаешь, кто сейчас здесь? (Пак Сен Чу открывает лицо и смотрит на Лю Тин Мин.) Ваша старшая пионервожатая.

П а к С е н Ч у. Джу Бо Сан?!

Л ю Т и н М и н. Да. И с ней пионеры. Я спрятала их в соседнем классе. Они сейчас придут сюда и вы поговорите о чем нужно, а я посторожу у входа.

Целует Пак Сен Чу в голову и выходит. Минуту спустя в комнату входит Джу Бо Сан, за ней Мун Цао Ле, Ким Ван До и Мин Чу Ду с книгами в руках. Пак Сен Чу подбегает к ним.

Пак Сен Чу. Здравствуй, Джу Бо Сан!

Джу Бо Сан. Здравствуй, Пак! (Обнимает ее.) Я знаю все, мне рассказали Мин Чу Ду и старая Лю Тин Мин.

Ким Ван До. Эта американская кукла все время к ней придиралась.

Мун Цао Ле. Нужно остерегаться Мак Ги У. Ведь у них в доме поселился новый директор.

Джу Бо Сан. Тем более, что папаша этого директора — генерал лисынмановской полиции.

Мун Цао Ле (свистнул). Важная птица!

Джу Бо Сан. К тому же с большим опытом по уничтожению мирного населения.

Ким Ван До. Ты теперь будешь с нами, Джу Бо Сан?

Джу Бо Сан (уклончиво). Может быть. Но в школе мне появляться нельзя. (Мун Цао Ле). Что ты сделал со знаменем дружины?

Мун Цао Ле. То, что ты сказала. Спрятал в надежном месте.

Ким Ван До. Нам надо быть наготове. Они знают, что мы пионеры, и будут давить на нас.

Мун Цао Ле. Если мы будем держаться друг за друга, действовать вместе — ничего с нами не сделаешь!

Пак Сен Чу (горячо). Мы и должны действовать вместе! Здесь нас четверо из актива нашего отряда. Разве мы перестали быть пионерами?

Мун Цао Ле. Правильно, Пак!

Пак Сен Чу (волнуясь). Вспомните нашу чудесную жизнь! Учебу, наших учителей, пионерские сборы, походы...

Мин Чу Ду. А письма, которые мы получали от советских пионеров!

Пак Сен Чу. Разве можно все это забыть? Где наши пионерские галстуки, наша гордость и слава?

Мун Цао Ле расстегивает воротник и показывает спрятанный на груди галстук.

Мун Цао Ле. У меня с собой!

Ким Ван До. И у меня тоже.

Мин Чу Ду. А я спрятала дома.

Джу Бо Сан. Мы их спрятали, спрятали временно, потому что к нам пришел враг. Но разве не носим мы их в нашем сердце?

Все. Носим!

Пак Сен Чу. И мы должны действовать вместе, помогать в борьбе нашим отцам, матерям, братьям и сестрам!

Все, взволнованные ее словами, смотрят друг на друга.

Мун Цао Ле. Я согласен с тобой, Пак. Мы должны бороться. Я все время об этом думаю.

Ким Ван До. И я тоже! У Цао Ле погиб отец, у меня брат... Мы должны подхватить их оружие!

Мин Чу Ду. Но как мы будем бороться?

Джу Бо Сан. Помните «Молодую гвардию»?

Пак Сен Чу. Конечно, помним!

Мун Цао Ле (берет одну из книг на парте). Вот она!

Джу Бо Сан. Это опасно.

Мун Цао Ле (улыбаясь). Знаю. Потому обложка, видите — от учебника географии.

Джу Бо Сан. У молодогвардейцев мы должны учиться бороться с врагами!

Пак Сен Чу. Слушайте! Мы организуем «Пионерскую гвардию».

Ким Ван До (горячо подхватывая). Я предлагаю выбрать штаб нашей будущей «Гвардии».

Мун Цао Ле. Верно! Пусть войдут все присутствующие.

Джу Бо Сан. Хорошо.

Мун Цао Ле. Здесь есть партизаны! Надо их разыскать, они нам помогут!

Джу Бо Сан. Обязательно! Без них мы с вами ничего не сумеем сделать. Поручите это мне.

Мун Цао Ле. А теперь вы должны принести клятву!

Пак Сен Чу берет у Мун Цао Ле «Молодую гвардию», раскрывает ее, но не перелистывает, а прижимает к груди. Ким Ван До, Джу Бо Сан и Мин Чу Ду отдают салют.

Пак Сен Чу (волнуясь). Я, Пак Сен Чу, вступая в ряды членов «Пионерской гвардии», перед лицом родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Это действие делится на короткие картины, повествующие о боевой деятельности «Пионерской гвардии». Действие в этих картинах разворачивается перед занавесом и на сцене. Для декораций следует взять только необходимые для того или иного момента характерные детали: два—три дерева, пригорок и т. д. В условиях вечернего спектакля надо использовать возможность полного и частичного затемнения сцены. Нужно также как можно шире применить музыкальное оформление.

Картина четвертая

Лужайка в лесу. На сцене Ван Гуа Дзе, Джу Бо Сан и Ким Рен Хо.

Ван Гуа Дзе. Рассказывайте, Джу, кого вы видели из ребят.

Садится на пригорок и приглашает ее. Джу Бо Сан садится рядом.

Джу Бо Сан. Всех, кого вы мне назвали: Пак Сен Чу, Мун Цао Ле, Ким Ван До и Мин Чу Ду.

Ван Гуа Дзе. Каково настроение ребят?

Джу Бо Сан. Они горят желанием участвовать в нашей борьбе, товарищ Ван.

Ван Гуа Дзе (одобрительно кивает головой). Это хорошие ребята, Джу, им можно верить. У них столько смелости в сердце, что нужно, пожалуй, сдерживать их.

Джу Бо Сан. Они все вошли в штаб организации и приняли клятву. Командиром избрана Пак Сен Чу, помощником — Мун Цао Ле.

Ван Гуа Дзе. Правильно. Это волевые и серьезные ребята. Кого они еще привлекли?

Джу Бо Сан. Ай Хи Сын, Он Цзе Хина и Ан Ги Рена. Вы знаете их?

Ван Гуа Дзе (улыбаясь). Директор школы должен знать своих учеников, товарищ старшая пионервожатая. (Подумав.) Ай Хи Сын — девочка несколько избалованная своими родителями, ей будет тяжело, надо помочь ей. Он Цзе Хин — твердый, волевой мальчик. А вот Ан Ги Рена придется сдерживать. Он всегда готов сделать больше, чем ему поручено, а это иногда мешает. (Ким Рен Хо). Вам, товарищ Ким, нужно хорошо познакомиться с этими ребятами. Решением партийного руководства вы оба прикрепляетесь к «Пионерской гвардии». Каждое решение штаба молодежи будет утверждаться здесь. Понятно?

Ким Рен Хо. Понятно, товарищ Ван!

Ван Гуа Дзе. Побольше рассказывайте им о великом Сталине, о нашем вожде Ким Ир Сене. Пусть учатся у них, пусть учатся у советской молодежи бесстрашию, самоотверженности, умению беззаветно служить Родине. И берегите их! (Встает.) Мы обсудим, что им можно поручить.

Джу Бо Сан встала. Вбегает партизан.

Партизан. Товарищ Ван, предатель Гон Ю Хе захвачен и доставлен сюда!

Ван Гуа Дзе. Хорошо, я иду. (Партизан уходит.) Ну что ж, товарищи... считаем, что «Пионерская гвардия» существует и действует!

Картина пятая

Бульвар. По веткам деревьев протянут телефонный кабель. Вечер, но еще светло. Ан Ги Рен сидит на ветке и возится с проводом. Ай Хи Сын справа на страже.

Ан Ги Рен. Вот и готово! Стержень мы вынули, а пустой провод замаскируем. (Работает, продолжая разговаривать сам с собой.) Поднимет какой-нибудь американский начальник трубку... а телефон не работает. Побегают тут связисты, пока не найдут обрыв. (Спускается вниз.) Теперь на

несколько часов связь прервана. Восстановят ее, а мы опять — чик...

Ай Хи Сын. Патруль!

Оба скрываются.

Картина шестая

Ночь. Пустырь. Справа на переднем плане группа пионеров — Пак Сен Чу, Мун Цао Ле, Он Цзе Хин и Мин Чу Ду. С ними Джу Бо Сан и Ким Рен Хо.

Пак Сен Чу (показывая в глубину). Там, слева, за кустами, две автомашины. Оружие и гранаты в ящиках под брезентом.

Ким Рен Хо. В этом месте мы пересечем караульную тропу, когда часовые разойдутся.

Мун Цао Ле. Понятно.

Пак Сен Чу. Они встречаются через каждые пять минут. (Смотрит на часы.) Сейчас они как раз встретятся. Будьте наготове!

Все скрываются. Слышны приближающиеся шаги. Справа и слева в глубине показываются американские солдаты.

Первый солдат. Хэлло, Майк!

Второй солдат. Хэлло, Гарри!

Подходят друг к другу и закуривают сигареты.

Первый солдат. Как темны эти проклятые ночи в Корее!

Второй солдат (оглядываясь). Не темнее наших дел, Гарри. Твой высокопоставленный тезка затеял грязное дело. Мне оно не по нутру.

Первый солдат. Э-э-э, старина... Я не занимаюсь политикой. Война, конечно, паршивое дело. Зато мне сократили срок за убийство проклятой старушонки. Теперь я солдат американской армии и имею некоторый доход при захвате населенных пунктов.

Второй солдат. Да, пока тебе не наделают дырок в черепе. Мы забрались на чужую землю и сложим здесь свои кости. Ты видел, как они дерутся?

Первый солдат. Чорт с ними! В каждой игре есть свой риск. Вчера партизаны сожгли склад с военным имуществом. Теперь комендант мечется, как угорелый, еще сюда, чего доброго, нагрянет с проверкой. Гуд-бай, * Майк!

Второй солдат. Гуд-бай, Гарри!

Расходятся. Появляются партизаны.

Ким Рен Хо (шепотом). Бо Сан, ты останешься здесь.

* До свидания (англ.).

Джу Бо Сан ложится в стороне. Остальные переползают через тропу и скрываются в глубине. Через некоторое время они возвращаются с автоматами и патронными ящиками в руках.

П а к С е н Ч у (негромко). Теперь у нас есть оружие!

М у н Ц а о Л е (прислушиваясь). Скорее, они уже возвращаются.

Быстро уходят.

Картина седьмая

Кустарник. Вечер. Справа на земле Пак Сен Чу, Мун Цао Ле, Ким Ван До, Джу Бо Сан, Ким Рен Хо и несколько партизан.

К и м Р е н Х о (тихо). Еще раз повторяю план операции. Бензохранилище — в конце аэродрома, с южной стороны. Здесь северная сторона. Я и товарищи из партизанского отряда открываем огонь по караулке, чтобы отвлечь на себя внимание охраны. Тем временем Пак Сен Чу, Мун Цао Ле, Ким Ван До и Джу Бо Сан поджигают гранатами баки. Отходить к каменоломням. Действуйте!

Пионеры вместе с Джу Бо Сан скрываются в темноте. Остальные проверяют оружие.

К и м Р е н Х о. От успеха этой операции зависит многое. Наша армия идет сюда, американцы готовятся бежать. Мы должны оставить их самолеты без горючего! (Среди партизан радостное оживление. Ким Рен Хо смотрит на часы и вглядывается в темноту.) Они уже там. Огонь! (Партизаны дают несколько очередей из автоматов. Слышна ответная пальба. Впереди видно зарево и раздается взрыв.) Взорвано! Внимание, начинается отход.

Продолжая стрелять, партизаны скрываются.

Картина восьмая

Комната в полицейском управлении. Прямо окно, слева дверь в камеры, справа входная дверь, в глубине слева — письменный стол и два стула. На одном из стульев сидит американский офицер, положив ноги на стол. Справа входит генерал полиции
Л о Ё н Д э.

Г е н е р а л. Здравствуйте, сэр!

О ф и ц е р (нехотя снимает ноги со стола и продолжает сидеть развалиясь). Привет, генерал. (Генерал проходит к столу и садится.) Сегодня мы должны закончить все дела, это приказание штаба.

Г е н е р а л. Да, и как можно скорее, сегодня я уезжаю.

О ф и ц е р. Мы все уезжаем, генерал, благодаря вашим соотечественникам.

Г е н е р а л. Я вас не понимаю, сэр.

О ф и ц е р (насмешливо). А тут и понимать нечего. Как

только оборону занимают лисынмановские части, приходится укладывать чемоданы.

Г е н е р а л. Я не склонен шутить, сэр, в такое время. Нам надо торопиться. (Доносится гул орудий.) Вы слышите? Время не ждет. Привезли заключенных?

О ф и ц е р. Да. Полная камера. Стоит ли возиться, генерал? Перестрелять их — и все!

Г е н е р а л. Это мы успеем. Мне поручено немедленно найти и ликвидировать подпольный центр партизан. (Нажимает настольный звонок. Входит полицейский.) Давайте сюда эту... Пак Чен Хэ. (Полицейский уходит в дверь налево.) Упрямая тварь. Я чувствую, она знает больше, чем кажется. Но сегодня я из нее вытяну все! (Полицейский вводит Пак Чен Хэ. Она очень изменилась и выглядит гораздо старше своих лет. На лице видны следы побоев. Она с трудом передвигает ноги.) Я хочу верить, что ты сегодня расскажешь все, и мы тебя отпустим домой. Где скрываются партизаны? (Пак Чен Хэ молчит.) Ты это знаешь, мы установили это совершенно точно. Отвечай!

П а к Ч е н Х э (устало). Не знаю, а если бы даже знала — все равно не сказала бы.

О ф и ц е р. Ничего вы от нее не добьетесь, генерал. Вы ведь знаете, я специалист по корейским делам. Три ночи я допрашивал ее, потом две недели она провалялась, но молчит как пень. До чего живучи эти корейские свиньи! (Иронически.) Простите, генерал.

Г е н е р а л (встал и подходит к Пак Чен Хэ). Ты коммунистка? (Пак Чен Хэ молчит.) Говори, — коммунистка?

П а к Ч е н Х э (поднимая голову и глядя генералу в лицо). Да!

Генерал бьет ее по лицу. Пак Чен Хэ пошатнулась, но полицейский подхватил ее.

Г е н е р а л (отходит к столу, вытирая платком руку). Убрать в камеру!

Полицейский уводит Пак Чен Хэ. Офицер злорадно хохочет и закуривает сигаретку. Нарастающий шум боя доносится громче.

Генерал и офицер встревоженно подходят к окну. Входит полицейский.

Г е н е р а л (оборачиваясь). Девчонку сюда, которую задержали ночью!

Полицейский уходит. За окном слышна сирена автомобиля, и в комнату вбегают Ло Чи Ман с чемоданом в руке.

Л о Ч и М а н (офицеру). Здравствуйте, сэр! (Офицер кланяется.) Папа, чемоданы в машине — мы должны ехать, чтобы не отстать от штаба.

Г е н е р а л. Да, да, сейчас. Я только допрошу девчонку, кажется, одну из учениц твоей школы.

Л о Ч и М а н. Будь они прокляты! (Офицеру.) Извините, сэр!

О ф и ц е р. Олл-райт, я вполне разделяю ваше мнение. (Предлагает ей сигаретку. Ло Чи Ман закуривает. Полицейский вводит Мин Чу Ду.) Эта девчонка захвачена нашим патрулем сегодня ночью за расклейкой партизанских листовок.

Л о Ч и М а н (разглядывая ее). Да, она, кажется, из моей школы.

Г е н е р а л. Где ты получила листовки и кто тебя послал с ними? (Мин Чу Ду молчит.) Мы знаем все. Тебя послали партизаны. Скажи, где они скрываются, и мы отпустим тебя. (Мин Чу Ду молчит.)

Л о Ч и М а н (подходит к ней). Не будь такой упрямой, девочка. Мы желаем тебе добра. Скажи, кто послал тебя с листовками, и тебя отпустят домой, а я тебе подарю американскую шоколадку. Хочешь?

Мин Чу Ду пристально смотрит на нее и вдруг плюет ей в лицо. Ло Чи Ман отшатнулась и вытирает лицо платком. Офицер подбегает к Мин Чу Ду и выкручивает ей руки за спину.

О ф и ц е р. Они не понимают такого обращения, с ними надо говорить по-нашему, по-американски! (Мин Чу Ду.) Говори, кто послал тебя? (Выкручивает руку. Невыносимая боль искажает лицо Мин Чу Ду, но она молчит.) Где прячутся партизаны? (Продолжает выкручивать руку. У Мин Чу Ду вырывается слабый стон и она опускается на пол, теряя сознание).

Г е н е р а л. Убрать!

Полицейский вытаскивает Мин Чу Ду в дверь налево.

О ф и ц е р. Вот так все они, от малого до большого. Проклятое место!

За окном слышатся выстрелы.

Л о Ч и М а н. Папа, едем немедленно, я не могу больше ждать!

Г е н е р а л (торопясь). Да, да. (Офицеру.) Вы правы, сэр, нам некогда возиться с ними. Прикажите их ликвидировать.

О ф и ц е р. Теперь вы видите, генерал, что я разбираюсь в корейцах лучше, чем вы? (Входит полицейский.) Принесите автомат. (Полицейский уходит вправо.)

Л о Ч и М а н. Как, вы хотите сами?

О ф и ц е р. Да, у меня есть некоторый опыт. (Усмехается и закуривает сигарету. Полицейский приносит автомат и передает офицеру.) Я прошу вас подождать. Это буквально несколько минут. Вы подвезете меня. (За окном снова слышатся выстрелы и взрывы гранат. Полицейский убегает направо и тотчас же возвращается.)

Полицейский. Партизаны! Они перебили охрану!

Слышатся голоса. Генерал и Ло Чи Ман бросаются к окну. В это время распахивается дверь справа, и в комнату врываются Пак Сен Чу, Ким Рен Хо и Джу Бо Сан, вооруженные автоматами. Офицер наводит автомат на Пак Сен Чу, но сзади с шумом распахивается окно и раздается выстрел. Офицер падает. Это стрелял Ван Гуа Дзе, который стоит на подоконнике вместе с Мун Цао Ле. За окном видны фигуры партизан. Генерал, Ло Чи Ман и полицейский поднимают руки вверх.

Ван Гуа Дзе. Уведите их! (Несколько партизан уводят генерала, Ло Чи Ман, полицейского и раненого офицера, предварительно обезоружив их.) Ким, пойдите в камеру!

Ким Рен Хо уходит налево. Минута напряженного ожидания.
Ким Рен Хо возвращается.

Ким Рен Хо (радостно). Живы!

Общее оживление. Слева начинают выходить освобожденные. Некоторые из партизан узнают своих близких и знакомых. Слышатся возгласы радости и горя. Последними медленно выходят Пак Чен Хэ и Мин Чу Ду, которая поддерживает больную руку.

Пак Сен Чу (узнает мать). Мама! Мапочка!

Бросается к ней и обнимает. Джу Бо Сан, Мун Цао Ле и другие члены «Пионерской гвардии» окружают и с радостью приветствуют Мин Чу Ду. Ван Гуа Дзе подходит к Пак Чен Хэ.

Ван Гуа Дзе. Вы можете гордиться своей дочерью, Пак Чен Хэ. Так же, как она своей матерью. Тут есть ваш знакомый. Коан До!

Из группы партизан выходит молодой боец. Он смотрит на Пак Чен Хэ и вдруг радостно улыбается.

Коан До. Это она, товарищ Ван! Это та самая женщина, которая спасла меня от врагов. (Он низко кланяется ей, подходит и целует руку.). Спасибо, мама!

Пак Чен Хэ хочет улыбнуться, но это плохо ей удается, слезы катятся по ее лицу. В это время вбегает один из партизан.

Партизан (радостно). Товарищ Ван! Народная Армия вступает в город!

Общая радость. Возникает боевая песня корейского народа, она ширится и растет.

Леонид Завальнюк

БУДЬ ГОТОВ!

Я помню, как дорогою одною,
Мы вместе, Сашка, бегали в детсад,
Как наших мам не слушались порою —
Пусть наши мамы это нам простят...

Нас книжками от шалостей лечили.
На час оставив детский шум и гам,
Мы в пять с тобою азбуку учили,
А в шесть уже читали по складам.

А в восемь лет мы побежали в школу,
Где втолковали нам не без труда,
Что синева над нашей милой Шполой
Всего лишь только воздух и вода.

Я помню день в огромном школьном зале.
Обоим нам по девяти годов.
Тогда впервые в жизни нам сказали
Две сотни пионеров: — Будь готов!

И все нам показалось достижимым.
Пускай еще штанишки до колен, —
Мы повязали галстуки с зажимом,
Где было три костра и пять полен.

Я помню, как взвивался в небо круто
Фантазии пленительный полет,
Как мчались по жюльверновским маршрутам
В своих кроватях ночи напролет.

Потом «генштаб» на чердаке сарая.
Мы представляли грозное ЧК.

Спешили с Павкой выручать Жухрая,
Готовились в поход на Колчака.

Не знали мы, что завтра смертью дунет,
И наше детство светлое — на слом,
Что это двадцать первое июня —
Последнее не черное число.

* * *

Когда я вновь и вновь листаю, други,
Святую книгу этих грозных дней, —
Как к самой чуткой и большой подруге
Я обращаюсь к памяти своей.

Я помню, Сашка, пламя то и дело
Врезало небо красною стрелой.
На Ленинской, на площади — горело,
И воздух был горячий и сухой.

С разбитых стен повисли мертво рамы,
Подвальных окон яростен оскал,
В седой пыли, с еще не стертым «Ма-ма»
У ног валялась классная доска.

И, оглядевши площадь без опаски,
Не детски что-то гневное шепча,
Звезду пяти лучей, как та — на Спасской,
Ты начертил осколком кирпича.

Шаги!

Взглянул, — на миг отшибло память
И бросило в холодный нервный пот:
Фашист проклятый, грохая шипами,
По Пролетарской улице идет.

Он, сытый нашим русским хлебом,
В мундире бранденбургского сукна.

Три выстрела вспороли сухо небо,
Три выстрела — и снова тишина.

Он запахнул шинели синей полы,
Небрежно бросил в кобуру наган...
Стояла ночь. Среди развалин школы
Лежал черноголовый мальчуган, —

Принявший смерть, не сгорбившись от страха,
Простой, прямой, как первый луч в окно.

И галстуком на стиральной рубашке
Напротив сердца — красное пятно...

* * *

Мне встать бы, Сашка, яростно и грозно,
Убийце пулю в медный лоб всадить!..
Я получил винтовку слишком поздно,
Чтобы тебя от смерти оградить...

Мороз ледком завесил окна плотно.
Еще темно, еще не день, но вот
Восход набросил красные полотна
На серый и холодный небосвод.

И я гляжу на утреннее пламя,
На легкий пар, что над землей висит,
И жду, когда недремлющая память
Твои черты мне снова воскресит.

Вот ты идешь, слегда хрустя по насту, —
Седой малец двенадцати годов,
И, поправляя свой горящий галстук,
Ты говоришь мне снова:

— Будь готов!

И мне слышнее вопли злобы лютой
За синим валом пенистых громад.
Но вместо пионерского салюта,
Я молча сжал до боли автомат.

Я молча сжал —

Здесь лишних слов не надо —

Холодный спуск неволью теребя.
Я там, за океаном, вижу гада,
Который в Шполе выстрелил в тебя.

Он на убийцу выдержал экзамен,
И смотрит вот который год уже
Чумными ненавистными глазами
На наших яснооких малышей.

Ему б, как скот, согнать их всех на биржу..
Все отобрать. Вогнать навек в хомут.
Но я все это, Сашка, знаю, вижу,
Детей не дам в обиду никому!

Пускай летят мечты их беспредельно,
Пускай растут на славные дела. —

Пока я жив, мой друг, поверь мне,
У них не будет черного числа!

Пусть станет им оплотом и порукой
Святая сила этих жарких слов.

Я — на посту. Ты слышишь,
павший друг мой,

Ты слышишь, Сашка, —
Я всегда готов!

Екатерина Устименко

В НАШЕМ ГОРОДЕ

РАССКАЗ

1.

Федор Николаевич Ямщиков, главный инженер шахты имени Ворошилова, возвращался домой, радостно взволнованный. На шахту сегодня прибыло новое оборудование.

«Это, пожалуй, позволит увеличить добычу угля почти вдвое», — размышлял он по дороге. «Нужно только всю эту технику правильно использовать». И Федор Николаевич думал о том, как лучше расставить механизмы, чтобы добиться наибольшей производительности. Он вспомнил, как принимал новенький электровоз молодой машинист Александр Чурманов.

— Хороша машина, — любовался он.

Чурманову, видимо, о многом хотелось спросить у инженера, но он боялся показаться навязчивым. Насупил густые черные брови и быстро принялся за дело. Работа спорилась в его ловких руках.

Мысли Ямщикова перешли к молодым рабочим. На каждом участке были такие пареньки, как Чурманов. Это рабочие, многие из которых учились в вечерних школах-десятилетках, много читали, ходили на лекции, страстно спорили на литературных диспутах и мечтали уехать учиться в институты. Это уже были не просто рабочие, каких инженер Ямщиков видел в начале своей производственной деятельности. Творческое отношение к труду и постоянный рост знаний делал этих ребят очень ценными работниками.

Ямщиков вспомнил, как сегодня Чурманов все же засыпал его вопросами о работе новой машины. На некоторые из этих вопросов Ямщиков, опытный инженер, не смог сразу ответить. Кареглазый, задумчивый, широкоплечий юноша вызывал в Федоре Николаевиче особое чувство. Обычно он разговари-

вал с молодыми рабочими, как старший с младшими, учитель с учениками. А Чурманова почему-то не мог так же весело спросить, как, например, всегда жизнерадостного Федю Сенченко:

— Ну, как живешь, дружок? Как твои успехи?

Такой вопрос, казалось Федору Николаевичу, мог обидеть серьезного и немного сурового юношу. С ним он разговаривал только о работе.

В этом году Александр заканчивал десятилетку, но Федор Николаевич ни разу не слышал от Чурманова разговоров о будущем, об институте.

Федор Николаевич поймал себя на том, что, углубившись в свои мысли, еле-еле бредет, и заторопился домой.

Вся небольшая семья обычно встречала его, когда он возвращался с работы. Жена Ямщикова — Анна Филипповна нигде не работала, хотя была хорошей чертежницей. Вскоре после женитьбы у них зашел серьезный разговор о ее судьбе.

— Иди учись, Аня, — сказал тогда Федор Николаевич, — у тебя ведь большие способности. Ты сможешь стать хорошим работником.

Но Анна Филипповна отказалась, и Ямщиков постепенно примирился с тем, что жена его всю себя отдает дому, особенно с тех пор, как появился Юрик. Федор Николаевич очень любил сынишку и, как всегда, с нетерпением ожидал встречи с ним.

Юрик, увидев его, конечно, бросится в комнату, а оттуда вприпрыжку выбежит с дневником в руках и закричит:

— Пять! Пять! За стихотворение!

И будет прыгать вокруг него, без конца рассказывать про Борю, и про Валерия, и про новый каток, и про многое другое, что интересует одиннадцатилетнего мальчика.

Но дома его не встретила, как обычно, жена, а Юрик не выбежал навстречу. Жену он увидел в зале. Она была бледная и с трудом сдерживала рыдания.

— Что случилось? — спросил Федор Николаевич.

Анна Филипповна ответила не сразу.

— Что же случилось, Аня? — с тревогой снова спросил Федор Николаевич. — Юрик нездоров?

Наконец, жена повернула к нему заплаканное лицо.

— Здоров, только с ним неблагополучно. Он попал в плохие руки.

Она немного помолчала, а потом снова заговорила с обидой:

— Сюда приходила его учительница, совсем еще молоденькая. Чего она только ни наговорила о Юрике! Он у нас и грубиян, и зазнайка, и выскочка. Ну скажи, Федя, как может так говорить учительница об одиннадцатилетнем мальчике? Он же совсем еще ребенок, а она от него требует, как от взрослого человека!..

Федора Николаевича взволновали слова жены. Может быть, действительно, в том, что говорила учительница о его сыне, есть доля правды. Ведь они воспитанием сына занимались только дома, а в школе почти ни разу не побывали. Кто знает, как Юрик относится к товарищам, к учителям?

— Ты не волнуйся, Аня, и при Юрике никаких разговоров пока не заводи об этом, — сказал, наконец, Федор Николаевич. — Я сам схожу в школу и выясню, в чем дело.

2.

В этом месяце Александр Чурманов хорошо поработал, и зарплата была высокая. Кроме того, ему еще начислили премиальные. Александр собирался купить братьям летнюю одежду и обувь. В день получки он принес матери продукты, а малышам конфеты и печенье.

Стояли солнечные предвесенние дни. В десятилетке, которую кончал Александр, чувствовалось радостное оживление, какое обычно бывает в школах перед весенними экзаменами.

На переменах только и разговоров было, что об институтах. Десятиклассники приносили объявления, вырезанные из газет, и горячо обсуждали преимущества одних институтов перед другими. Надя Динова хвалила педагогический, Федя Сенченко мечтал о строительном, а Александру нравился горный. Горный институт привлекал его потому, что, проработав на шахте три года, он успел полюбить свою специальность и мечтал о работе горного инженера.

«Все равно это только мечты, — с грустью думал Александр. — Горный институт заочного отделения не имеет, а уехать из дому невозможно — на кого же я оставлю ребят?.. Мать, пятидесятилетняя, слабая здоровьем женщина, не сможет заработать на всю семью. Я, старший, должен взять всю тяжесть на себя, покуда не подрастут братья».

Всегда заботливый сын и брат, Александр был в семье веселым и простым, радуясь и печальясь вместе с братьями и матерью, заботясь о них, вникая во все мелочи их жизни. Но теперь он очень переменился. Часами раздумывал о своем будущем, мечтал об учебе в институте, а мысли постоянно возвращались к одному и тому же — что будет тогда с семьей?.. Нет, не мог он оставить их одних.

Перемену в Александре заметила мать, а потом и братья. И в маленьком домике, где раньше всегда было весело, незаметно стала приживаться тишина и чувство взаимной виноватости. Александр чувствовал себя виноватым перед матерью в том, что тосковал о другой жизни, об институте. Мать обвиняла себя в том, что связала сына семьей. Это чувство передалось и мальчикам.

Жизнь в семье становилась тяжелой, нерадостной. Мальчики теперь по вечерам не рассказывали наперебой Саше сво-

их школьных новостей, не состязались в решении задач. Мать, всегда говорливая и ласковая, теперь шила молча.

В один из таких вечеров, когда Александр, похудевший, большеглазый, готовил уроки, мать подошла к нему, погладила по голове и сказала:

— Ты, сынок, не горюй, за нас не беспокойся. Кончай школу и поезжай, учись на инженера. Мы тебе поперек дороги не станем.

— А как же вы? — тихо спросил Александр и почувствовал, как забилося сердце.

— Как-нибудь проживем. Я пристроюсь на работу. На харчи хватит, а больше нам ничего не надо.

Александр знал, что и прежде, когда мать была моложе и здоровее, она не работала — дома хватало дела. А теперь какой из нее работник...

— Нет, мама, никуда я не поеду. Я буду работать здесь, и ты ни о чем не думай.

Он встал и начал собираться.

— Куда ты, Саша? — спросила мать.

— Схожу к Петру.

Стоя у окна, мать долго смотрела ему вслед, потом взглянула на узенькую тропинку, которая вела к высокой дощатой калитке, где яркая зеленая краска выцвела от времени. С грустью думала она, как сыну тяжело. Сын хочет учиться, а она не может убедить его, что они проживут и без него, хоть она и сама не представляла еще, как они будут жить. Знала она, что без Саши трудно им будет, но материнское сердце подсказывало: сыну нужна большая дорога в жизни.

А Саша шагал вдоль широкой улицы по дощатому тротуару. Кое-где еще лежал последний снег, обледенелый, ноздреватый и грязный. Александр сунул руку в карман пальто и вдруг нащупал маленькую книжечку. Он вынул ее и узнал дневничок младшего брата Миши.

«Почему он у меня в кармане?» — удивился Александр и открыл его на последней страничке. За несколько дней не стояла его «родительская», как он сам любил говорить, роспись. В последнюю неделю учительница два раза просила родителей зайти в школу. Сегодня она приглашала на родительское собрание, которое назначалось на 8 часов вечера. Саша взглянул на часы. Половина десятого. Неудобно получилось... но, может, собрание еще не кончилось? Юноша торопливо зашагал к школе.

«Что же случилось с Мишкой, что два раза просили зайти? — думал он. — Наверное, что-то натворил или уроки не учит как следует». Он еще раз просмотрел дневничок. Среди четверок красовалась тройка по чтению с пометкой учительницы: «за стихотворение».

Александр снова заторопился. Вот показалось трехэтажное здание школы с ярко освещенными окнами. Александр

шел теперь на родительское собрание, но он сам учился в этой школе и не мог преодолеть ученической робости. Поднявшись на парадное крыльцо, тщательно вытер ноги, быстро осмотрел себя. Когда он подходил к классу с табличкой — «4-а», «4-б», дверь раскрылась и, оживленно переговариваясь, начали выходить родители.

— Понимаю теперь, почему мой Вася не нахвалится учительницей. Хороший человек Тамара Васильевна и умело к детям подходит, — услышал Александр слова пожилой женщины.

— Это правда, — тотчас же отозвалась другая, — я во всем довольна Тамарой Васильевной. Ну, и насчет белых воротничков, по-моему, правильно.

«Кончилось собрание, — огорчился Александр, — теперь зайти неудобно. Подумает — все пришли во-время, а он не может. Нет уж, пойду к Петру».

3.

Когда родители разошлись, Тамара Васильевна достала из шкафа ученические тетради и красные чернила. Открыла первую тетрадку, прочитала три первых строки и почувствовала, что не может сосредоточиться. Щеки ее все еще возбужденно горели. Она мысленно договаривала то, что не успела сказать отцам и матерям своих учеников.

«Огромное значение имеет ваш личный пример. Будьте сами добры, вежливы, честны, трудолюбивы, экономьте время, любите книгу, — и все ваши хорошие качества незаметно переймут у вас дети», — шептала она про себя.

В классе было особенно тихо, как бывает поздно вечером в очень большом здании. Только ветер за окном шелестел ветвями тополя. Тамара Васильевна отложила ручку и задумалась...

Как похожи, думала она, дети на своих родителей. У Рыльских душа-дедушка и душа-внучек. А вот Черков — весь в мать. Она очень много разговаривает и часто своим словам отчета не дает, и Валерик такой же. С ним много надо работать и даже, пожалуй, так его воспитать, чтобы со временем эта черта матери стала для него предметом внутренней критики.

Потом она задумалась о Толе Кролевском и его матери. Она — детский врач. Отец Толи, капитан, погиб на фронте. «Какая она милая, вежливая, — размышляла Тамара Васильевна, — и Толя такой же застенчивый, тактичный». Она живо представила себе личико Толи, которое вспыхивало ярким румянцем, когда он говорил, а карие глаза опускались от смущения. Кролевская много работает, но всегда большое внимание уделяет воспитанию сына, следит за тем, чтобы его

воротничок и манжетики всегда были белоснежными, чтобы китель был вычищен.

А вот Вова Лукьянов всегда неопрятен, несмотря на замечания учительницы. А ведь мать его не работает. Тамара Васильевна вспомнила свое первое посещение дома Лукьяновых.

Лукьянова, молодая, небрежно одетая женщина, встретила ее неприветливо. Разговор происходил у калитки.

— Я учительница Володи. Пришла с вами познакомиться.

— Нахулиганил, поди?

— Нет, не нахулиганил. Я пришла посмотреть его рабочее место, побеседовать с вами.

Только тогда Лукьянова пригласила:

— Проходите, пожалуйста. Только у нас сегодня не прибрано. Знаете, надоедает за ребяташками убирать, решила себе сегодня отдых сделать.

Дом поразил Тамару Васильевну беспорядком. Постели не заправлены, хотя был уже час дня. Повсюду, как попало, разбросаны вещи. На обеденном столе — горка грязной посуды.

«Да у тебя, голубушка, наверно, каждый день — выходной», — подумала Тамара Васильевна и спросила:

— А где ваши дети?

— Бегают, шатаются где-то. Хоть привязывай, никак не слушаются. Отец на работе, а я хоть кричи, хоть не кричи... Пока были поменьше, так ремешка боялись, а теперь ничего не боятся.

Тамара Васильевна поняла, что трудно ей будет с Володей — тут влияние дома не помогает учителю, а мешает. Нужно поговорить с отцом Володи, попросить его подействовать на жену.

Потом в памяти, как бы в противоположность Лукьяновым, пронеслись образы матери и сына Пранкевичей. Девятого марта Тамара Васильевна стала спрашивать в классе, как дети накануне отметили праздник своих матерей. Володя, когда к нему обратилась учительница, встал, одернул аккуратный китель и, внимательно следя за своей речью, заговорил:

— Пока мама была на работе, мы с Колей вымыли полы, сварили суп и кофий...

— Кофе, — поправила Тамара Васильевна.

— Кофе. Поджарили колбасу и стали ожидать маму. Мама пришла в семь часов вечера. Она была рада, что мы все сделали. Тогда Коля сказал: «Мама, мы с Володей поздравляем тебя с Международным женским днем и желаем тебе, чтобы ты всегда была здорова и счастлива...» Потом мы поцеловали маму, а мама поцеловала нас и поблагодарила.

— Садись, Вова...

Эти слова означали — «молодец» — так понял весь класс.

Вова учился хорошо, вел себя сдержанно и скромно. Характер его стал особенно понятен Тамаре Васильевне после того, как она познакомилась с его матерью. Эта худенькая, пожилая, очень вежливая и простая женщина работала прачкой. Второй ее сын, Коля, учился в 6 классе. Тамара Васильевна знала, что до вечеров ребята часто читают вслух, и мать тоже читает. Она часто приходила к учительнице поговорить о сыне, знакомилась с книгами по воспитанию.

Один за другим проходили в мыслях Тамары Васильевны образы ее учеников. Наконец, она решительно принялась за тетради. Вскоре кто-то постучал в дверь.

4.

Александр не застал Петра и, возвращаясь домой мимо школы, увидел в ярко освещенном окне учительницу, склонившуюся над тетрадями.

«Еще работает», — с уважением подумал он и решил: «Зайду все-таки поговорить».

— Вот хорошо, что зашли. Я давно хочу вас видеть, — сказала, поднимаясь ему навстречу, учительница. — К вам домой не соберусь, а вы, наверное, заняты.

— Что вы, Тамара Васильевна! У вас сорок учеников. Если ко всем каждый раз ходить, так на другие дела времени не останется.

— Вы видели мои записи в дневнике Миши?

— Видел. Извините, что на собрание опоздал. Дневничок Миши со мной.

— Вы заметили, что Миша снизил свою успеваемость?

— Да. Судя по оценкам.

— И вести себя он начал как-то странно. Он часто теперь бывает рассеян на уроках. Он не болен?

— Нет.

— В чем же дело? — Ведь в третьем классе он учился на пятерки, да и всю эту зиму. И вот к концу зимы... Не могу понять, в чем дело. Он даже домашние задания иногда не выполняет. У вас дома что-то случилось?

Александр взглянул на учительницу и встретил серьезный и приветливый взгляд.

— Я виноват, Тамара Васильевна, — неожиданно для самого себя сказал Александр и словно тяжелая ноша свалилась с его плеч. — Мало внимания стал уделять братьям...

— Вы особенно много работаете в последнее время?

— Нет, дело не в этом.

И Александр начал рассказывать обо всем, что его волновало.

— Я виноват во всем, — закончил он. — Стал думать только о себе, об институте. А у меня ответственность перед семьей.

Наступило минутное молчание. Александр чувствовал, что Тамару Васильевну тронул его рассказ. «Такой человек не способен на подлость, — думала она. Он сам судья своих поступков. Лицо мужественное, но в то же время ясное, детское. Ему нужен большой труд и постоянное душевное удовлетворение своей работой, жизнью».

«Какая маленькая и хрупкая, — думал юноша, — но сколько в ней силы!»

— Вы на какой шахте работаете? — спросила Тамара Васильевна.

— На шахте имени Ворошилова.

— А кто у вас начальником?

— Смельковский. Сейчас его замещает главный инженер Ямщиков.

Тамара Васильевна продолжала расспрашивать Александра о его работе, учебе, а сама думала: «Надо поговорить с Ямщиковым. Неужели у шахты нет возможности помочь его семье, чтобы он смог учиться? Ведь он комсомолец, стахановец».

Она улыбнулась Александру.

— С Мишей я побеседую, займусь им. Он будет хорошо учиться, — волнуясь, сказал Александр.

— Вот и хорошо.

Тамара Васильевна встала и подала юноше руку.

— До свидания, — сказал он и взял с первой парты свою шапку.

— До свидания, — тихо ответила учительница, и Александр понял, что она очень устала.

5.

В те дни, когда Тамара Васильевна долго засиживалась вечером, она позволяла себе утром поспать не до семи, а до восьми часов. Но на второй день после родительского собрания проснулась по старой привычке в семь часов, отдохнувшая, в светлом и радостном настроении. Ей трудно было сразу понять, что же вчера случилось хорошего и значительного.

Обычно, просыпаясь, она вспоминала события предыдущего дня, думала, что предстоит сделать сегодня, и ее всегда охватывало чувство удовлетворения собой, своей работой.

Здесь, в городе, Тамара Васильевна жила второй год, с тех пор, как окончила педагогическое училище. Привыкла к людям, окружавшим ее, к городу. Много радости доставляла ей работа, ее четвероклассники, которые требовали большого внимания и забот, но вместе с тем немало счастливых минут приносили своей учительнице.

И все же ее по временам охватывала тревога. «Я плохо работаю», — однажды утром сказала она себе. Сказала и

как будто легче стало: показалось, что найдена причина. «Нужно работать лучше. Да, конечно».

В тот день она тщательнее, чем всегда, приготовилась к урокам, в классе была особенно требовательна к себе и к ученикам. Потом посетила несколько уроков опытных учителей. Про себя отметила, что ее ученики не уступают в знаниях другим четвероклассникам, а по многим вопросам имеют даже более широкий кругозор.

Нет, должно быть, причина не в том. Нужно, конечно, постоянно и упорно трудиться, чтобы стать таким педагогом, как, например, Татьяна Васильевна — заслуженный учитель РСФСР. Но главная причина тревоги не в этом.

«Что же это? — упорно думала она. — Чем я недовольна? Класс у меня хороший, с каждым днем растут, все больше узнают и раскрывают глазенки на широкий мир мои ученики». И вдруг поняла: «Ведь они уже в будущем году уйдут от меня. Уйдут к другим учителям, другие будут развивать их ум, выковывать волю, расширять знания. Шесть лет после меня они будут учиться в школе, решать сложные алгебраические уравнения, разбирать великие произведения русских писателей, знакомиться со свойствами металлов и, возможно, забудут меня, скромную учительницу начальных классов, которая вынесла на своих плечах самый тяжелый, черновой труд: научила их читать, писать и считать в пределах тысячи... Да и я, пожалуй, через пять-шесть лет многих из них не узнаю — они вырастут и переменятся».

И у нее постепенно возникло и окрепло желание не расставаться со своими учениками, провести их через всю школьную жизнь, вплоть до десятого класса, чтобы можно было, оглянувшись назад, с гордостью увидеть, что проделана действительно большая работа, выращены десятки молодых людей — разумных, деятельных, крепких...

Этого нелегко добиться. Слишком мало знает она, чтобы решить как следует эту огромную задачу. Значит, нужно снова приняться за учебу, но уже в институте.

Проснувшись утром после родительского собрания, Тамара Васильевна вспомнила беседу с Александром. Ее взволновало горячее желание юноши учиться. Она хорошо понимала его чувство неудовлетворенности, видела в нем свое собственное чувство. Чурманов должен поехать на учебу.

Она стала быстро одеваться.

...В приемной начальника шахты Тамара Васильевна подошла к секретарше.

— Доложите, пожалуйста, начальнику, что с ним хочет поговорить учительница Серкова.

Секретарша удивилась — обычно никто о себе не докладывает. Но тотчас же встала и прошла в кабинет.

— Зайдите, — выйдя через минуту, сказала девушка и приветливо кивнула.

Беседа продолжалась недолго. Тамара Васильевна рассказала Ямщикову о разговоре с Александром, о тяжелом положении, в котором он очутился, о его горячем желании учиться.

— Мне кажется, шахта непременно должна помочь ему, — закончила она.

Ямщиков помолчал немного, прошелся по кабинету. Потом улыбнулся посетительнице.

— Вы молодец, товарищ Серкова. Очень хорошо, что напомнили мне об этом. О семейном положении Чурманова мне говорили комсомольцы. И я, конечно, знал, что он кончает десятилетку. А все-таки не задумался об этом как следует. Саша славный юноша и хороший работник. Мы, конечно, поможем ему.

— А вы в какой школе работаете? — неожиданно обратился он к ней.

— В той же, где учатся Александр и его братья.

Когда Серкова ушла, Федор Николаевич еще некоторое время с теплотой думал о ней: «Совсем молодая еще, а какая чуткая к людям!.. Хотел бы я, чтобы Юрик учился у нее».

6.

А Тамара Васильевна, по пути домой, мысленно сравнивала отца и сына.

Вот сидит в скромно обставленном кабинете инженер Ямщиков. Ему не больше тридцати пяти лет. Открытое красивое лицо человека большой силы воли, сложного напряженного труда и простой души. У светлых глаз сеточка морщинок. Лицо усталое, но глаза смотрят пытливо, с интересом.

Тамара Васильевна зашла в кабинет волнуясь — как отнесется к ее просьбе Ямщиков?.. Услышала приветливое «Садитесь!», присела на краешек кресла и вдруг заметила, что Ямщиков сам смущен: еще не разошелся дым от только что выкуренной папиросы, и она закашлялась. «Значит, он способен на уважение к другим», — отметила она про себя.

Ямщиков открыл форточку, извинился и сказал:

— Я вас внимательно слушаю.

Да, славный отец у Юры Ямщикова.

Потом кабинет в ее воображении сменился привычной картиной класса. На первой парте, возле окна, — Юра Ямщиков с вытянутой изо всех сил рукой.

— Я скажу! Тамара Васильевна! Почему вы меня сегодня не спрашиваете?! — возмущенно кричит Юра, когда она называет фамилии других ребят.

— Неправильно! — кричит он с места, когда вызванный к доске ученик ошибается в решении задачи.

— Юра, нельзя выкрикивать с места, — делает ему замечание Тамара Васильевна.

— А почему вы меня не спрашиваете?! — вскакивает Юра.

— Сядь, пожалуйста, и не мешай товарищам.

Юра возмущенно опускается на скамью и сердито ворчит про себя. Так бывает почти на каждом уроке.

Однажды на перемене Юра побил Петю Семенко. На уроке Петя тихонько всхлипывает. Юра втихомолку показывает ему кулак: «Попробуй, дескать, пожаловаться!» Ребята с трудом сдерживают негодование. Все ждут окончания урока, чтобы дружно обрушиться на Юрку-выскочку, как они его между собой называют. Учительница крупными буквами записала на доске задание на дом, и раздался долгожданный звонок.

— Сейчас мы, Юра, все расскажем Тамаре Васильевне и поговорим о твоём поведении, — говорит председатель совета отряда Толя Изаксонов, выдержанный и авторитетный среди ребят мальчик. — Как ты смеешь обижать товарища!

— И я расскажу! И я расскажу! — выкрикивает Юра.

— Успокойтесь, ребята, — говорит Тамара Васильевна и обращается к Толе: — Что случилось?

— Юра Ямщиков на перемене избил Петю.

— Я не дрался! — кричит Юра.

Ребята с неприязнью смотрят на него.

— Я его не трогал! Я стоял у стены, а он подошел и сам ударил меня по лицу. Что ж, я должен терпеть?!

— Значит, ты его все-таки ударил?

— Я его не бил...

— Петьке, чтоб достать до твоего лица, нужно на табуретку становиться, — замечает Толя, и его слова покрываются дружным смехом.

Улыбается и Юра. Ему тоже смешно. Эта улыбка вызывает у учительницы недоброе чувство к нему. «Значит, на него не действует осуждение товарищей. Откуда у него такое пренебрежение к коллективу?..»

— Он меня в грудь ударил, — вызывающе улыбаясь, поправляется Юра.

— Ты же говорил, что в лицо! — возмущенно восклицает сразу несколько голосов.

Мальчики рассказывают, как Юра толкнул Петю изо всех сил, как тот ударился головой о дверь, заплакал и сказал, что он и так болеет, а Юра на это грубо ответил:

— Раз болеешь — помирай!

— Подожди-и-и, я расскажу Тамаре Васильевне!

— Расскажешь?

— Расскажу-у-у!

— Только пикни!

— Не пугай!

Тогда Юра начал бить Петю по лицу, пока его не оттащили товарищи.

Тамара Васильевна пожалела, что ушла на перемене в библиотеку, оставив ребят одних. «Но ведь нельзя же сидеть возле них наседкой», — думала она. «Они должны сами поступать правильно».

Много говорили в тот день мальчишки о пионерской чести, о дружбе, о том, что сильный должен защищать слабого товарища. Юра стоял спокойно, как будто страстные и убедительные речи товарищей к нему не относились. Тамара Васильевна внимательно слушала учеников и радовалась за тех, чьи речи были насыщены недетским благородством. И горько ей стало за Юру, способного и умного мальчика, которого дома, несомненно, неправильно воспитывают.

— Хорошие у тебя товарищи, Юра, — сказала, наконец, учительница. — Есть с кого брать пример. Подумай о том, что тебе сегодня сказали пионеры.

— А что я плохого сделал?

Учительница вздохнула. «Надо серьезно поговорить с матерью Юры».

7.

В этот день Федор Николаевич вернулся домой за полночь, уставший и проголодавшийся. Дверь, как всегда, когда он приходил поздно, открыла домашняя работница.

— Анна Филипповна уже легла, — сказала она. — Ужин в кухне. Я вам не нужна, Федор Николаевич?

— Нет, Феня, идите спать.

Он быстро поужинал и тихонько прошел в комнату. На столе заметил дневничок Юры, в котором крупным почерком было записано: «Прошу отца Юры зайти в школу. Серкова».

«Серкова... Серкова... — знакомая фамилия. Где-то я ее встречал».

Федор Николаевич так и не вспомнил, что учительница, которая на днях разговаривала с ним о Чурманове, тоже назвала себя так. Не совмещался в сознании тот образ, который нарисовала ему жена, с тем, который у него сложился после посещения Тамары Васильевны. Утром жена сказала ему:

— Федя, походи к директору школы и договорись о переводе Юрочки в другой класс. Я больше не могу разговаривать с той учительницей, что приходила.

— Ладно, пойду.

По дороге в школу он решил сначала поговорить с учительницей сына, а потом уже обратиться к директору.

— Я бы хотел видеть учительницу Юры Ямщикова. Он учится в четвертом классе «а», — обратился Федор Николаевич к завучу — пожилому человеку в очках.

— Позовите, будьте добры, Тамару Васильевну, — попросил завуч одного из учителей. — Присядьте, пожалуйста.

Федор Николаевич присел и осмотрелся. В учительской шел оживленный разговор.

— Знакомьтесь, — вдруг услышал он за спиной. — Тамара Васильевна, учительница четвертого класса «а».

Ямщиков оглянулся. Перед ним стояла недавняя его посетительница. Федор Николаевич широко улыбнулся, не скрывая своей радости.

— Здравствуйте!

Он осторожно пожал ей руку. Тамара Васильевна немного смутилась: они теперь переменились ролями — Ямщиков пришел к ней по делу.

— Я беседовала с вашей женой, но мы не могли найти с ней общего языка. Поэтому я решила пригласить вас. Надеюсь, что вы меня поймете лучше...

Она внимательно посмотрела на собеседника — «Не обиделся ли за жену? Нет, не обиделся, кажется. Этот человек умеет правде в глаза смотреть».

Ямщиков ободряюще улыбнулся ей и, как несколько дней назад, сказал:

— Я вас внимательно слушаю.

— Я говорю о Юре. У него отличная память и большие способности. Юра в числе моих двенадцати отличников. Но вместе с тем он недисциплинированный ученик и плохой товарищ. Свое, личное, у Юры на первом месте. Он не считается с мнением товарищей.

И учительница подробно охарактеризовала Юру, приводя примеры поступков мальчика.

Ямщиков слушал с тяжелым чувством, с новой стороны думая о Юре. Да, его любимый единственный сын однажды ударил в саду соседскую девочку Свету и ни за что не хотел признать своей вины. Он каждый день предъявляет родителям все новые и новые требования, и мать — да и он сам, — ни в чем не отказывают ему. А, главное, ему безнаказанно сходят с рук все его плохие поступки.

— Вы правы, — сказал, наконец, Ямщиков. — Я очень, очень благодарен вам за то, что во-время мне подсказали это. Я надеюсь, что вы со временем заметите перемены в Юре.

— Правильно. Он — ребенок. В нем можно воспитать любые качества. И за воспитание его, мне кажется, вам надо взяться серьезно. И, потом, вот еще... — Тамара Васильевна замаялась, — и не знаю, удобно ли мне говорить это вам...

— Пожалуйста, говорите все, Тамара Васильевна.

— Видите ли, мне кажется, что вы должны повлиять на свою жену. Она любит сына и, наверное, поймет, что должна помогать вам правильно воспитывать Юру. Будет очень плохо, если вы не будете действовать согласованно.

— Я вас понимаю, Тамара Васильевна. Большое вам спасибо за добрые советы.

Прощаясь, она спросила:

— Решен ли вопрос о Чурманове?

— Да, Тамара Васильевна. Мы посылаем его учиться, а мать его устроим на работу в детский сад при шахте.

8.

В школе гремела музыка. У выпускников вечерней школы был прощальный вечер. Раздавался веселый смех, искрилось вино в бокалах, которые поднимали за любимых учителей, за родителей, вырастивших хороших сыновей и дочерей, и снова за счастье и успехи выпускников. Немало потрудились они, взрослые ученики, которые овладевали знаниями, не покидая производства. И вот сегодня им выдали аттестаты зрелости. Никогда еще не было им так радостно, как в этот чудесный летний вечер. Скоро они уедут в вузы, увидят новые города, и снова будут упорно учиться, чтобы потом еще больше пользы принести родной стране.

Александр сегодня чувствовал себя особенно сильным, способным сделать многое в жизни. Собираясь на вечер и утюжа новый серый костюм, он безумолку говорил с матерью, смешил братьев. И в доме было радостно и празднично. Без конца заходили соседи, товарищи, и мать, не дожидаясь вопросов, говорила всем:

— С серебряной медалью!

Он поискал глазами мать. Вот она раскрасневшаяся, помолодевшая сидит за праздничным столом, а рядом с ней — Ямщиков и Тамара Васильевна. Мать о чем-то взволнованно говорит Тамаре Васильевне, и слезы показались у нее на глазах — но видно, что это слезы радости. Вот Ямщиков зовет его.

Федор Николаевич налил два бокала вина:

— Давайте выпьем, товарищи, за то, чтобы через пять лет Саша вернулся в родной город и стал хорошим инженером на одной из наших больших шахт.

Александр был очень взволнован.

— Спасибо вам всем за то, что поддержали меня в трудную минуту. Я немного растерялся, не подумал, что в нашей стране сбываются все мечты. Вы мне напомнили об этом. Я постараюсь своей учебой оправдать ваше доверие.

Расходились уже под утро, когда на востоке посветлело, и был ясно виден каждый листок на тополях, посаженных вдоль дороги, каждый камешек на мостовой.

Александр проводил Тамару Васильевну до ее дома. Он подробно рассказывал ей, как устроил семью, как рада за него мать.

— Очень жалко мне, что я расстаюсь с вами, — говорил он волнуясь. — Вы для меня теперь самый близкий друг. Я всегда буду помнить ваши уроки, советы.

Тамара Васильевна, действительно, во многом помогла Александру. Нелегко было готовиться к экзаменам на аттестат зрелости, потому что много сил Александр отдавал работе на шахте. Больше трех месяцев она занималась с Александром, и экзамены он сдал успешно.

— Не грустите, Саша, — сказала она. — Мы ведь не навсегда расстаемся. Я тоже вам очень многим обязана. Вы помогли мне понять, что мне самой нужно продолжать учебу, чтобы стать настоящим воспитателем.

Придя домой, Тамара Васильевна с удивлением заметила на столе красивую вазу узбекской работы. Рядом с вазой лежала записка. Строгим чертежным шрифтом в ней было выведено:

«Чуткому и умному воспитателю — Тамаре Васильевне Серковой. Ямщиковы — отец, мать и сын».

Тамара Васильевна вспомнила последнее родительское собрание, где докладывала родителям об успехах их детей, своих учеников. За два года они и ей стали родными. Много сил и внимания приложила она, обучая их. Много было огорчений, неудач, но все тридцать шесть ее учеников перешли в пятый класс.

«Нет, дорогие ребята, мы с вами не расстанемся, будем вместе продолжать учебу». В ее столе лежало заявление о приеме на заочное отделение педагогического института.

За окном уже занимался день.

Михаил Поправко

НОВЫЙ ДОМ

Клубятся белые дымки
Поутру над селом.
Стоит у берега реки
Высокий новый дом.

Вокруг него еще лежит
Кудрявых стружек слой,
Древесный сук еще покрыт
Янтарною смолой.

Просторна горница, светла,
Играет луч в стекле.
Отсюда видно полсела,
И жизнь видна в селе.

И дом и зейская вода
Переселенца ждут.
На новоселье все сюда
Колхозники придут.

Клубятся белые дымки
Поутру над селом.
На берегу большой реки
Стоит красавец-дом.

Георгий Кузьмин

ПОЧТАЛЬОН

Говорят у нас в районе
О Татьяне-почтальоне.

Две косы из-под платка,
А глаза — два василька.

Шутят с Таней пареньки:
Подари, мол, васильки!

На двуколке в день морозный
Или в дождик, или в зной
Таня с почтою колхозной
Возвращается домой.

И обычно в час обеда
В летнем стане полевом
Слышат люди:

— Вот газеты,
Вам — журнал, а вам — письмо!

У комбайна на стерне
Почтальон ведет беседу
О событиях в стране...

Дважды в год — когда бураны
В поле сумрачном метут
И когда сады цветут —
На экзамены Татьяна
Уезжает в институт.

Таня учится заочно.
Пусть и трудно ей немного, —
Скоро наш доставщик почты
Станет в школе педагогом!

Да, не зря у нас в районе
Говорят о почтальоне!

Альберт Кривченко

НА СЕВЕРЕ

Снег на солнце серебрился,
Хоть и май махнул крылом...
Над бумагами склонился
В кабинете агроном.

Брови сдвинуты сурово:
Видно, важные дела
Агронома молодого
Задержали у стола.

Снисхожденья не желая
От природы ожидать,
Он решил родному краю
Новый сорт пшеницы дать.

Чтобы здесь, где не родился
Ни единый колосок,
Зашумел, заколосился
Хлеб — и стоек и высок.

Чтоб в полях комбайны плыли,
Собирая урожай,
Чтобы хлеб не привозили
Издаляка в этот край.

...Дым табачный в кабинете
Над столом, сгустясь, висит...
Нелегко задачу эту
Агроному разрешить.

Но не он один желает
Важный разрешить вопрос —
Агроному помогает
Всеми силами колхоз.

И своей добьется цели:
Непрерывно агроном:
Край морозов и метелей:
Будет славиться зерном.

А придут такие годы,
Что и сад здесь зацветет!
...Так суровую природу
Покоряет наш народ.

Егор Щербинин

ПЕРВЫЙ ЭТАП

РАССКАЗ

Когда погасли последние отблески заходящего солнца и опустились густые сумерки, стан ожил. С массивов вернулись трактористы и прицепщики дневной смены. Вместе с ними пришел и бригадир Максим Журавлев. На запыленных и обветренных лицах белели зубы да мелькали искрящиеся задором веселые глаза.

Прежде чем сесть за ужин, они долго отфыркивались, умываясь прохладной водой. А Даша, повариха на стане бригады, тем временем хлопотала у стола.

После ужина вспомнили про почтальона. Дважды выходил агитатор Дементьев на пригорок, внимательно прислушивался, всматривался в ночную мглу.

— Ну что, не едет? — интересовался Журавлев.

— Нет.

— Теперь и не жди его, — сказал Вася Гаврилов.

— Плохо ты старика знаешь, — возразила Даша. — Он аккуратный почтальон.

Журавлев вышел из вагончика. Его охватил теплый пьянящий майский воздух. Перед ним лежала степь, широкая и величавая. В отдалении плыли огоньки. Два... четыре... десять... Все пять тракторов работали отлично. Это можно было угадать по четкому и ровному рокоту моторов.

«Орлы, — подумал Журавлев. — Еще два дня — и закончим сев».

Три года подряд бригада Журавлева занимала первенство в районе. В прошлом году напряженно трудились, чтобы удержать переходящее Красное знамя. А нынче тем более: серьезные соперники. И особенно сосед Лазарев. Наступает на пятки да и только! Того и гляди впереди окажется. А если и вправду обгонит? Максим даже не мог себе этого

представить. Если опередят — позор на весь район. Да что на район, на всю область!

Журавлев вошел в вагончик, взором скользнул по переходящему Красному знамени, стоявшему на самом видном месте. На сердце отлегло.

* * *

Почтальон и не думал подводить. Как всегда, он спешил засветло попасть в журавлевскую бригаду. Но по дороге его повстречал Ефим Лазарев.

— Ермолай Петрович, заезжайте к нам на часок. Мы будем подводить итоги по севу. Обсудим их в бригаде, а наши результаты сообщите журавлевской бригаде, когда поедете туда.

Лазаревский стан стоял недалеко от дороги. Когда они приехали, вся бригада была уже в сборе. Скоро началось совещание. Оно проходило бурно, оживленно. Хотя бригада и окончила сев на день раньше срока, трактористы говорили не столько о своих успехах, сколько о том, что упустили. Обсуждали, как устранить недостатки на следующих работах. И только в конце совещания Лазарев сообщил, что бригада вышла на первое место в соревновании тракторных бригад района.

— А теперь давайте журавлевским хлопцам письмо напишем, — предложил он.

Все его поддержали.

— Правильно, надо написать.

Писали коллективно, и письмо получилось объемистым. В нем сообщалось, что бригада завершила сев яровых и приступила к подъему паров. Лазаревцы делились опытом работы по часовому графику, рассказывали, как соблюдают правила технического ухода за машинами.

— Что добавить? — спросил Лазарев.

— Пусть машины используют производительнее, — посоветовал кто-то.

— А поконкретнее? — снова спросил Лазарев.

— Вместо пяти сеялок на сцепе пусть тремя не обходятся, — ответил тот же голос.

Ермолай Петрович не выдержал, решил заступиться за журавлевцев.

— Не напрасно ли, хлопцы, упрекаете Максима? Тракторы у него неплохо работают.

Лазарев поддержал старика. Но трактористы закричали разом:

— Слышали об этом, директор МТС рассказывал.

— Если директор рассказывал, значит можно записать, — согласился почтальон и стал собираться в дорогу.

В журавлевском стане уже располагались на отдых, когда послышался отдаленный стук колес. Затем около вагончика раздался знакомый голос Ермолая Петровича.

— Тпр-у-у! Стой, разгорячилась.

Сон как рукой сняло. Все выбежали встречать почтальона.

— С опозданием вас, аккуратный почтальон, — съязвил Никифор Дементьев.

— Молчи, коль причины не ведаешь. Двадцать лет почту правлю, никто замечаний не делал. Надобность такая вышла, вот и опоздал.

И, повернувшись к Журавлеву, выпалил:

— Пропало твое первенство, Максимка!

Журавлев даже покачнулся, как от сильного удара. Чтобы не выдать своего волнения, он спросил:

— Ты это о чем, Ермолай Петрович?

— Будто и сам не догадываешься? Лазаревцы опередили.

Даша локтем толкнула Васю Гаврилова:

— Видал, какой оборот получился!

— Ну, теперь Максим свирепствовать будет.

А Ермолай, привязывая лошадь к столбу, сочувственно сетовал:

— Конфуз-то какой. Три года победителями считались, а вот Лазарев утер нос.

— Не тяни, Петрович. Говори быстрее, откуда такая весть, — вмешался Дементьев.

— Не заскакивай наперед, всему свой черед. Что вы повыскочили? Заходите в помещение, видите, дождик накрапывает.

Уселись вокруг стола. Лампа ярко освещала загорелые обветренные лица.

Журавлев свернул толстую цыгарку и глубоко затянулся. Почтальон медленно набил трубку, стал закуривать. Затем взглянул на задумавшегося Журавлева и, словно спохватившись, быстро раскрыл свою брезентовую сумку, вынул письмо.

— На-ка, Максимка, читай лазаревское письмо. Всей бригадой писали.

— Что же ты сразу не отдал? — вскипел Журавлев.

— А куда спешить, все равно обогнали.

Слова старика задела бригадира за живое. Он вскочил, снова сел, окинул грозным взглядом сидящих и загремел:

— Еще не ясно, кто впереди! Знамя не отдам, пока сам к ним не съезжу, не проверю, что и как они сделали.

В письме лазаревцев говорилось ясно: «Сегодня в колхозе «Зарево» наша бригада завершила сев яровых на площа-

ди 1200 гектаров. Качество проверяла комиссия, работу признали хорошей...»

— Смотри-ка, у них посев на 100 гектаров больше, — заметил Вася Гаврилов. — Тракторов у них стало быть больше?

— Тоже пять гусеничных, — возразил почтальон.

— Они раньше сеять начали, у них земля быстрее оттаяла, — отыскивал для себя оправдание Журавлев.

— В поле в один день выехали, — отозвалась Даша.

— Ты спи там, — цыкнул на нее Максим, — не твоя копка молотится.

— А чья же? Мы тоже члены бригады, душой болеем.

Журавлев не ожидал такого резкого отпора от скромной девушки. Поморщившись, он протянул письмо Дементьеву:

— Читай дальше. А то у меня глаза что-то режет.

Когда было прочитано то место, где журавлевцев упрекали в неполной загрузке тракторов, возмутился Вася Гаврилов:

— Это уж они через край хватили!

— Горячиться нечего, — заговорил тракторист Ваня Нечитайло. Правильно они пишут. Гаврилов возмущается, а сам же сегодня нарушение допустил. Ветер пыль гонит, а он бочку с солидолом оставил открытой. Намело песку на четверть.

— Без году неделю в бригаде работаешь и уже критикой занялся, — спокойно, но явно недружелюбно вставил Журавлев. — Не нравятся наши порядки — можешь к Лазареву перебираться.

— Ты мне рот не закрывай, Журавлев. Правда глаза, что ли, колет? У Лазарева, конечно, есть чему поучиться.

— Вишь, куда он гнет, — обратился к почтальону обиженный бригадир. — Когда первенство за нами было, все Максима хвалили. А теперь сразу непорядки обнаружались. Ну, критикуйте. Ругайте за то, что ночей не досыпал, старался, за колхоз болел.

— Самолюбия не показывай, Максим, — упрекнул старик. — Лазарев-то совсем другой характер имеет. Вон как у них на совещании критиковали хлопцы, а Ефимка и говорит: «Без критики вперед не пойдешь».

— Что вы мне Лазарева в пример ставите? Чему учиться у него? Цыплят по осени считать будем.

— Как бы этих цыплят у Ефима больше не оказалось, — в тон ему ответил Дементьев.

— Надеются в среднем по 30 центнеров с гектара взять, — добавил почтальон.

Журавлев быстро поднялся и вышел из вагончика, сильно хлопнув дверью.

— Переживает, — заметил старик. — Хорошо, когда человек переживает.

Ермолай Петрович заторопился в село. Готовясь выезжать, он любовался Максимом. Тот стоял, прислонившись плечом к кудрявой березе, — большой, задумчивый, обиженный. Он весь кипел. А на кого? Кто виноват, что бригада отстала? Сам, прежде всего сам.

Вот и вчера, например, Журавлев резко включил скорость и порвал серьгу пятерного сеялочного прицепа. Запасного не оказалось. Пришлось пускать трехсеялочный. Ушло время. Да и производительности той не дашь — три сеялки не пять. Журавлев очнулся от дум.

— погоди, Петрович, вместе поедем.

Они уселись на двуколке. Почтальон заторопил лошадь. И когда она побежала размеренной рысью, бросил незаметный взгляд на Журавлева. Тот повернулся в сторону лазаревской бригады и внимательно наблюдал за огнями, плывшими в ночи.

Чувствовалось приближение утренней зари. Ветер стал стихать. Он развеял остатки туч, очистил звездное небо. Где-то позади подымалась луна. Вдоль дороги тянулись длинные тени телеграфных столбов, глухо звенели провода, постукивали колеса двуколки, четко рокотали моторы тракторов. И, казалось, что гулом и рокотом наполнена вся обширная красавица-степь.

Максим уселся поудобнее и погрузился в думы. Вот как дело обернулось. Еще вчера его бригада шла впереди, а нынче... Правильно сказал Ермолай — конфуз на весь район. Обогнали. А кто обогнал? Лазарев, который только второй год руководит бригадой! Чего доброго, и на парах опередит. А как теперь с председателем колхоза встречаться? Ведь только вчера беседовали. Максим уверял, что Лазареву не удастся отобрать Красное знамя. Набахвалился... Может завтра, а может через неделю Ефим приедет за знаменем.

Максим живо вспомнил районное совещание накануне сева. Первым тогда попросил слово Ефим Лазарев. Подтянутый, статный, подвижной, он быстро прошел к трибуне, толково рассказал о своих обязательствах, а затем заявил:

— Вызываем на соревнование бригаду Журавлева. Передай, Максим, своим хлопцам, что за первенство будем драться упорно.

Секретарь райкома Орлов похвалил тогда Лазарева. Молодец, говорит, Ефим Петрович. С таким, как Журавлев, почетно в единоборство вступить.

На третий день после совещания Лазарев приехал в бригаду Журавлева.

— На семинар прибыл к вам, — сказал он здороваясь.

— Хочу кое-что перенять...

— А чего тут перенимать, — перебил его Максим. — Трактор заводить умеешь? Рулить можешь? Вот тебе и вся наука.

— Это каждому ясно. А вот как вы почасовой график будете на севе применять? — любопытствовал Лазарев. — Как маршруты переезда агрегатов будете составлять, как задания людям давать и следить за их выполнением?

— Ну, пошел расписывать, братец! Мы и без графика работаем неплохо и без маршрутов дороги по своим полям знаем...

Размышления Журавлева перебил Ермолай. Они ехали уже по улице села. Почтальон спросил:

— К дому, что ли, завернуть?

— К кузнецу.

Кузнец Артем жил на краю села. Максим трижды постучал в окно. Распахнулось окно, выглянул хозяин.

— Что ты, как оборотень среди ночи, людей булгачишь?

— Твоя работа? — Максим протянул серьгу кузнецу.

— Это ты, Журавлев, что ли? Угомону на тебя нет, — спокойно отозвался Артем.

— Небось, отдохнешь с вашей помощью.

— А ну, дай серьгу! — кузнец протянул руку. — Кого винишь? Серьга добрая, да не по-хозяйски с ней поступили.

Максим осекся.

Артем закрыл окно, вышел на улицу.

— По какой причине недоволен?

Максим ответил не сразу.

— Лазарев вперед вырвался, а виноват оказался один Максим.

— А-а-а, — протянул кузнец. — Это не ново, все село уж знает.

В ночи по селу понесся звон наковальни. Через полчаса снова воцарилась тишина.

* * *

Переходящее Красное знамя принял Ефим Лазарев. С гордостью пронес он его мимо собравшихся трактористов, прицепщиков, сеяльщиков журавлевской бригады. А когда представители колхоза «Зарево» уселись на автомашину и она набрала скорость, Ефим высоко поднял знамя над головой. Оно окунулось в лучи вешнего солнца, и ярко вспыхнуло алое полотнище.

Какими глазами провожал соседей Максим! Заложив руки за спину и вобрав немного голову в плечи, он смотрел им вслед до тех пор, пока знамя не скрылось из виду.

Два дня после этого Журавлев ходил пасмурный и неразговорчивый. А на третий утром, отправив на работу дневную смену, вскочил на коня и ускакал по направлению к лазаревскому стану. Возвратился он под вечер.

— Ну, Максим, как там у них? — спросил Дементьев.

— У них хорошо, а мы можем сделать лучше. Потерпели поражение на первом этапе, одержим победу на втором — на уборке!

Владимир Иваровский

ТРУДНЫЙ РЕЙС

РАССКАЗ

С факелом и молотком в руках Иван Васильевич Чистяков ходит вокруг паровоза. Он внимательно осматривает и остукивает каждую деталь, заглядывает в буксы. Перед отправлением Чистяков всегда внимательно проверяет машину, но сегодня он это делает еще тщательнее. Предстоит не совсем обычный рейс: бригада поведет поезд весом в три тысячи тонн!

Затянув последнюю гайку, Иван Васильевич собирает инструменты и подает их в будку.

— Присматривайте за машиной, — наказывает он помощникам, а сам, обтирая руки тряпкой, направляется к вокзалу.

Под ногами звонко скрипит слежавшийся снег; северный ветерок щиплет за уши. По ярко освещенному перрону пробегают люди, гремят багажные тележки: идет посадка на пассажирский поезд. «Не пришлось бы за тридцать первым стоять по удалению, — с тревогой думает Иван Васильевич, пробираясь в людском потоке к дверям вокзала. — Это хуже всего: и опоздания не минуешь, и лишний расход угля».

В комнате дежурного по станции шумно. За длинным столом кондукторские бригады принимают вагонные документы; переговариваются работники технической конторы; за невысоким барьером оператор станции, молодая девушка, громко вызывает по телефону какую-то «петлю».

Иван Васильевич подошел к барьеру и подал маршрут оператору:

— На отправление.

Девушка, оторвавшись на минуту от телефона, шлепнула по маршруту штампом и размашисто расписалась. Отдавая маршрут, она сказала:

— Подойдите к селектору, вас диспетчер спрашивает.

Иван Васильевич с недоумением подумал: «Зачем я нужен

диспетчеру? Неужели раздумал отправлять поезд тяжеловесным? Или я провинился в чем-нибудь?»

Надев наушники, машинист услышал голос диспетчера.

— Здравствуйте, товарищ Чистяков! Как самочувствие?

— Спасибо, хорошее.

— Вы знаете, что поведете тяжеловесный поезд?

— Да. Мне дежурный по отделению сообщил об этом. Я уже взял на паровоз двойную норму хорошего угля.

— Правильно сделали. Не забудьте, что состав идет с важным грузом. Ровно в два часа поезд должен быть на передаточной станции.

— Понятно.

— Поездка нелегкая. На нашем участке это ведь первый поезд с таким весом. Нужен опытный машинист, сплоченная бригада. Мы с начальником депо посоветовались и решили послать вас. Поезд я объявляю скоростным, за вами будет следить весь участок. Предлагаю вам заключить социалистический договор. От вашей бригады требуется провести поезд по участку за три часа пять минут. Со своей стороны обязуюсь обеспечить вам «зеленую улицу».

И, помолчав, спросил:

— Ну как, Иван Васильевич, принимаете мой вызов?

— Согласен, товарищ диспетчер. Только не задерживайте на участке, а мы постараемся не подкачать.

— Что ж, счастливого пути, товарищ Чистяков! В успехе не сомневаюсь. Возьмите путевку и отправляйтесь.

В это время готовились к отправлению помощник машиниста, высокий, неторопливый Шура Иванов, и кочегар Ваня Шуточкин — в противоположность помощнику, маленький юркий крепыш. Ваню все называли по фамилии, уж очень подходила она к нему.

— Как ты думаешь, — спрашивал он, сгребая уголь с тендера в лоток, — вытянем три тысячи тонн на Лиманский подъем или придется выводить состав в Зейскую по частям?

— Конечно, возьмем, — уверенно отвечал Шура. — Ведь машина только что из подъемочного ремонта. Да Иван Васильевич и не взял бы такой состав, если бы не был уверен в успехе.

— Но ведь до нас еще никто не водил здесь такие составы.

Шура положил тряпку, которой протирал арматуру котла, и повернулся к кочегару. На щеках его выступил румянец.

— Ну и что ж! А мы вот поведем и докажем, что полторы, даже две тысячи тонн — не предел. Можно водить и по три!

Он помолчал, а затем, придвинувшись к Шуточкину, с теплотой в голосе продолжал:

— Ты же видел, как он сегодня принимал паровоз. Все до одной гайки подтянул, каждый болтик обстукал. А уголь чуть ли не весь руками перебрал. Потом, он надеется не только на машину, но и на нас.

— Ну, мы не подведем. Иван Васильевич веселый сегодня. А ведь вообще-то серьезный он, поблажек не дает.

— Веселый он потому, что сын домой приезжает. А что серьезный — правильно. Без этого нельзя. Я с ним три года езжу. Хороший человек Иван Васильевич!..

Послышались торопливые шаги, и в будку быстро поднялся Иван Васильевич.

— Готовьтесь! — помахивая путевкой, весело сказал машинист. — Состав идет на сдачу соседней дороге, в два часа мы должны быть в Амурской. С диспетчером я заключил социалистический договор. Вот путевка. Время на поездку жесткое — три часа пять минут. Как, не подкачаем?

— Нет, — в один голос ответили Иванов и Шуточкин.

— Тогда за дело! Шура, заправляй топку, а ты, Ваня, еще разок смажь подшипники.

Вскоре на выходном семафоре зажегся зеленый огонек, а вслед за ним раздался свисток главного. Иван Васильевич привычным взглядом окинул состав — не дают ли рабочие сигнал остановки — и открыл регулятор. Он дал машине задний ход, и паровоз, окутавшись дымом, плавно толкнул состав. Вагоны покатались назад. При обратном плавном, но сильном рывке они медленно двинулись за паровозом. «Да, будет трудный рейс, — думал машинист, глядя, как пробуксовывают колеса. — Но ничего, осилим. Не держал бы только пассажирский».

Сзади маневровый паровоз подталкивал состав. Но по выезде из станции маневровый отстал, и Иван Васильевич, дав длинный свисток, открыл регулятор на большой клапан.

Чистяков вглядывался в темноту. В ушах свистел ветер, мелкий снег хлестал по лицу. За спиной мерно хлопала дверца топки — на мгновение вспыхивал яркий свет, выхватывая из темноты соседний путь, насыпь, кусты. Иван Васильевич отклонился от окна, закурил и задумался...

Придя на паровоз кочегаром, он быстро овладел несложной специальностью, а через год был уже помощником машиниста. Потом окончил курсы машинистов. И вот уже двенадцатый год водит поезда. Сколько за это время было радостей, тревог и волнений! И никогда не жалел он, что выбрал профессию машиниста. А время летит... Выросли дети. Уже и седина коснулась висков.

Очнувшись от своих мыслей, Иван Васильевич снова выглянул в окно: стремительно взлетали и опускались телеграфные провода, мелькали километровые столбы. Снег перестал

идти. Вот из-за поворота вынырнул и быстро умчался назад зеленый огонек предупредительного диска. Паровоз обогнул сопку, и впереди засверкали белые, желтые, красные огоньки — первая станция. Колеса застучали на стрелках. Иван Васильевич из-под ладони внимательно глядел вперед: дежурный встречал с белым огнем, на выходном семафоре горел зеленый. «На проход, — облегченно вздохнул машинист. — Значит, тридцать первый успел проскочить перегон».

Проводив пассажирский поезд, дежурный по станции Касьяновка вызвал по селектору диспетчера:

— Товарищ диспетчер! Тридцать первый проследовал в двадцать три сорок.

— Понятно, — отозвался диспетчер и связался со следующей станцией. — Луговая? Ставьте тридцать первый под обгон скоростным.

— Но ведь товарный остановится на набор воды, — возразил дежурный по станции Луговая. — Надолго задержим пассажирский.

— Не думаю. Шестьсот седьмой ведет опытный машинист, должен догадаться.

...Помощник с кочегаром орудовали у топки. Их тени трепетали на стенах будки. Звенела, ударяясь о дверцу, лопата, летел уголь.

Иван Васильевич, держа руку на регуляторе песочницы, покачивался в такт колебаниям машины. Он снова задумался. Где сейчас Андрюша? Наверное уже едет... Какой же он теперь? За семь лет ни разу не побывал дома. По фотокарточке видно, что Андрей возмужал, но представить его Иван Андреевич все-таки не мог. В воображении возникал голубоглазый паренек, каким он уехал. «Дорогой сынок! Если бы ты знал, как я ожидаю тебя».

Затем мысли машиниста перенеслись на сегодняшнюю поездку: «Сколько уже едем?» Отвернув рукав теплого пиджака, он посмотрел на часы: ехали час и десять минут. Иван Васильевич обернулся:

— Довольно, ребята, скоро набор воды.

Еще раз хлопнула дверца, метнулись и остановились тени. Перед машинистом стояли потные, улыбающиеся Иванов и Шуточкин.

— Воду надо набирать не за пятнадцать, а за десять минут. Сможете?

— Сможем, — ответил за обоих Иванов.

Снижая скорость, поезд входил на станцию Луговая. Ваня взобрался было на тендер, но вдруг стремглав спустился вниз.

— Иван Васильевич, пассажирский под обгоном!

— Где?

— На пятом пути.

Машинист на минуту растерялся: «Что же делать?... С таким составом ехать до Лимана, где есть еще колонка, рискованно — вода может кончиться в пути. Остановиться — значит на сорок минут задержать пассажирский. Диспетчер специально поставил под обгон, чтобы дать нам дорогу, а мы его подведем. Нет уж... Была не была!»

— Ну как, — нетерпеливо спрашивали помощники, — до Лимана?

Иван Васильевич кивнул головой.

— До Лимана, — и отпустив тормоза, открыл пар.

А дежурный уже махал фонарем с белым огнем, приглашая поезд проследовать на проход. В знак согласия Иван Васильевич дал длинный свисток. Промелькнули освещенные окна пассажирских вагонов, выходной контрольный пост с сигнальником. Снова темнота и насколько может достать луч паровозного прожектора — рельсы, рельсы...

Оглядываясь назад, Иван Васильевич видел, как далеко-далеко чуть заметной белой точкой мерцал хвостовой сигнал. Никогда ему не приходилось вести такого поезда. Правда, были случаи, водили и по три тысячи тонн, но обязательно двумя паровозами. Этот участок был самым трудным на всем отделении. В депо прочно установилось мнение, что больше двух тысяч тонн здесь никакой паровоз не потянет. Но несколько дней назад молодой машинист Зимин провел по участку поезд весом две тысячи пятьсот тонн. И если Иван Васильевич решился на три тысячи тонн — во что бы то ни стало нужно благополучно доставить состав на передаточную станцию.

Поезд шел тяжело. Даже на небольших подъемах он резко снижал скорость. Машинисту приходилось пускать в ход все свое умение и сноровку, чтобы не дать ему растянуться. Если перед подъемом был уклон, Иван Васильевич закрывал пар, и поезд, набирая скорость, катился по инерции. У самого подъема машинист, уловив момент, открывал регулятор. Паровоз «подхватывал» состав. Инструктор залюбовался бы такой работой. Сказывался долголетний опыт Ивана Васильевича и прекрасное знание профиля пути на участке.

При всей ловкости машиниста, паровоз не мог вытянуть такой состав на подъем плавно. Колеса начинали буксовать. Песочница не закрывалась ни на минуту. В такие моменты бригада работала особенно быстро и слаженно, хотя все волновались. Проходили минуты, казавшиеся долгими часами, затем машина работала легче, состав шел ровнее. Все вздыхали с облегчением. Шура бросался к окну, подставляя ветру разгоряченное лицо, а Ваня не спеша заправлял топку.

Как ни тяжело шел поезд, в Лиман прибыли с нагоном. Воды хватило в обрез. Не успел Иван Васильевич подвести паровоз под колонку, а помощники уже чистили топку, брали

воду, смазывали ходовые части машины. Стояли не десять минут, как предполагал Иван Васильевич, а восемь. Тронулись дальше.

Полосатые столбы мелькали один за другим, отсчитывая километры. Позади осталось еще несколько станций. Приближался самый трудный участок пути: шеститысячный затяжной подъем с поворотами и выемками.

Этот подъем трудно было бы с таким поездом преодолеть и в хорошую погоду, а тут, как на зло, начался снегопад. Сначала сыпалась мелкая крупка, затем снег повалил большими хлопьями. Это было самое худшее: попадая под колеса, снег мешал продвижению поезда. Иван Васильевич с тревогой вглядывался в темноту. Скользя по жидкой кашнице, колеса вертелись на месте. Паровоз часто и громко затарахтел. Иван Васильевич быстро задвигал регулятором песочницы. Паровоз перестал буксовать, но продвигался еле-еле, тяжело пыхтя. Машинист быстро взглянул на манометр: стрелка медленно отклонилась от красной черты вниз.

— Нажимай, ребята! — крикнул он и, сбросив пиджак, сам стал загружать топку. После пятиминутной напряженной работы разогнулся и взглянул вверх: стрелка все же медленно, но упрямо ползла вниз. «Плохо дело, — мелькнуло в голове, — не выедем». И снова схватил лопату — бросок... еще бросок, еще...

Ване Шуточкину на тендере было жарко. Уголь в лоток нужно было подавать непрерывно. Чуть замешкается он — а лоток уже пуст, и из будки слышится нетерпеливое: «Давай, давай!» «Хорошо еще, что черемховского угля припасли, — думает Ваня, вонзая кирку в сыпучую блестящую массу. — А то что бы мы сейчас делали?..»

При загрузке машины кочегар, чувствуя, что рейс будет нелегким, отгреб в угол тендера порядочную кучу высоко-сортного угля, не дав рабочим смешать его с остальной массой. Это теперь оказалось очень кстати: хороший уголь давал высокую температуру в топке, поднимал давление пара в котле. А на подъеме давление пара — это главное.

Навалив угля в лоток, кочегар заглянул в будку. Там тоже кипела работа: Иван Васильевич снова управлял машиной, наблюдая за перегонном, и открывал дверцу. Иванов выхватывал из лотка лопатой уголь, бросал его в топку. «Однако, им жарче моего», — подумал Ваня и, быстро соскочив, занял место у дверцы.

Колеса паровоза, не имея достаточного сцепления с рельсами, буксовали все чаще и чаще. Поезд, казалось, вот-вот остановится. Иван Васильевич, напрягая мысль, искал выход из положения: «Что делать? Чем помочь паровозу?»

— Шура! — позвал он помощника. — Давай осадим регулировочные тяги пескосметателей. Ведь щетки за дорогу подтерлись и сейчас не достают до рельсов.

Осадили тяги. Слышный даже сквозь завывание ветра скрип песка под колесами состава прекратился. Поезд пошел немного ровнее. «Неужели не выедем? — спрашивал себя машинист. — Так будем ехать — наверняка растянемся». Все время думал он о словах диспетчера — «В успехе не сомневаюсь...»

«Не сомневайтесь!..» Положились на старого чорта, а он подвел вас. Опозорился!

Вдруг Шура радостно крикнул:

— Иван Васильевич! Нужно опустить и снегосметатели. Они же у нас, чтобы не сметали петарды, подвешены высоко. А прижать их плотно к рельсам — всю грязь будут очищать. Буксования тогда не будет!

Иван Васильевич улыбнулся:

— Я уже думал об этом, Шура. Конечно, это бы нам помогло, но опасно выходить на площадку в такую погоду.

— Разрешите, Иван Васильевич, — умоляюще проговорил Шура. — Я осторожно.

Иван Васильевич с минуту колебался, затем махнул рукой.

— Но, смотри... осторожно!

Иванов выхватил из инструментального ящика гаечный ключ и бросился к боковой дверце.

— Не сорвись! — еще раз вдогонку крикнул машинист.

Когда Иванов вышел на боковое крыло, яростный ветер чуть не сшиб его с ног. Тьма, плотно обступившая поезд, выла, гудела.

Крепко держась за поручни, отворачивая лицо от ветра и снега, Иванов пробрался в голову паровоза. Нашупал выступающий над площадкой конец регулировочной тяги снегосметателя и опустился на колени. Теперь нужно вытащить чеку, на которой висит тяга со щеткой и нажать тягу вниз: щетка плотно приляжет к рельсу; затем вложить чеку обратно в отверстие, но уже под площадкой, чтобы тяга не поднималась и не ослабляла давление щетки.

При каждом прикосновении к металлу руки обжигало, словно огнем. Туго заколоченная чека не двигалась. А поезд вот-вот остановится. «Ох, растянемся, — думает Шура, дыханием пытаюсь согреть застывшие пальцы. — Подведем диспетчера и сами опозоримся». Он уже видит, как машиниста позовут к селектору диспетчера. «Ну как, — спросит он, — провели поезд?» Каково при этом будет Ивану Васильевичу?.. Нет, этого не будет! Иванов, сжав зубы, бьет ключом по чеке. Она, наконец, поддается. Бьет сильнее — раз! Еще раз!..

Но при последнем ударе чека со звоном вылетает из отверстия и, ударившись о котел паровоза, падает вниз.

Шура чуть не плачет с досады. Как закрепить тягу? Чем заменить чеку? Он шарит руками по площадке и вдруг натыкается на проволоку. «Есть!» Шура тянет ее к себе, но тут же вспоминает, что этой проволокой привязаны запасные сигнальные фонари. Раскручивать долго. Шура прижимает проволоку к острому краю площадки и гаечным ключом перебивает ее. Проволоку нужно выпрямить и сделать из нее чеку. Шура торопится, нервничает, часто попадает по пальцам. Злость и обида охватывают его. Слезы вместе с тающим снегом текут по лицу. А ветер злится, завывает протяжно, стремится сбросить помощника с площадки.

Кое-как выпрямив проволоку и согнув ее, Шура грудью ложится на холодный металл; одной рукой нажимает тягу вниз, другую, с чекой, опускает под площадку. Пальцы не повинуются. Мокрый снег залепил все лицо, и нельзя утереться.

Но вот чека, наконец, вложена и концы ее разогнуты. Полдела сделано. Шура еще раз трогает тягу рукой, она дрожит: это щетка, вздрагивая на стыках, дергает тягу. Шура спешит на другую сторону площадки.

Здесь дело идет быстрее. Вот только пальцы почему-то не слушаются. Их покалывает. «Неужели обморозил?.. Сколько я уже здесь нахожусь?» С тех пор, как Шура покинул будку, прошло лишь несколько минут, но ему они показались вечностью. «Только бы не сорваться, — подбадривает он себя, — а это я сделаю. Будь спокоен, Иван Васильевич! Не придется тебе краснеть у селектора».

Немало пережил за эти минуты Иван Васильевич. Непроглядная ночь, снег, ветер — все грозило бедой его помощнику. Сердце сжималось при мысли, что Шура может сорваться. Правый бок машиниста покрылся ледяной коркой. При каждом движении одежда звенит, как стеклянная. Усы, брови, ресницы заросли инеем. Но машинист ничего не замечает. Внимание напряжено до предела. Пристально всматриваясь в темноту, он мысленно подбадривает помощника: «Держись, Шура, держись сынок! Скоро перевалим подъем».

Иван Васильевич уже дважды порывался послать кочегара посмотреть, но отрываться от работы нельзя ни на минуту: ведь их лишь двое. Ваня успевал всюду. Кидал в топку уголь и сразу забирался на тендер, чтобы наполнить углем лоток. А в следующую минуту снова открывал инжектор, хватался за лопату, — и машинист едва успевал открывать дверцу.

Иван Васильевич поминутно поглядывает на манометр: стрелка прекратила свой путь вниз и теперь быстро поднимается. Молодец, Шура! Буксования больше нет. Паровоз

медленно, но уже без рывков, неуклонно идет вперед, а за ним тянется тяжелый состав.

Наконец, распахнулась боковая дверца, и Шура, весь обледеневший, ввалился в будку. Иван Васильевич быстро поднялся ему навстречу.

— Ну, как? — спросил он, кивком головы показывая на руки помощника.

— Немножко прихватило, но ничего... до свадьбы заживет.

— А тяги?..

— Все в порядке. Закрепил.

— Ну, грейся, подъем взяли, теперь будет легче.

Отряхиваясь и растирая руки, Шура взглянул на Шуточкина и подмигнул ему:

— Ну что, возьмет паровоз три тысячи тонн на Лиманский подъем?

Они весело рассмеялись.

Паровоз мчался вперед. Свистел в ушах ветер, мелькали семафоры полустанков, тарахтели стрелки. Иногда в ритм движения поезда вплетался звонкий гудок. Эхо его уплывало в даль, перекатывалось по балкам и замирало вдали. Светало. Кругом расстилались бескрайние приамурские поля, покрытые белой снежной пеленой.

Показалась узловая станция. Поезд, шипя тормозными колесками, замедлил ход. Мелькнул красный сигнал.

Стоп! Состав дернулся и остановился. Иван Васильевич, волнуясь, торопливо высвободил из-под рукава часы. С момента отправления прошло три часа и две минуты.

Николай Трубачев

ЛЮДИ ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ

ОЧЕРК

Более полутора лет прошло с тех пор, как партия и правительство приняли историческое постановление о строительстве Сталинградской ГЭС.

За это время неузнаваемо изменились берега Волги севернее Сталинграда. Там, где была голая степь, кипит теперь грандиозное строительство. Тысячи мощных машин послала страна на стройку. Десятки тысяч советских людей — из Москвы и с Урала, из Сибири и с Украины, из Крыма и Средней Азии — прибыли сюда, чтобы стать в первые ряды строителей коммунизма.

Героически трудятся участники строительства. Они стремятся приблизить тот день, когда первый ток Сталинградской ГЭС пойдет по проводам высоковольтной линии, когда живительные волжские воды хлынут в иссушенные степи, чтобы пробудить их к жизни.

* * *

Иван Николаевич Елисеев прибыл на строительство Сталинградской ГЭС в октябре 1950 года. Он приехал из далекой Сибири, где работал экскаваторщиком на разработке угольных копей.

На строительстве Сталинградской ГЭС тогда еще не было ни одного экскаватора. Но ждать пришлось недолго. Уже в ноябре Иван Николаевич сам сгрузил с железнодорожной платформы первую машину, которую прислал Сталинградгидрострою Ковровский завод. Этот экскаватор был изготовлен в подарок строителям сверх плана и из сэкономленных материалов. Об этом говорила надпись на борту машины № 1621.

4 ноября 1950 года на строительной площадке Сталинградской ГЭС встал в забой первый экскаватор. Вначале он

работал в одну смену — нехватало экскаваторщиков. Иван Николаевич попросил выделить ему двух рабочих, которых он обязался обучить своей профессии. Ему охотно пошли навстречу. За короткий срок т. Елисеев обучил Ивана Полякова и Александра Баландина.

Сейчас они работают сменными машинистами в его бригаде. Бригада трудится дружно и слаженно, из месяца в месяц перевыполняет установленные задания.

Однажды произошел такой случай. Экскаватор стоял уже более двух часов — износился гидравлический насос. Исправлять машину собрались все три машиниста.

— Чья же сейчас смена? — спросили мы у Ивана Николаевича.

Елисеев удивленно взглянул на нас:

— Какая разница, чья смена? Стоит ведь наш экскаватор! «Наш экскаватор»... В этих словах, пожалуй, главное, что характеризует Ивана Николаевича как настоящего бригадира, душой болеющего за работу своего экипажа.

Совместные усилия не пропали даром: экскаватор быстро вернулся в строй.

— Успех в работе, — говорит тов. Елисеев, — зависит главным образом от хорошего ухода за машиной и правильной ее эксплуатации.

Приняв машину на социалистическую сохранность, бригадир бережет ее как зеницу ока. Этого он требует и от сменщиков. Часто Елисеев приходит к экскаватору, когда работают его ученики — сменные машинисты.

Однажды навестил работавшего в ночной смене Баландина. Елисеев увидел, что молодой машинист закручивает проволокой подъемный ролик ковша, а запасные болты с гайками не ставит. Указав на это, он предупредил неизбежную остановку экскаватора.

Тщательно осмотрел главный реверс хода и поворота, ходовую часть, лебедку подъема и опускания стрелы, рукоять ковша, заставил смазать барабаны напорного и возвратного механизма и долить масла в редуктор реверса до уровня.

— Машина любит своевременную смазку, — поучал бригадир Баландина.

Во время осмотра была обнаружена еще одна неисправность — лопнула проушина засова открывания днища ковша. Елисеев пошел в мастерскую и сам заварил проушину. Благодаря тщательному уходу экскаватор работал без промежуточного ремонта 1500 часов — в полтора раза больше установленного времени.

Был такой случай. В начале смены Елисеева экскаватор, не по вине бригады, простоял около часа. Семь мощных автомашин-самосвалов Минского завода простаивали. Волновались водители, нервничали и экскаваторщики. Бригадир шоферов Павлов, обращаясь к Елисееву, шутливо сказал:

— Ну, Иван, мы сегодня, кажется, «отличимся»!

— Не беспокойтесь, водители обижаться не будут,— кратко ответил Елисеев и подумал: «Вынужденный простой не должен отразиться на результатах смены».

Вот он уверенно нажимает на рычаг подъемного ковша и напора рукояти — ковш загружается. Подъем ковша продолжается, но упор уже остановлен и включен поворот. Когда ковш подымается на 50 сантиметров над кузовом, Елисеев производит открывание днища. Грунт падает в центр кузова.

Одновременно бригадир включает поворот ковша с последующим опусканием для подготовки к новой загрузке. Ковш еще не коснулся основания забоя, а Елисеев уже нажимает на рычаг подъема и напора ковша: начинается следующий цикл экскавации. Через две с половиной минуты отошла первая нагруженная машина.

К 12 часам дня было выполнено дневное задание. В этот день каждый цикл экскавации составил в среднем 17,2 секунды, вместо одной минуты по норме. Было вынута и погружено 942 кубометра грунта, при задании 240, то есть выполнено около четырех норм. 210 рейсов сделали в этот день шоферы, увозя каждый раз по 4,5 кубометра грунта. Водители остались довольны работой экскаваторщиков, а те поблагодарили шоферов. Так завязалась производственная дружба между экскаваторщиками и водителями, переросшая потом в создание комплексной бригады.

Большое внимание тов. Елисеев уделяет подготовке рабочего места. В забое, где работала бригада, раньше не было кольцевого подъезда автомашин. Оставаясь после рабочего дня на 1—2 часа, экскаваторщики вынули свыше 300 кубометров грунта без погрузки на автотранспорт и тем самым сделали кольцевой подъезд. Несколько затраченных часов с лихвой окупились в первые же дни работы.

Важно и то, что забой делали в зависимости от глубины грунта, но не менее 5—6 метров и 8 метров шириной. Это сокращает время на передвижку экскаватора и планировку пути. При большом забое раньше за смену делали 12—15 передвижек, а теперь 7—8.

Благодаря самоотверженной работе бригада Ивана Николаевича Елисеева в прошлом году вынула свыше 150 000 кубометров грунта, выполнив два годовых задания.

Бригаде Елисеева присвоено звание «Лучшая бригада экскаваторщиков». Члены бригады обязались выполнить пятилетний план земляных работ в два с половиной года.

Владимир Рябиков работает токарем на станке ДИП-200 в автобазе № 1 Сталинградгидростроя. Его часто спрашивают, как он добивается высокой выработки.

— Никакого секрета в моей работе нет, — отвечает он, —

просто стараюсь как можно больше и лучше сделать. Прежде всего, мною двигает чувство ответственности перед Родиной, желание вложить всю свою энергию в дело досрочного построения волжского гиганта.

Уже в первые месяцы своей работы на стройке Владимир Рябиков выполнял нормы на 125—150 процентов. Но это не удовлетворяло комсомольца-токаря. У него перед глазами всегда стояли молодые строители Днепрогэса, Магнитогорска, Комсомольска-на-Амуре, которые мужественно преодолевали лишения и трудности.

Внимательно ознакомившись с методами работы Анатолия Пиненжика, токаря-скоростника Сталинградского тракторного завода, Владимир решил перенять его опыт и добиться того, чтобы его станок кроме круглых деталей обрабатывал и плоские, то есть строгал и фрезеровал.

Много поработав над этим, он придумал несколько приспособлений, которые дали возможность кроме токарных работ производить и фрезерные. Теперь Владимир производит на своем станке нарезку шестигранных гаек, шпоночных канавок на валике, резку полосовой стали и другие операции.

Специальное приспособление — тиски для сверления гаек — увеличило производительность в 3—4 раза.

Рабочее место Владимир содержит всегда чистым, инструменты и материалы находятся у него под руками. Наряд он получает с вечера. Прежде чем приступить к изготовлению той или иной детали, продумывает весь план операции. Работает ровно, без суеты и лишних движений.

Приняв станок на социалистическую сохранность, Рябиков обязался работать на нем без капитального ремонта до конца строительства. Текущий ремонт он производит сам.

Две нормы в смену — такова средняя производительность Владимира Рябикова. За высокие показатели в социалистическом соревновании ЦК ВЛКСМ наградил его Почетной грамотой.

...Степь севернее Сталинграда. Левобережное стройуправление. Вдоль железнодорожного полотна лежат штабели строительных материалов. Снуют автомашины, мелькают загорелые лица и руки рабочих, занятых на погрузке. Сгущаются вечерние сумерки.

В передвижной электростанции беспокойно посматривает на часы электрик — комсомолец Александр Шумских. Дизелист ушел, нет вольтметра. Реостат недавно отремонтирован, но еще не проверен в работе.

— Свет дава-а-ай! — донеслось издалека.

Конечно, Шумских мог бы сослаться на то, что нет дизелиста, на отсутствие вольтметра, на неисправность реостата. Но ведь сотни людей не смогут работать в темноте! Александр решительно нажал кнопку стартера. Взревел мотор.

Еще поворот ручки — и стрелки приборов задвигались. Вместо вольтметра он включил лампочку. Опытный глаз электрика чутко улавливал нужный цвет нити накала, чтобы в сеть шло строго определенное напряжение. Реостат действовал безотказно.

Вспыхнули сотни электролампочек. На погрузочной площадке движение снова оживилось. Автомашины, груженные стройматериалами, помчались на юг. Строители во-время получили необходимые материалы.

Любознательный и сметливый юноша, Александр Шумских быстро освоился со своей специальностью. Узнал устройство и принцип работы генератора, изучил схему щита управления, познакомился с существующими нормами постройки силовых линий, с техникой безопасности. Но не остановился на этом. Комсомолец стремится знать все больше и больше. Александр осаждает вопросами дизелиста, сам становится у рычагов управления, выискивает малейшие недостатки, чтобы впоследствии действовать безошибочно. И он действует точно, уверенно, быстро.

Экскаватор «Баррикадец» Михаил Баракин принял во время январских морозов 1951 года. Машина работала круглосуточно. Ее нельзя было остановить: замерзнет двигатель. Стройке был нужен щебень. Содрогаясь всем корпусом, экскаватор вбивался в полускальную мерзлую породу.

Сознание долга перед Родиной обязывало работать с напряжением всех сил, невзирая на погоду. И бригада Баракина систематически выполняла задания на 150—170 процентов, а в отдельные дни давала по две с лишним нормы. Экскаватор дополнительно проработал без капитального ремонта 200 часов.

Стройке нужны кадры специалистов. Михаил Петрович решил помочь в этом. За полгода он обучил трех экскаваторщиков и продолжает обучать молодежь.

Бригада Баракина внедрила новый метод ремонта экскаваторов, предложенный начальником отдела главного механиков. Амстиславским. Этот метод заключается в том, что все узлы и механизмы экскаватора на период эксплуатации и ремонта закрепляются за отдельными членами бригады.

Каждый экскаваторщик чувствует личную ответственность за порученные ему узлы и график ремонта, хорошо готовится, заранее получает необходимые инструменты и материалы.

Бригадир осуществляет общее руководство, следит за качеством ремонта, обеспечивает бригаду запасными частями, материалами, держит связь с механической мастерской.

Если на каком-либо узле затягивается ремонт, то бригадир в порядке помощи переводит членов бригады с других

узлов, окончивших ремонт. Это дает возможность быстрее закончить ремонт и позволяет членам бригады изучить все механизмы экскаватора.

На планово-предупредительный ремонт № 2 по графику полагается затратить 54 часа. Бригада тов. Баракина ремонтирует экскаватор за 32 часа, при хорошем качестве.

По заводской инструкции экскаватор через каждые 100 часов работы должен проходить планово-предупредительный ремонт, но стахановцы-экскаваторщики в два раза увеличили межремонтный период, не ухудшая состояния механизмов.

Ремонт по новой системе увеличивает выработку экскаватора почти на четыре тысячи кубометров грунта в месяц, что составляет 14 процентов плана.

Теперь по этому методу ремонтирует свои машины большинство экскаваторщиков стройки.

Узнав о грандиозной стройке на Волге, — рассказывает шофер-коммунист Владимир Сурнин, — я твердо решил поехать в Сталинград. В конце сентября в Новороссийске товарищи по работе провожали меня в далекий путь.

Тов. Сурнин прибыл на строительство в тот момент, когда особенно были нужны шоферы. Он получил машину, принял ее на социалистическую сохранность и обязался пройти на ней сто тысяч километров без капитального ремонта.

В осеннюю распутицу и зимнюю стужу, когда работать на машине очень трудно, Владимир Сурнин выполнял по полторы нормы в смену, а в отдельные дни делал по 92 рейса, перевозя до 370 тонн груза при норме 150. В последние 7 месяцев 1951 года он в среднем выполнял нормы на 161 процент. Но не успокаивается на этом.

— Я чувствую, — говорит он, — неудовлетворенность своей работой. Кажется, что делаю еще мало и стараюсь найти новые источники перевыполнения плана.

...В марше студентов Уральского Политехнического Института, который окончила Зоя Осипова, есть такие слова:

...Мы — студенты с Урала,
И куда б ни послали
Нас на стройку страна и народ, —
Первый долг инженера —
Быть повсюду примером,
Неустанно стремиться вперед.

Когда были опубликованы постановления правительства о сооружении грандиозных гидростанций и каналов, самой заветной мечтой Зои стало попасть на одну из великих строек коммунизма.

И вот ее мечта сбылась: она является участницей строи-

тельства величайшего в мире гидроузла — Сталинградской ГЭС.

Работая инженером Гидропроекта, Зоя Осипова вдохновенно трудится, досрочно выпускает проектные материалы, активно участвует в общественной работе.

— Я горжусь, — говорит она, — что мой труд вливается в труд миллионов советских людей, стремящихся досрочно завершить строительство. Здесь, на великой стройке коммунизма, в творческом труде на благо любимой Родины я обрела свое настоящее счастье.

Шофер автобазы № 1 Алексей Яковлевич Ганущенко во время Великой Отечественной войны участвовал в обороне героического Сталинграда. Сейчас он снова сражается в этих местах — на этот раз в грандиозной трудовой битве, развернувшейся на берегах Волги.

450 тысяч километров пробега без капитального ремонта машины — такое обязательство взял на себя тов. Ганущенко. И он успешно выполняет его.

Агитатор и член рабочего комитета, А. Я. Ганущенко вовлек в социалистическое соревнование всех водителей главной автотранспортной конторы строительства. По его примеру свыше 350 водителей приняли свои машины на социалистическую сохранность и обязались работать без капитального ремонта до конца стройки. Благодаря развертыванию социалистического соревнования планы грузоперевозок значительно перевыполняются шоферами.

Комсомолец Валентин Булгаков приехал на стройку в декабре 1950 года. Он не имел тогда специальности. Упорство и помощь товарищей помогли ему быстро овладеть профессией экскаваторщика. Хорошо освоив механизм, Булгаков стал самостоятельно управлять им и теперь выполняет сменные задания на 170—230 процентов.

Экскаватор № 202, на котором работает Булгаков, принят им на социалистическую сохранность до конца строительства. Механизм всегда исправен и работает безотказно.

Хорошо трудится и экскаваторщик-комсомолец Виктор Борисов, прибывший на стройку из Москвы.

В стройуправлении Правого берега он проявил себя как замечательный работник. 15 ноября 1951 года Борисов выполнил уже февральское задание 1952 года. Его ежедневный показатель — больше двух норм.

Сейчас Борисов готовит материал по рационализаторскому предложению, которое внесет усовершенствование в экскаватор Э-505.

Вениамин Зайцев прибыл на великую стройку коммунизма по путевке Алма-Атинского горкома комсомола. Он молодой специалист, только в 1950 году окончил техникум механизации сельского хозяйства. Работал десятником в управлении промышленного и дорожного строительства.

Руководимые им бригады систематически перевыполняют плановые задания.

Как лучшего производственника и хорошего организатора молодежи комсомольцы избрали Зайцева секретарем комитета ВЛКСМ.

Намного перевыполняют нормы, заботливо относятся к механизмам тысячи рядовых участников строительства волжского гиганта. Среди них — молодой бульдозерист Михаил Юшкин, руководитель бригады слесарей-монтажников Алексей Дементьев, водители Федор Павлов и Сергей Федоренко и многие другие.

Большой известностью в коллективе Сталинградгидростроя пользуется стахановская бригада шоферов, руководимая комсомольцем Юрием Прониным. Этот дружный, сплоченный молодежный коллектив прославился своими трудовыми успехами, творческим отношением к работе.

По инициативе бригадира, шофера первого класса Юрия Пронина, и его товарища комсомольца Юрия Большакова была усилена конструкция ходовой части у двух автомашин «МАЗ-205». При проектной грузоподъемности пять тонн Пронин и Большаков на этих самосвалах стали возить по семь тонн груза. Шоферы-новаторы заменили подрессорники машин на более массивные и укрепили рамы самосвалов. Кроме того, была увеличена высота бортов. Усиленные таким образом автомашины прекрасно выдерживают повышенную нагрузку и находятся в отличном техническом состоянии.

В бригаде внедрен бригадно-индивидуальный хозрасчет с оперативным учетом всех экономических показателей.

Увеличение грузоподъемности автомашин и индивидуальный хозрасчет позволили бригаде значительно снизить себестоимость перевозок. Если по плану один тонно-километр стоит 1 рубль 8 копеек, то Пронин и Большаков на своих машинах снизили эту себестоимость до 32 копеек. Таким образом, каждый из них экономит государству свыше 10 тысяч рублей в месяц.

Кроме того, бригада Пронина разработала свои, наиболее рациональные методы вождения автомашин и управления механизмами самосвалов. На каждой операции (перевозке, погрузке, выгрузке) шоферы экономят по несколько минут за счет искусного управления автомашиной. Хронометраж работы Пронина обнаружил прекрасные результаты. Задание,

рассчитанное на 14 часов, молодой водитель выполнил за 8 часов.

С ноября 1951 года бригада Пронина в составе 50 шоферов является комплексной хозрасчетной бригадой. Ей выделено 25 автомашин разных типов: самосвалов, бортовых, лесовозов. Это первая на Сталинградгидрострое комплексная бригада шоферов закреплена за городским строительным участком. Раньше это управление обслуживалось 35—40 автомашинами. Между бригадой шоферов и руководством управления заключен договор с обязательствами по лучшему использованию транспорта. Бригада выполняет по два с лишним задания ежедневно.

Благодаря постоянному изучению технико-эксплуатационных качеств автомашины, бережному отношению к ней, Пронину удалось добиться и перепробега шин, несмотря на добавочную нагрузку. Покрышки прошли по 40 000 километров вместо 30 000.

На сэкономленном горючем бригада работает по 3—5 дней в месяц. Вдвое сокращены расходы на ремонт.

Стахановские методы работы бригадира Юрия Пронина шоферы автобазы № 1 изучают в стахановской школе.

Когда все автобазы строительства будут работать по методу бригады Юрия Пронина, то это даст в течение года свыше трех с половиной миллионов рублей экономии.

Достаточно сказать, что расходы по содержанию автотранспорта за время строительства Сталинградской ГЭС составят 4 миллиарда рублей. Снижение себестоимости перевозок только на один процент даст 40 миллионов рублей экономии.

Водители стройки, работая так, как Пронин, за время строительства сэкономят столько денег, что на них можно изготовить автомобили «Москвич» для каждого взрослого жителя Сталинграда.

Сейчас на стройке по методу Юрия Пронина созданы десятки бригад шоферов, которые работают так же замечательно, как и инициатор движения за внедрение хозрасчета в бригаде, увеличение грузоподъемности автомашин и экономию горючего — Юрий Пронин.

Все строители знают стихи, сложенные о Пронине:

...Не хлопают еще в поселке ставни,
Но близок светлый день... С площадок ГЭС,
Цепями громыхая, утром ранним
Уходят самосвалы в новый рейс.
Знакомый путь! Взят тормоз на уклоне,
В окошке Волга и степная ширь...
Везет семь тонн на «МАЗ»е Юрий Пронин —
Шофер-новатор, славный бригадир.
Звенит асфальт. День солнечный, морозный.

В машине кирпича — на целый дом!
Кабину украшает гордый лозунг:
«Мы укрепляем мир своим трудом!»
Закончив смену, в комнату войдя,
Перед портретом мудрого вождя,
Вождя, с которым связана вся жизнь,
Промолвит бригадир: «Товарищ Сталин,
Сегодня комсомольцы снова дали
Две нормы. Значит, ближе коммунизм!»

За трудовые успехи и новаторство комсомолец Юрий Пронин награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, грамотой Сталинградского городского Совета депутатов трудящихся и горкома ВКП(б).

С каждым днем на стройке ширится патриотическое движение трудящихся за перевод цехов, производственных участков, бригад на хозрасчет. Тысячи рабочих и инженерно-технических работников открывают лицевого счета экономии материалов, сырья, топлива, инструментов, борются с потерями, повышают производительность труда.

Большую роль в деле экономии средств играет на строительстве рационализация и изобретательство.

При управлении Сталинградгидростроя создан центральный БРИЗ, возглавляемый главным инженером строительства тов. Медведевым. БРИЗ'ы имеются во всех строительных управлениях, карьерно-строительных районах и участках стройки. Эти учреждения проводят большую работу среди строителей. Благодаря творческой инициативе рабочих и инженерно-технических работников внедрены в производство сотни рационализаторских предложений, которые дадут миллионы рублей экономии.

Кроме перечисленных выше стахановских методов труда и рационализаторских предложений шофера Пронина, токаря Рябикова, механика Амстиславского, необходимо сказать о некоторых других рационализаторах великой стройки.

Прораб городского строительного управления тов. Магала предложил заменять двутавровые балки большого профиля балками меньшего профиля. Это позволило сбересть много металла и получить экономию в сумме 1760 рублей на строительстве одного лишь объекта. По предложению тов. Магалы на объектах городского строительного управления применяются сухие гипсовые карнизы, что ускоряет строительные работы.

Прораб тов. Агафонов предложил металлические балки чердачного перекрытия заменить деревянными. Это дало возможность сэкономить дефицитный сортовой материал. Экономия на строительстве одного объекта составила 6736 рублей.

Существовавшая ранее на левом берегу Волги водоподъемная лебедка «Т-50» не обеспечивала нормальной работы, так как обладала малой мощностью и конструктивными недостатками. Привод лебедки осуществлялся от нефтедвигателя с ременной передачей. По предложению механика отдела главного механика левобережного стройуправления тов. Пешина был сделан привод насоса от электромотора с приспособлением. Плановая экономия составляет 40 242 рубля.

На девяти автопогрузчиках левого берега по инициативе механика машинопрокатной базы тов. Журбенко резиновые манжеты поршней цилиндров наклона автопогрузчика заменены компрессионными чугунными кольцами.

Экскаваторщик Пугачевского карьерно-строительного района тов. Егоров внес предложение установить поперечный поддерживающий ролик троса на экскаваторе-драглайне. Ролик заготовлен по эскизам автора и установлен на экскаваторе. Это позволило устранить преждевременный износ троса. Условная годовая экономия составляет свыше 5 тысяч рублей. Предложение тов. Егорова было послано на завод, выпускающий экскаваторы, где оно реализовано с незначительными конструктивными доработками.

В том же районе тт. Шафранский и Олизаренко изменили конструкцию рычага муфты включения компрессорной станции «КС-9» Ташкентского завода (прежний рычаг имел малую длину, что приводило к травматизму при включении).

Перемешивание известкового молока для штукатурки проводилось вручную. По предложению крановщика левобережного стройуправления тов. Макковеева этот процесс производится теперь с помощью сжатого воздуха. В результате повысилась производительность труда и улучшилось качество перемешиваемого молока.

По одному из предложений типовые деревянные фермы перекрытия гаража балочной системы заменены сегментными фермами — 20 метров без колонн. Такое перекрытие расширило полезную площадь гаража: исчезли 15 кирпичных колонн. Вместо 25 автомашин гараж принимает 30. При этом экономится более двадцати тысяч штук кирпича и улучшается прочность здания.

Большой интерес представляет предложение инженера Ицгала об устройстве забора воды из р. Ахтубы для водопровода строящегося города строителей. Этот вариант удешевляет строительство на 200—250 тысяч рублей, ускоряет работы и дает устойчивый источник водоснабжения.

Многие экскаваторщики, как тов. Егоров, задумываются не только над внедрением передовых методов работы, но и над усовершенствованием экскаваторов.

Экскаваторщики правобережного стройуправления тт. Ку-

зубов и Рылеев после тщательного изучения машины «Баррикадец» нашли ряд существенных конструктивных недостатков в ней.

По заводской конструкции поворотный и ходовой механизмы расположены на противоположных концах одного вала и переключаются одним рычагом. Часто один механизм мешает работе другого. Экскаваторщики разъединили переключение механизмов: стали переключать поворотный механизм заводским рычагом, а к ходовому пристроили отдельный рычаг.

В процессе работы тт. Кузубов и Рылеев обнаружили и другие недоработки в конструкции машины. Например, фары сделаны из тонкой кровельной жести, приваренной к кронштейну. Они не раз падали из-за того, что сварка не выдерживала, и машина в ночное время простаивала из-за отсутствия света. Машинисты изготовили прочный хомут и надежно закрепили фары.

Тт. Кузубов и Рылеев считают необходимым улучшить гидросистему, топливные трубопроводы и сделать экскаватор «Баррикадец» менее громоздким и более маневренным.

Экскаваторщики написали письмо на завод, выпускающий эти машины, с указанием недостатков в ней. На стройку приезжали инженеры завода и, согласившись с некоторыми замечаниями экскаваторщиков, обещали устранить недостатки машины.

* * *

О трудовых подвигах механизаторов, инженеров, техников — всех участников великой стройки можно рассказывать еще очень много. Но и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться: весь коллектив гидростроевцев живет единой мыслью — досрочно выполнить постановление партии и правительства о строительстве Сталинградской ГЭС.

Участники великой стройки коммунизма на Волге, советские патриоты, стремятся не только досрочно завершить строительство, но и сделать это с наименьшей затратой средств, рабочей силы, механизмов, строительных материалов, горючего и оборудования.

Михаил Киняйкин

ВСТРЕЧИ НА ЭЛЬГЕ

ОЧЕРК

Было уже поздно, когда мы, отогревшись в отделении связи Ольгинского прииска, тронулись в путь. Маленькая кошевка, устланная мягким душистым сеном, с трудом вместила нас, одетых в тяжелые бараньи тулупы.

Впереди, возле возницы, удобно устроилась Маргарита Алексеевна Горобченко — молодой следователь Селемджинской прокуратуры. Она направлялась в колхоз для разбора поступившей жалобы. Сзади уселись мы.

Мой сосед, Иннокентий Николаевич Павлов, был на сессии районного Совета и теперь возвращался в колхоз, где работал председателем. Он был одет в красивую доху из пушистого меха, теплую оленью шапку, мягкие унты и вышитые половинчатые варежки.

Вышедший из бедной семьи якутского охотника-оленевода, Иннокентий Николаевич благодаря советской власти получил хорошее образование. После войны партия послала его укреплять сельское хозяйство. И вот он уже более пяти лет руководит промсельхозартелью имени Ворошилова.

...В долине реки Эльги, между сопками, широко раскинулся эвенкийский поселок. С трех сторон окружают его снежные горы. Лишь на севере открывается выход в долину. Там находится Ольгинский прииск. Неширокая накатанная дорога связывает поселок с внешним миром.

В нескольких десятках метров от дороги лежит узкая лента реки. Спит сейчас Эльга, скованная северными морозами, укутанная метровым снежным одеялом. Но уже днем теплые лучи мартовского солнца гонят с крыш звонкую капель, уже зачернела кое-где обнаженная земля, и немного дней осталось до того, как забурлит река прозрачной горной водой и повеет прохладой от ее берегов.

Но пока холодно. Поплотнее закутавшись в широкие тулупы, мы с Маргаритой Алексеевной слушаем рассказ Инно-

кентия Николаевича о том, как создавался колхоз имени Ворошилова, как живут и работают коренные жители нашего района.

Более двадцати лет назад в шести километрах южнее прииска, в холодных палатках и временных постройках, разместилась первая артель. Шестнадцать бедняцких семей покинули насиженные места в тайге и съехались сюда, чтобы вместе начать новую жизнь. Нехватало оленей, негде было жить, низкое и болотистое место между гор не давало развернуться в полную ширь. И тогда колхозники решили строиться на новом месте. В трех километрах от Ольгинска, в долине Эльги, выбрали ровное плоскогорье и заложили первое здание.

Строили крепко и основательно, но помешала война. Лишь после войны артель переселилась на новое место. С каждым годом нарастали темпы строительства. Открыли магазин, баню, медпункт, клуб, отстроили контору, заработала пекарня. Организовали свою молочнотоварную ферму, лисоферму, а теперь строят большой телятник.

Каждый колхозник обеспечен овощами. Более 300 тонн картофеля артель сможет весной дать трудящимся района. В обширном парниковом хозяйстве выращиваются ранние овощи: огурцы, лук, капустная рассада. Мечтали ли когда-нибудь об этом эвенки и якуты, которые никогда раньше не имели своих овощей!

— Смотрите, как красиво! — перебила нас спутница. — Как в сказке...

Да, было действительно хорошо. Яркий свет луны щедро лился на серебристую дорогу, на нетронутый снег предгорий. Казалось, сами горы излучают голубое сияние, и звучит необыкновенная музыка леса.

Пофыркивая, веселее побежала лошадь, причудливые тени придорожных деревьев быстро замелькали мимо нас. Вскоре кошевка миновала первые домики селения, промчалась мимо стройного здания медпункта, и цокот конских копыт нарушил ночную тишину поселка.

Как приятно после долгой езды снять с себя тяжелые тулупы и устроиться у пышущей жаром чугунной печки! Так поздно нас не ждали, но привычные руки якута моментально разожгли холодную «чугунку».

Можно часами любоваться, как эвенк или якут, прижав к полу полено, быстрыми движениями охотничьего ножа снимает веер пахучих стружек. Он делает это так ловко, что стружки не разлетаются, а скручиваются в деревянный букет. Как будто очень просто, а сколько сноровки нужно для такого, казалось бы, нехитрого дела! Охотник приучен к этому с малых лет. С детства он должен хорошо знать тайгу, умело управлять оленем, метко стрелять и одной спичкой уметь развести костер.

Пока мать Павлова, семидесятилетняя старушка, хлопотала на кухне, приготавливая ужин, комната понемногу стала наполняться людьми. Колхозники пришли послушать новости. Завязалась оживленная беседа.

— Плохо жили раньше, — рассказывает о своей жизни девяностошестилетний Герасим Никифорович Соловьев, — тайга кругом. Живешь и не знаешь, что на свете делается. Удачная охота — мясо, пушнина есть. Придет купец — водкой напоит, обманет, все отберет — и опять ничего нет. А плохая охота, так режешь последнего олешка или попадаешь в кабалу к тому же купцу. Плохо жили, жаловаться некому было: исправник был хуже зверя, боялись его...

Старик умолк и, пока Павлов переводил его слова, я с интересом разглядывал старейшего колхозника артели. Чуть сгорбившись, он старательно раскуривал трубку, прищурив узкие поблекшие глаза.

Сложилось мнение, что представители северных народов живут недолго, редко кто доживает до семидесяти лет. Так действительно было в царской России, когда северные народы не имели никакой медицинской помощи, жили в темных и дымных юртах и вымирали целыми семьями.

После установления советской власти новая жизнь пришла в таежные селенья. Теперь у каждого эвенка или якута свой светлый, просторный и теплый дом. Каждый обеспечен бесплатной медицинской помощью. Построены дома отдыха и санатории, школы и больницы.

Соловьев теперь моется в бане, спит в чистой постели, кроме мяса и хлеба ест овощи и молоко. Поэтому трудно поверить, что ему почти сто лет. Он выглядит семидесятилетним, не более. Рядом с ним сидит оленевод Иванов. Ему уже 57 лет, а на вид не более 35—40.

Мои мысли были прерваны приглашением к ужину. В большой миске дымился крупный картофель, жареная кета аппетитно поблескивала слоем масла на поджаренной корочке.

Подкрепившись, все снова оживленно заговорили.

— Скажи, дедушка, почему наш районный центр называется Экимчаном? — задали вопрос. — Правда ли, что когда-то на одном берегу реки жил якут Эким, а на другом кореец Чан?

Выпустив клуб дыма, Герасим Никифорович улыбнулся и негромко ответил:

— Нет. Когда я был малышом, здесь еще не добывали золота, и люди ходили на охоту с луками: мало было ружей. Жили тогда якуты врозь, каждая семья имела свое место охоты и рыбалки, свой ключ или приток. В то время жил в этих местах знаменитый охотник — якут Эким, Эким-чан, то есть Эким-маленький. Он был очень маленького роста, но на лыжах бегал лучше всех, любого оленя догонял, белку только

в глаз бил. А когда умер Эким-чан, то это место так и стали называть. Потом там нашли золото и именем Экима назвали прииск...

Замолчал старик, лишь голубоватый дымок вился из его старой обкуренной трубки.

— Спой, Герасим Никифорович, олонко-якутскую песню, пусть люди послушают, какие вы раньше песни пели, — попросил старика Павлов.

Дед помолчал. Несколько минут он молча отхлебывал горячий, густо заваренный чай, видимо, собираясь с мыслями, а потом, откинувшись на спинку стула, запел.

Ровная, монотонная, словно мерный бег оленей, однообразная, как тайга, полилась песня...

Так обычно пели раньше якуты в дороге. Впереди — сотни километров пути, вокруг однообразные сопки, лес, снег и мерно бегущие олени.

«...Шибко бегут олени, — поет каюр, — мимо нарт проносятся ели, покрытые снегом. Много верст осталось позади, скоро моя юрта. Я еду с охоты и везу много мяса. Быстрее бегите, олени...»

Заунывно, по-старому пел старик, но новыми были слова песни. Мне перевели их: «Безрадостная старость была раньше у стариков. Если ноги не стали ходить, а глаза плохо видят, то никому ты не нужен, никто не позаботится о твоей жизни... А сейчас, в колхозе, у меня спокойная старость. Меня уважают и слушают мои советы. Колхоз кормит и одевает меня. Я увидел свет. Я дожил до того дня, когда дома могу слушать весь мир, могу разговаривать за сотни верст. Дожил до того дня, когда люди, словно птицы, парят в воздухе. И надеюсь дожить до самых счастливых дней...»

Умолк старик. Потом запел оленевод Иванов — о прошлой жизни и о том, как счастливо живется теперь, что сейчас все равны, и вот сидят за столом дружной семьей русский, эвенк и якут.

— Это старые песни, вернее, старые мелодии, — сказала парторг колхоза Варвара Егоровна Васильева. — Сейчас наша молодежь поет новые, советские песни. Послушайте когда-нибудь, как выступают в клубе или вечером, в компании.

Заговорили о молодежи, о детях.

Детей в поселке много, но лишь малыши и дошкольники дома. Все школьники — в Якутской Стойбе, где находится школа народов Севера.

Ученики живут там на полном государственном обеспечении, в специальных интернатах. Для них построены прекрасная школа, столовая, баня. Занимаются они в светлых, просторных классах, им предоставлены все условия, чтобы приобрести знания, стать культурными людьми, полноценными строителями коммунизма.

Многие из них окончили обучение и в разных уголках не-

объятной нашей Родины работают учителями, врачами, председателями колхозов, неся в массы передовую советскую культуру.

К нашей беседе присоединилась мать Павлова, Анна Михайловна. Посасывая мундштук старенькой трубки, она внимательно прислушивалась к разговору, но плохо понимала по-русски и все время на своем языке переспрашивала невестку. Матери Павлова пошел семидесятый год. Многое пришлось пережить этой седоволосой женщине. В гражданскую войну погиб старший сын, сражавшийся в партизанском отряде, в Отечественную — не стало второго. Остался только один. Иннокентий тоже был на фронте, но остался жив, и теперь она счастлива, нянчит первого внука...

— Расскажите нам, бабушка, как вы выходили замуж? — втянула в разговор старушку Маргарита Алексеевна.

— Э-э, доченька, не так-то легко было раньше выйти за любимого человека, — неторопливо рассказывала Анна Михайловна, — не наша воля была... Жениху надо было иметь много денег, чтобы жениться, свадьбу справить. Целую неделю пировали, а потом жених переходил в дом невесты и три года работал на ее отца. Три года родственники помогали собирать выкуп за невесту...

Долго еще тянулась беседа, старики вспоминали свою жизнь, прошлое, и лишь к утру разошлись спать.

На следующий день мы с председателем отправились в контору. Маргарита Алексеевна занялась разбором жалоб.

Несмотря на то, что был выходной день, в просторном помещении правления былолюдно. У стола толпились оленеводы и охотники. Они негромко переговаривались о колхозных делах. Рассевшись у накалиенной печи, чинно беседовали старики.

Здесь же, в здании правления, находился и Жедринский национальный Совет. Мы познакомились с председателем. Илья Захарович Макаров прекрасно говорил по-русски и оказался интересным собеседником.

Его биография похожа на сотни других. Родился в 1925 году, окончил семилетку, на фронте был снайпером, три раза ранен; после войны вернулся в колхоз, работал каюром, пока народ не избрал его на ответственный пост председателя национального Совета.

— Растет и крепнет наша артель, — говорит он, — с каждым годом все лучше и лучше живут колхозники. С государством давно рассчитались, еще до Нового года. Народ боевой стал. — Да иначе и быть не может, — добавляет он, — во всем сельсовете только несколько стариков неграмотны, а остальные все умеют писать и читать, не говоря уж о молодежи.

Способный и настойчивый, он много работает над собой, изучает историю ВКП(б), труды товарища Сталина и, как оказалось, пишет книгу об истории эвенкийского народа с давних времен до наших дней. Он познакомил нас с содержанием первых разделов своего произведения.

Начинается книга описанием времен Великой Якутской тропы, пролежавшей от китайской границы почти до Ледовитого океана. Илья Захарович записал со слов стариков и происхождение названий некоторых населенных пунктов.

— Мало кто знает из жителей Лукачка да и всего района, — рассказывает он, — как появилось это название. Правильно не «Лукачек», а «Люкойчок» — слово эвенкийского происхождения. Когда-то охотник-эвенк убил на том месте лося маленького роста. С тех пор и пошло: я был «в Люкойчок» — то есть там, где убили маленького сохатого. — Или вот, например, Токур, вернее, Токур. По-эвенкийски это слово означает «колени». В том месте линия сопки изогнута, как колени. Поселок Семертак по-русски можно было бы назвать «Черемухово». Это название произошло от слова «семерыт» — черемуха, которой очень много в тех местах. — Когда-то пастухи летом угоняли далеко на север свои стада, чтобы спастись от комаров, а осенью, на обратном пути, останавливались в Болёдёке — «осеннем стойбище». Так произошло название населенного пункта Болодек.

Много рассказывал нам о жизни эвенкийского народа Макаров.

— Приезжайте попозже, — приглашал он прощаясь. — Я расскажу вам, как организовывался наш колхоз.

...Широко раскинулся колхозный поселок. Строились просторно, с запасом. Недалеко от берега реки на сотни метров протянулась центральная улица, где размещены все общественные здания. Восточнее — парниковое хозяйство. У реки, на маленьком островке, — молочнотоварная ферма и конюшня.

Когда-то эвенки не знали даже вкуса коровьего молока, а теперь у них своя ферма. Пусть она еще маленькая, но зато у колхозников большие планы на будущее. Об этом свидетельствует строящееся обширное здание телятника и новый, механизированный кормозапарник. Есть и свои лошади.

Но основной отраслью общественного хозяйства является оленеводство. Оно дает артели более 70 процентов годового дохода.

Там, где не пройдет машина, где на первых же метрах выбьется из сил самая выносливая лошадь, легко проходит олень. Запряженные в легкие нарты, олени перевозят многочисленные грузы, дрова, сено — все, что нужно срочно доставить к месту назначения по трудным дорогам. Это животное дает также питательное молоко, вкусное мясо и теплый красивый мех.

Вот почему колхозники так любят оленей и заботливо выращивают их. Почти четверть всего поголовья, самые лучшие, породистые олени выделены в отдельное племенное стадо, которое пасется на лучших пастбищах в 250—300 километрах от поселка.

Пастухами назначены самые добросовестные и опытные колхозники. Они выращивают сотни голов молодняка, оберегают стадо от хищников. У парторга Васильевой мне посчастливилось встретиться с одним из членов этой дружной семьи.

Бригадир оленеводческой бригады коммунист Афанасий Стрючков приезжал в колхоз с отчетом и перед отъездом зашел к парторгу, чтобы захватить в тайгу газеты, книги и учебники.

Этот крепкий тридцатилетний человек был одет в ватные брюки и фуфайку. На ногах вышитые торбаза. Обожженное жгучими морозами лицо выражало большую силу воли и сдержанность. Черная упрямая челка жестких волос закрывала половину высокого лба, а темные глаза смотрели открыто и просто.

— Вы, наверно, думали, что пастух обязательно должен быть старым и темным человеком, — пошутил он. — Мы в тайге тоже не отстаем. Работы, конечно, много, однако находим время и почитать, поучиться.

Его смуглые руки, привыкшие к ружью и нартам, так же ловко обращались с книгами, бережно укладывая рядом с «Кратким курсом истории ВКП(б)» несколько томов художественной литературы и пачку различных газет.

— Если не учиться, — продолжал он, — совсем отстаешь, будешь как медведь в берлоге. А сейчас ведь все дороги открыты, только учись.

Эвенк не боится тайги: это его дом. Как житель большого города прекрасно разбирается в сложном лабиринте улиц, так эвенк легко «читает» тайгу. Здесь нет ни справочных бюро, ни табличек и указателей, но таежному жителю не нужно спрашивать о дороге.

С малых лет приучается он разбираться в лесной грамоте, запоминает на память все ручьи и сопки, так что без компаса и карты ездит за сотни километров по одному ему известным вехам и тропкам.

Заблудиться в тайге — позор для якута или эвенка. Поэтому детей, прежде чем писать и читать, учат ориентироваться в тайге.

— Помню, — рассказывает Афанасий Стрючков, — учил меня отец знанию тайги, когда я был маленьким. Как-то раз отвел он меня в лес и велел по другой дороге идти домой, а сам ушел куда-то. Долго блуждал я, плакал, отца звал. Ко-

мары заедают — стоять нельзя. Но нет никого и пришлось самому выбираться. Смекнул детский ум, что если пойду возле ключа, то приду домой. Долго шел. Исцарапался весь, лицо опухло от слез и комариных укусов, но все же поздно вечером нашел свою палатку. Оказывается, отец все время следил за мной, но не подошел: «Каким же ты человеком будешь, если возле дома заблудишься», — объяснил он. А теперь я благодарен ему. На тысячи километров вокруг знакома мне местность, а если незнакома, то легко разберусь по якутской «географии».

Назавтра ему предстоял далекий путь. Почти триста километров надо было проехать на оленях, но его не страшит дальняя дорога. В тайге всегда есть пища для оленей — сочный ягель; в тайге и сам он будет сыт — карабин с собой, а мало ли диких животных и птиц! Несколько минут — и среди сугробов поставлен походный домик-палатка с маленькой печуркой; дров хоть отбавляй.

На оленьем пастбище построил Стрючков себе небольшой домик, где поселился с женой. А недавно отвез ее в колхоз, в родильное отделение медпункта. Теперь у него радость: родился сын, будущий помощник!

Не много ухода требуют неприхотливые рабочие олени; они сами находят себе пищу зимой и летом. Но много внимания и заботы требует племенное стадо, где ценна каждая важенка, где как зеницу ока нужно беречь молодняк.

Круглый год пастух в дороге. Зимой на нартах или на широких охотничьих лыжах днем и ночью обходит он свое обширное стадо, охраняет его от хищных зверей, перегоняет на лучшие пастбища, где тоньше снег и много ягеля, внимательно следит за здоровьем своих питомцев.

Летом не легче. Злые таежные комары и надоедливая мошкара роями носятся над каждым оленем, не дают ему покоя. Животные худеют и приходится целыми ночами поддерживать многочисленные костры-дымокуры, чтобы олени могли немного отдохнуть. Нужно заранее отыскивать на зиму места под зимнее пастбище, бороться с дикими оленями.

Дикие олени очень опасны для стада. Во время гона они нередко уводят с собой маток, которые дичают и не возвращаются в стадо, особенно молодые важенки, еще не привыкшие к человеку. Дикий олень опасен еще и тем, что убивает молодняк. Поэтому с «дикарями» ведется беспощадная борьба.

Во время гона и отела от пастуха зависит количество оплодотворенных самок и сохранение молодых телят. В эти дни пастухи забывают про сон, круглые сутки на ногах среди стада и всегда там, где грозит опасность новому поколению.

Труд оправдывается с лихвой. Только в 1951 году бригада вырастила молодняка на 111 процентов больше предусмотренного планом.

— Обещался я с бригадой, — говорит Стрючков, — за два года довести наше стадо до тысячи голов. Надеюсь, что свое обещание выполним.

— Есть у меня мечта, — говорит он, — выучиться на ветфельдшера... И я добьюсь своего. Вот подготовлюсь немного и поеду учиться, а потом — обратно в тайгу, к оленям. В газетах много пишут о выведении новых пород овец, лошадей. А почему бы не попробовать вывести новую породу оленя? Ведь олень еще долго будет одним из основных видов транспорта в горах и тайге, где нет дорог. Не раз задумывался я скрестить дикого оленя с домашним, чтобы получить сильное, выносливое и неприхотливое потомство. Но это пока еще мечта, нужно учиться, чтобы осуществить ее.

Иннокентий Павлович познакомил меня с лучшим охотником колхоза, однофамильцем Афанасия, Николаем Стрючковым.

Скуластое лицо, острый наметанный взгляд и легкие неслышные шаги выдавали его профессию. С прокуренной трубкой в зубах и охотничьим ножом на узком ремешке, он был по-таежному молчалив и по-охотничьи выдержан. За полвека своей жизни много исходил он таежных троп, много раз приходилось ему коротать морозные ночи у лесного костра. В его черных, как смоль, волосах уже поблескивают серебряные нити. Но попрежнему верен глаз и как в молодости точны движения. Не одну доху можно сшить из соболей, что он добыл за многие годы охоты. Не раз приходилось встречаться ему с медведем, но верный глаз и острый нож всегда выручали в самых опасных положениях.

...Вокруг — безбрежная тайга. Широкие якутские лыжи, словно поплавки, держат охотника на рыхлом снегу. В зубах неизменная трубка, в руке карабин. Впереди — верный и чуткий пес. Вот собака нашла соболя, выгнала его из теплого гнезда и звонким лаем зовет хозяина.

Где-то у самой вершины притаился зверек, в пружину сжалось гибкое тело. На ходу сменен патрон с маленькой пулькой. Прицел в голову — и вместе с осыпавшимся снегом к ногам упало пушистое тельце.

— Я бью только в голову, — поясняет охотник, — лучше промахнуться, чем портить мех. Больше, чем указано, тоже не бью. Смысла нет. Он на будущий год приплод даст, еще больше соболей будет, — говорит Стрючков, путая русские и эвенкийские слова.

Почетом и уважением пользуется знаменитый стрелок. За короткий срок он уже успел выполнить свой план на 150 процентов, заготовил для колхоза более двух тонн мяса, добыл пять соболей и много другой пушнины.

— Недавно пришел из тайги, теперь отдыхаю, — говорит он, попыхивая старенькой трубкой. — Скоро снова в тайгу, сохатых бить, — надо на лето для лисофермы мясо готовить.

Огорчившись моим отказом отведать сохатины, он горячо приглашал приехать к нему в гости и долго жал мою руку огрубевшими сильными пальцами.

Я побывал во многих домах. Культурно и зажиточно живут колхозники-эвенки. Радиоприемники, этажерки с книгами, подшивки газет и журналов... Особенно большая тяга к знаниям у молодежи.

— Конечно, сделано еще мало, — говорит Варвара Егоровна Васильева. — Еще многое нужно сделать, чтобы понастоящему поднять нашу культуру, чтобы каждый имел, по крайней мере, семилетнее образование. И мы этого добьемся. Учатся все. Видите, как много книг берут. А библиотека маленькая... Каждый год пополняем книжный фонд, но все равно не хватает: читателей становится все больше.

Артель имени Ворошилова небольшая, но дружная. Огромную роль в ее работе играет партийная организация. В ней всего семь коммунистов, но совместно с комсомольской организацией это большая сила. Туда, где трудно, где требуется инициатива, посылают коммунистов и комсомольцев. Например, ответственный участок работы — оленеводство — возглавляет коммунист Афанасий Стрючков. На лесозаготовках — комсорг Володя Соловьев со своими комсомольцами. Там, где есть хоть один коммунист или комсомолец, успех всегда обеспечен.

Благодаря советской власти и колхозному строю поднялся к новой жизни и культуре некогда отсталый народ Севера. Теперь не редкость, когда коренной житель играет в шахматы, когда простой эвенк рассуждает о языкознании или когда пастух берет в тайгу «Историю ВКП(б)» и мечтает вывести новую породу оленей.

Думал ли когда-нибудь раньше якут, что сядет в автомобиль, что сам будет управлять мотоциклом, что явится вожаком колхозных масс и будет проводником культуры!

В европейское платье одеты все. Молодежь щеголяет новыми костюмами, но на ногах — неизменные вышитые торбазы, а руки в теплых половинчатых, с внутренней меховой подкладкой, перчатках, покрытых красивой вышивкой.

Много труда надо затратить, чтобы получить половинку — специально выделанную кожу лося. Несколько дней кожу вымачивают в специальном растворе из порошка высушенного мозга и печени, скоблят, сушат, коптят, словно балык, в специальных коптильнях, а потом при медленной сушке старательно мнут. И кожа получается мягкая, прочная, чуть пахнувшая дымом. Много красивых изделий шьется из этого материала.

...Был теплый, не по-северному, мартовский день. Столбик термометра поднялся почти до —10 градусов, когда мы с Павловым выехали в легкой кошевке на лисоферму. Он хотел показать гордость своего колхоза — лисиц.

Лошадь быстро промчала нас мимо припорошенных снежком домов поселка, мимо молочной фермы, галопом проскакала через звонкую ледяную дорожку ключа и с разбегу взяла крутой подъем.

Санная дорога петляла по склону плоскогорья, усеянному многочисленными пнями, кустарником да молодыми деревцами. Когда-то здесь шумел вековой лес, стройные лиственницы, гордо подняв вершины, почти вплотную подходили к Эльге. А сейчас это место обжито, тайга вырублена и вокруг темнеют только крепкие пни, окруженные густой щетиной молодой поросли.

Но чем дальше от поселка, тем больше деревьев. Вот уже стали попадаться могучие многолетние стволы, показалась группа высоких деревьев и, наконец, пошла сплошная тайга из лиственниц и редкой березы.

Три километра проехали быстро — и вот перед нами лисоферма. Огороженная забором трехметровой высоты, с двумя служебными помещениями и наблюдательной вышкой, она стоит на открытой поляне, почти у самой реки.

Заведующего, Петра Гавриловича, мы нашли за изгородью. Каково было мое удивление, когда он вынырнул из лисьей клетки и оказался пятнадцатилетним Петькой в старенькой фуфайке и отцовских унтах! «Вот так начальник!» — подумал я.

Словно разгадав мои мысли, Иннокентий Николаевич коротко рассказал мне о юном заведующем.

Петька с лисицами знаком давно. Еще маленьким, когда отец приносил из тайги диких лисят, он научился выкармливать их и понимать этих хитрых зверьков. А когда они подрастали, отец сдавал меха. Бывало, до десяти детенышей приносил домой, а Петька их выращивал.

Когда отец умер, Петька с матерью попросились работать на ферму. Заведующий недавно уехал в командировку, а Петька уже несколько дней с успехом замещает его. Все свободное от занятий время он посвящает ферме.

У Петьки есть помощники: мать приготавливает обеды и ужины для многочисленной звериной семьи, помогают сестра и «главный заместитель по уборке» — шестилетний Митя.

Мы зашли на лисоферму уже после обеда, когда шла уборка. Ловкий маленький Митя, шмыгая носом, забрался в длинную проволочную клетку. Специальной метелочкой и скребком он убирал обглоданные кости. Лисицы так привыкли к его присутствию, что даже не прятались в свои деревянные гнезда.

— Митька! Закончить уборку, да получше! Потом прове-

рю, — серьезно сказал Петр Гаврилович. — А я пойду покажу председателю наш молодняк.

Митька, блеснув быстрыми глазенками в нашу сторону, важно, с мальчишеским достоинством проговорил: — Ясно, сделаю. — И неторопливой походкой направился к выходу.

На обширном дворе в три ряда вытянулись многочисленные клетки — своеобразные лисьи «дворцы» со спальнями, прихожей, столовой и большим сетчатым коридором для прогулок.

Обитатели клеток привыкли к постоянным посетителям, но нас встретили пугливо. Забившаяся в угол лиса настороженно посматривала на нас зеленоватыми глазками, смешно фыркала, поводя острой мордочкой, готовая в любую минуту прыгнуть на врага.

Петька полез в маленькую дверцу и ловко поймал за загривок хитрого зверька. Действительно, красивая шкурка! Черно-серебристый мех переливался на свету, а длинный пушистый хвост с белым концом был мягкий, словно пух.

Показал нам Петька и четырех первенцев, родившихся на ферме. Они были так же красивы, как и взрослые лисы. Это первая победа юного заведующего, так как несколько лет лисицы не давали в неволе приплода. Теперь он готовится к весеннему гону, когда на ферме появится много новых лисят. Много часов придется провести в это время на наблюдательной вышке.

На ферме повсюду наведен порядок. Расчищены широкие дорожки, на каждой клетке номер, в кладовой запас свежего мяса и рыбы, муки и брусники. На кухне красивой пирамидкой сложена незатейливая посуда и луженой медью поблескивает вычищенный котел.

Много работы днем, да и ночью не всегда спокойно. Надо охранять колхозное добро. Как только залает верный часовой — огромная охотничья собака — Петька быстро одевается и, взяв в руки старенький отцовский карабин, бесстрашно выходит на улицу. Были случаи, когда в кустах сверкали фосфорическим огнем глаза хищников, жалась к ногам собака, но Петька не уходил, лишь плотнее прижимал к плечу карабин да палец не спускал с курка.

Петька небольшого роста, и коротенькое ружье ему как раз впору. Досталось оно ему в наследство от отца, и колхоз закрепил за ним право владеть оружием. По моей просьбе Павлов разрешил истратить несколько патронов для стрельбы в цель.

Петька сбегал к реке и метров за полтора от нас затесал на лиственнице маленькую мишень, не больше детской ладони. Потом вынес карабин и брезентовый подсумок с патронами.

— А ну-ка, попробуй, — предложил мне Иннокентий Николаевич.

Я старательно прицелился в белое пятно. Карабин привычно толкнул в плечо, но пуля ушла влево. Пришлось конфузливо развести руками и сослаться на давность тренировки и плохое зрение. «За молоком» ушла и пуля Павлова.

Дошла очередь до Петьки. По тому, как ловко щелкнул он затвором, загоняя очередной патрон, как сноровисто припал на левое колено, было видно, что это для него привычное дело. Короткий прицел — и лесную тишину нарушил выстрел. Пуля Петьки легла в цель, лишь чуть-чуть отклонившись от центра.

— Плохо!.. — огорчился юный стрелок, — так даже в белку не попадешь. Отец застыдил бы...

На прощанье Петька показал нам свою конструкцию какого-то сложного механизма, назначение которого так мы и не поняли, потому что изобретатель не захотел раскрывать секрет раньше времени. Было удивительно, что паренек с математической точностью рассчитал конические шестерни и, пользуясь только ножом, отделал их, словно на токарном станке.

— Ну, Петр Гаврилович, — обратился к нему, как к взрослому, Павлов, — если будет хороший приплод, — передадим тебе колхозный мотоцикл. Учись обращаться с ним, а подрастешь — на шофера отправим учиться.

По блеску узких детских глаз было видно, что об этом Петька мечтает давно.

На следующее утро мы отправились в обратный путь на оленях.

Веселый молодой каюр лихо подкатил на двух упряжках. Белые важеньки попарно впряжены в легкие деревянные нарты при помощи одной постромки, продернутой сквозь дугу, с двумя свободными петлями на шеях оленей.

— Э-э-й, милые! — крикнул каюр, вскакивая на ходу. И, словно птицы, понеслись олени! До населенного пункта трактом более тридцати километров, но у каюра своя, нартовая дорожка — напрямик, через перелески и плоскогорья, мимо молчаливого леса, вдоль заросших берегов, по звонкому льду Эльги.

Мчатся упряжки, лишь летят хлопья снега да однозвучно цокают раздвоенные копыта: цок-цок, цок-цок... Держись крепче на поворотах! Чуть зазевался — словно пушинка слетишь с нарт.

Мы сидим, крепко упершись ногами в широкие полозья, вцепившись руками в специальные бортики нарт. Но удобно, словно на стуле, чувствует себя молодой эвенк. В легкой оленьей кухлянке и торбазах, он то и дело соскакивает с нарт. Пробежит несколько метров на подъемах — и так же ловко вспрыгивает на ходу.

На полпути маленькая остановка, — и снова снежная пыль бьет в глаза, и снова мерный цокот копыт да скрип широких полозьев. Вот почему так монотонны песни якутов и эвенков, навеянные мерным бегом оленей и однообразной картиной запорошенных сопок...

Прошло не более полутора часов, — и осталась позади двадцатикилометровая дорога. Чуть вспотевшие олени убавили шаг у первых домиков.

Оканчивая написанный неопытной рукой очерк, я с радостью думаю, что и здесь, на Севере, как и в каждом уголке нашей великой Родины, кипит творческий труд. Эвенки и якуты строят новую жизнь, быстро преодолевают вековую отсталость, на основе советской, русской культуры развивают свою национальную культуру, крепят колхозы и идут верной дорогой к коммунизму.

В. П. Малышев

Кандидат исторических наук.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРИАМУРЬЕ В 1900—1917 гг.

(По архивным материалам)

1.

До Великой Октябрьской социалистической революции экономическая и политическая борьба рабочих Приамурья проходила в крайне сложной обстановке.

До начала строительства Амурской железной дороги рабочие Приамурья были сосредоточены в городе Благовещенске, на золотых приисках, лесозаготовках и водном транспорте. Разбросанность золотых приисков и лесозаготовок замедляла процесс концентрации пролетариата, распыляла и без того малочисленную массу рабочих Приамурья по сотням мелких предприятий и приисков, разделенных между собой сотнями километров таежного бездорожья.

Работа на многих местных предприятиях велась не весь год, а только в определенные сезоны. Предприниматели намеренно каждый год сменяли на своих предприятиях рабочих, и те не успевали организоваться за короткий сезон в профессиональные союзы.

Благовещенск накануне револю-

ции 1905 года был центром золотодобывающей промышленности Дальнего Востока, торговым городом с 40 тысячами населения. Амурской железной дороги тогда еще не было, зато был развит водный транспорт по системе рек, связанных с Амуром.

Как город, Благовещенск складывался весьма своеобразно. Здесь было и место ссылки, и место поселения отбывших каторгу на о. Сахалине, и место, где укрывались от религиозных преследований царизма свыше 13 тысяч старообрядцев и сектантов разных толков *).

*) В 1878 году сюда прибыли на поселение первые политические ссыльные — участники польского восстания 1863 года — Константин Осинский, Фредерикс Приббе, Роман Обедзинский, Николай Дмоховский и Фома Ящовский (Амурский областной государственный архив, фонд 18, опись 1, дело 59, листы 5—6).

В 1887 году командующий войсками Приамурского военного округа барон Корф секретно сообщал военному губернатору о том, что «в местных войсках повторяются случаи участия в государст-

К Благовещенску тяготели свыше 200 золотых приисков, на которых в 1904—1905 годах было занято 27 200 рабочих, тогда как в самом городе насчитывалось всего около 1 500 рабочих, занятых к тому же в 63 различных предприятиях. К кадрам промышленных рабочих области принадлежали также рабочие водного транспорта (до тысячи человек), состоявшего тогда из 150 паровых судов, 5 землечерпательных караванов и 250 барж.

Ограниченное число постоянных рабочих кадров, большая их текучесть и территориальная разбросанность служили помехой росту классовой сознательности рабочих, развертыванию пролетарского движения.

Между тем, развитие капитализма в Приамурье уже с конца XIX века неуклонно толкало рабочих к объединению для защиты их экономических и политических прав.

Уже в 1900 году на селемджинских приисках вспыхнула самая ранняя в Приамурье, экономическая по своему характеру, забастовка рабочих. Сообщая об этом необычном для Амурской области явлении, газета «Амурский край» в №№ 96 и 101 за 1900 год напечатала статьи, в которых рассказывалось о необузданной эксплуатации рабочих на приисках, обесчетах и мошенничестве при приеме намытого золо-

венном преступлении и существовании военных кружков с противоправительственными целями». Это были разрозненные, существовавшие среди офицеров, чиновников и интеллигенции группы народников, которые после начала 80-х годов XIX века отказывались от революционной борьбы с царизмом и, попав в Приамурье, восторгались стремлением зажиточного амурского крестьянина и казака поднять свое хозяйство за счет эксплуатации сельской бедноты и дешевого «желтого» труда (Там же, ф. 12, оп. 1, д. 11, л. 12).

та. В бумагах бывшего генерал-губернатора области сохранилось дело «О бунте рабочих русских и корейцев на золотом прииске П. В. Мордина в 1900 году». Из этого дела выясняются подробности первой забастовки рабочих в Амурской области.

13 августа 1900 года на Златоустовском прииске золотопромышленника П. В. Мордина рабочие (русские и корейцы) в количестве до 500 человек, работавшие 15 артелями, забастовали. Они обнаружили, что администрация, принимая намытое золото, систематически их обсчитывала, причем накануне забастовки одна из артелей была обсчитана на 22 золотника и 24 доли. Рабочие заявили, что не встанут на работу до тех пор, пока не будут привлечены к ответственности агенты приисковой конторы, допускавшие систематические обесчеты. Жалобы на обмер при вскрыше породы и обсчеты при приеме золота поступили от 11 артелей.

Рабочие собрались толпой у конторы прииска и, как утверждается в деле, нанесли увечья двум полицейским и управляющему прииском Алексееву, попутно выбив стекла в окнах его квартиры. Через три дня на прииск прибыла сотня казаков. Они оружием разогнали митинговавших рабочих, а делегатов подвергли порке. Однако забастовавшие рабочие вторично собрались на митинг, избрали из своей среды 15 делегатов для руководства забастовкой (по одному от артели) и решили конфисковать приисковый продовольственный склад. Казаки дали по митинговавшей толпе залп, в результате которого 12 человек было убито и 6 ранено, причем пострадали делегаты рабочих. Казаки оттеснили рабочих в лес, а трупы убитых полиция ночью зарыла в тайге.

Весть об этой ранней забастовке и кровавой расправе над рабочими

быстро разнеслась по всей области. Передовые рабочие понимали, что для успешной борьбы с капиталистами им нужна своя рабочая организация, профсоюзы.

Последствия экономического кризиса 1900—1903 гг. усилили лишения трудящихся масс, а русско-японская война, ускорившая наступление революции 1905 года, способствовала появлению в Приамурье рабочих профсоюзов и социал-демократической организации, отдельные группы которой разрозненно существовали в Благовещенске с 1903 года.

В одном из документов, составленном царскими чиновниками после первой русской революции, говорится:

«До конца 1904 года в Амурской области почти совсем не замечалось проявления революционной деятельности... С 1897 года по конец 1904 года было установлено лишь три случая хранения и распространения среди учащейся молодежи незначительного числа изданий преступного содержания, привезенных или присланных из Европейской России. Затем в 1902 году было найдено несколько запрещенных изданий, выброшенных неизвестно кем на одном из городских пустырей» *).

7 ноября 1904 года в Благовещенске впервые были разбросаны и расклеены прокламации Сибирского союза РСДРП: «К солдатам», «Для чего должен умирать русский солдат», «Война против войны!». Полиция подозревала в распространении прокламаций группу рабочих механического и машиностроительного завода Шадрина, в районе которого прокламации были обнаружены в большом количестве. Завод Шадрина был одним из наиболее

*) «Обзор революционного движения в округе Благовещенского Окружного Суда», стр. 45.

крупных предприятий Благовещенска. На нем изготовлялись сельскохозяйственные орудия и даже небольшие пароходы.

Полицеймейстер Благовещенска 14 октября 1904 года доносил губернатору: «Осенью текущего года при попустительстве надзора и администрации завода Шадрина там организовался «профессиональный союз рабочих и мастеровых».

Во время войны с Японией рынок сократился. Разработка золотых приисков почти прекратилась. В городе появились безработные. Дороговизна предметов первой необходимости и, главным образом, хлеба, который закупало царское интендантство для армии и флота, вызывала озлобление приисковых и городских рабочих, трудящихся области.

Наступившая революция втянула Приамурье, как и весь Дальний Восток, в орбиту революционного движения России.

2.

8 марта 1905 года среди плотников, занятых на строительстве барж, началось брожение. Рабочие были возмущены действиями мастера Тыркова, который самовольно сократил время завтрака с 30 до 10 минут, незаконно штрафовал плотников, делал большие вычеты из зарплаты. Плотники объявили забастовку, которой руководил комитет из 5 человек. Через три дня забастовка кончилась победой рабочих. Власти города «изыскивали меры к недопущению забастовок в будущем».

Но уже 21 апреля 1905 года полиция была напугана новой, к тому же принявшей политический характер, забастовкой рабочих завода Шадрина. Металлисты требовали введения восьмичасового рабочего дня, улучшения условий труда, созыва Учредительного собрания. Под руководством социал-демократов за-

бастовщики провели сбор пожертвований в пользу семей жертв «кровавого воскресенья» (расстрела 9-го января в Петербурге). В первый же день в городе было собрано 460 рублей. Металлисты закончили забастовку 6 мая 1905 года, выразив классовую солидарность с рабочими всей России. Однако к работе приступила всего лишь половина рабочих, и дирекция завода секретно просила полицмейстера Благовещенска помочь возвратить ушедших рабочих.

В мае 1905 года в Благовещенске уже нелегально существовали: «Профессиональный союз рабочих и мастеровых, занятых в механическом производстве», «Союз учителей» и при нем два общества — «попечения о начальном народном образовании» и «бесплатных народных чтений».

30 мая 1905 года союз учителей от имени «Общества попечения о начальном народном образовании» созвал съезд учителей Амурской области. Военный губернатор, получив сведения о том, что на съезд приглашены революционные организации, запретил его. Однако, учитывая, что многие учителя школ области уже приехали в город, а общественность настойчиво требовала открытия съезда, губернатор разрешил вместо съезда созвать «частное совещание» под председательством инспектора городского училища реакционера Соболева, при участии директора мужской гимназии, атамана казачьего войска, полицмейстера и представителей духовной консистории епархии. Таким образом, съезд учителей, созванный профсоюзом, был превращен царским чиновником в междуведомственное совещание реакционеров.

Демократическая часть съехавшегося учительства решительно отказалась участвовать в совещании черносотенцев и была вынуждена

быстро разъехаться, так как полиция начала проводить в городе аресты революционно настроенных учителей.

В виде протеста профсоюз учителей созвал в Благовещенске 3 мая 1905 года собрание членов «Общества бесплатных народных чтений». Собрание выразило протест против срыва съезда полицией и заявило: «Общество не сможет достигнуть своей цели до тех пор, пока не последует коренное изменение жизни с широкой гарантией прав гражданства, при активном участии народных представителей в правлении страной, при обеспечении свободы слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенности личности и жилища».

В ночь на 2 июня полиция арестовала ряд членов общества, а 4 июня профсоюз учителей на собрании членов общества, по предложению социал-демократов, единогласно постановил: «Выразить протест против продолжающейся русско-японской войны и требовать немедленного ее прекращения и созыва народного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

К осени 1905 года в Благовещенске заметно участились забастовки. 15 августа забастовали артисты городского театра. Они требовали создания своего профсоюза, поддерживали резолюцию собрания учителей о созыве народного собрания.

12 сентября в ремонтных мастерских произошел необычный случай, быстро ставший известным населению города. В этот день служили молебен. Накануне рабочие прикрепили за иконой красный флаг с особым механизмом и надписью: «Слава борцам за свободу!» Во время молебна флаг взвился над иконой. Молебен был сорван.

13 сентября в Благовещенске состоялся рабочий митинг протеста

против расстрелов и избияния рабочих в Центральной России. Митинг был разогнан солдатами и полицией.

1 ноября в городе носились слухи о том, что «царь даровал свободу», а местная администрация скрывает это от народа. 2 ноября на площади был зачитан царский манифест. Из пубрики неслись крики «Долой царя!» В Благовещенске началась волна уличных демонстраций, митингов, расправ над полицией, старавшейся не появляться на улице. Был создан «Союз прогрессивных групп», куда вошли делегаты от партий социал-демократов, эсеров, либералов. Образовалась группа «конституционных демократов». Кадеты начали издавать свою газету «Голос окраины», редактором которой стал известный в городе реакционер Клитчоглу.

Контрреволюция организовывалась для борьбы. На экстренном заседании городской думы от имени «амурских волков» выступил купец Левашов. Он предложил, чтобы для борьбы с начавшейся революцией все торговые фирмы, заводы, частные предприятия и товарищества отчисляли 10% дохода в течение трех месяцев. Эти средства предполагалось употребить на создание в помощь полиции охранной стражи. Сорок пять «амурских волков» вручили губернатору крупную сумму на создание дополнительного отряда полиции в 100 человек *).

В момент наивысшего подъема революции 1905 года (октябрь—декабрь) на Дальнем Востоке не было единого руководящего центра революционной социал-демократии, который мог бы возглавить рабоче-крестьянское движение. Социал-демократические организации Дальнего Востока действовали разрозненно.

*) Ам. сбл. гос. архив, ф. 10, д. «Протоколы заседаний городской думы», 1905 г., л. 247.

В октябре 1905 года в Благовещенске оформилась Амурская группа Сибирского Союза РСДРП и ее первый комитет, в который входили: врач А. И. Дацков, его жена А. В. Дацкова, зубной врач А. В. Рошкковская, ссыльный студент Томского университета Николай Зеленский, фармацевт Александр Руфий. Нелегальную литературу и инструкции комитет получал от Сибирского Союза РСДРП, находившегося в то время в Томске.

Социал-демократическая группа, опиравшаяся на металлистов, водников, деревообделочников, стремилась дисциплинировать массовые уличные выступления трудящихся, придать этим выступлениям политическое содержание, организовать рабочих Приамурья в профсоюзы.

Однако члены комитета, люди недостаточно зрелые теоретически и нестойкие политически, проповедовали меньшевистские взгляды, блокировались с эсерами и либералами, плелись в хвосте революционных событий. За годы первой русской революции они ни разу не поставили практически вопроса о вооруженном восстании.

Члены комитета — меньшевики — отказывались видеть своеобразие буржуазно-демократической революции в России, считали ее обычной буржуазной революцией и пытались придать революционному забастовочному рабочему движению в области либеральный характер.

В ходе революции в Приамурье происходил процесс размежевания социал-демократической организации на меньшевиков и большевиков. Представители РСДРП посещали заводы, предприятия и, открыто выступая на митингах, отстаивали революционную идеологию рабочего класса. В социал-демократическую организацию вступали передовые рабочие Приамурья.

Большевики-рабочие на предприятиях города выступали против предательского поведения меньшевиков, предлагавших им идти в блок с буржуазией и тем самым отказаться от решительной революционной борьбы против царизма *).

Рабочие и служащие, руководимые социал-демократами, шли на демонстрации и митинги, на которых выносились решения с требованиями восьмичасового рабочего дня, увеличения заработной платы, организации третейских судов, свержения самодержавия.

В октябре 1905 года в Благовещенске организовался «Амурский союз рабочих», объединявший металлистов, водников и деревообделочников.

В конце октября образовался «Союз запасных нижних чинов», принявший программу: немедленное увольнение всех запасных домой, выдача кормовых и прочих видов довольствия, довыдача довольствия,

*) После 1905—1906 гг. Амурская социал-демократическая организация значительно пополнилась членами партии из рабочих, которые занимали в большинстве своем непримиримую позицию по отношению к эсерам и либералам. В марте 1907 года «Летучий листок» № 3, издававшийся Благовещенским комитетом РСДРП, требовал, чтобы «все социал-демократические группы и профсоюзы рабочих впредь не признавали партии эсеров, никаких соглашений с эсерами не допускали и совместные действия с ними считали невозможными». (Ам. обл. гос. архив, ф. 18, оп. 1, д. 44, л. 31).

После разгона I Государственной думы летом 1906 года Благовещенский комитет РСДРП отпечатал листовку, в которой указывалось, что «царскому правительству дума нужна только как конституционная ширма». Листовка разъясняла, что для освободительной борьбы рабочих «мирных путей нет».

которое не было получено запасными в армии.

Пролетариат, развивавший тогда высокую революционную активность, оказывал определяющее влияние на формы и методы массовой борьбы. В. И. Ленин по этому поводу писал:

«Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской... Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий» *).

28 ноября 1905 года в Благовещенске забастовали почтово-телеграфные служащие. Забастовка была вызвана не местными причинами, а носила политический характер и являлась откликом на всероссийскую забастовку в знак протеста против разгона полицией в Москве первого профессионального съезда почтово-телеграфных служащих и ареста его участников.

Служащие почтово-телеграфной конторы избрали стачечный комитет, в состав которого вошли: С. Р. Мицеловский, И. Иванов, И. Н. Пирожников, В. К. Линдквист, А. Ф. Драчук, В. С. Макаров, А. А. Соколов, Б. Ф. Рудницкий, Б. И. Онуфрович.

Забастовка быстро распространилась по области. Стачечный комитет послал телеграммы в Хабаровск, Владивосток и Сретенск с просьбой присоединиться к решению почтовиков Благовещенска «выразить

*) В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 345.

порицание царскому правительству за плохую заботу о почтово-телеграфных служащих и всего народа», требовать ухода кабинета Витте в отставку и созвать Учредительное собрание.

13 января 1906 года почтово-телеграфная контора в Благовещенске перешла в руки народа. Но в конце января соглашатели из «Союза прогрессивных групп» и «Амурского союза рабочих» уже вели переговоры по телеграфу с генералом Линевицем, находившимся на железнодорожной станции Лошагоу (в Маньчжурии), о сдаче. Все принимавшие участие в этой забастовке (до 140 человек) были привлечены к следствию, а члены стачечного комитета арестованы и преданы суду, приговорившему их к каторжным работам от 4 до 6 лет и более.

22 января 1906 года профсоюзы металлистов, плотников, учителей собрали в Благовещенске многолюдный митинг, посвященный годовщине расстрела рабочих в Петербурге 9 января 1905 года. На митинге с речами выступали ораторы — социал-демократы и рабочие-металлисты завода Шадрина, требовали свержения самодержавия. Митинг был разогнан войсками и полицией.

Нелегально съехавшиеся в город учителя 28 января на своем съезде постановили, чтобы «союз учителей» объединился в своих действиях в борьбе против самодержавия с «Амурским союзом рабочих» под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На съезде были избраны учителя — социал-демократы для связи и участия в работе «Амурского союза рабочих».

«Амурский союз рабочих» выдвигал тогда следующие политические и экономические требования: уничтожение самодержавия, выборы в городе народной думы на основе всеобщего избирательного права, введение восьмичасового рабочего

дня, увеличение зарплаты рабочих и служащих и установление третейского суда для разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями.

4.

Развитие массового стачечного движения рабочего класса пробудило к революционной борьбе против самодержавного строя широчайшие массы крестьянства России. Однако рабочий класс Приамурья в то время не имел достаточно сил для того, чтобы охватить своим влиянием и руководством массовое крестьянское и казачье движение в области, начавшееся в 1905 году.

Крестьяне Амурской области в 1905—1907 гг. выдвигали такие требования: введение выборных волостных правлений, судов и земства, упразднение должностей губернаторов и крестьянских начальников, передача царских и церковных земель в пользование крестьян, созыв крестьянских сходов, съездов и Учредительного собрания.

Крестьяне и казаки области отказывались выполнять натуральные повинности, платить налоги царскому правительству. Бедняцко-средняцкая часть амурской деревни, владевшая наихудшими земельными участками и почти безземельная, стремилась поделить кулацкие и казачьи («стодесятинников») и царские («кабинетские») земли и леса поровну между крестьянами-новоселами.

В самый разгар забастовки почтовиков, 28 декабря 1905 года, в Благовещенск съехались представители амурских казачьих станиц. Накануне казаки местного гарнизона в своей резолюции потребовали отмены ряда казарменных повинностей и заявили о своей солидарности с народом.

Казачий съезд, руководимый группой революционно настроенных

учителей, вынес решение об упразднении казачьего сословия и должностей начальников участков Амурского казачьего округа. Съезд отказался выполнять земские повинности, возложенные на казаков, решил отправлять молодых казаков на службу без всякого обмундирования, снаряжения и лошадей, потребовал снять в области военное положение, которое было объявлено царскими властями.

Съезд полностью одобрил требования и действия профсоюза почтово-телеграфных служащих и послал своих представителей в «Союз прогрессивных групп».

Выступление казаков произвело ошеломляющее впечатление на царскую администрацию, деморализовало ее действия. Лишь общий спад революционной волны в России и уже подступавшие к Благовещенску фронтовые части войск, вызванные для разгрома революции и карательных целей, заставили свернуть революционные события в Приамурье. Участники казачьего съезда не проявили достаточной революционной активности, были арестованы и заключены во Владивостокскую крепость.

В сентябре 1906 года военным судом были осуждены 33 участника Амурского казачьего съезда. Наиболее активные из них — учителя Семен Ваулин, Николай Брагин, Павел Полов, Николай Самарин, Федор Матафонов, Михаил Астафьев, Петр Тонких и урядники Александр и Афанасий Сенотрусовы были приговорены к каторжным работам сроком от 4 до 6 лет и к последующей ссылке с лишением всяких прав. Большинство осужденных погибло на каторге.

В феврале 1906 года в Благовещенске собрался областной крестьянский съезд — «Первый съезд амурских земледельцев» — который потребовал введения земства, представительства в Государственной

думе от амурских крестьян, регулирования цен на зерно. Крестьяне выражали недовольство политикой купцов-мукомолов, снижавших цены на зерно, требовали повысить цены на пшеничную муку.

Съезд проходил под руководством эсеров и решил учредить в области «Крестьянский банк» и «Крестьянский союз». Съезд не получил политической направленности. Делегаты, не договорившись с мукомолами-капиталистами о ценах на зерно, разъехались.

Крестьянское движение в Амурской области в 1905 году не приняло широкого размаха, носило стихийный характер, было оторвано от рабочего движения. В Приамурье все еще не было сильной, революционной социал-демократической партийной организации. Такая организация была создана большевиками позже, в 1906—1907 гг.

5.

В 1906 году забастовки в городе не прекращались. В феврале забастовали плотники трех артелей, работавших на постройке судов и ремонте барж у местных капиталистов-судовладельцев, которые с февраля ввели рабочий день продолжительностью 9,5 часа, вместо 9 часов, установленных до этого. Забастовка носила оборонительный характер.

Для руководства забастовкой плотники 9 крупных артелей, работавших в городе, выбрали стачечный комитет. Все плотники города обязались поддерживать бастовавших денежными отчислениями из своего заработка.

Судовладельцы угрожали заменить забастовщиков рабочими-китайцами, пытались сдать все работы подрядчикам, однако, в конце концов, вынуждены были отступить, отказавшись от увеличения рабочего дня. Во время забастовки

стачечный комитет выдавал денежное пособие наиболее нуждающимся.

Стачка, хорошо организованная и закончившаяся победой рабочих, ускорила организацию в Благовещенске «Профессионального союза плотников».

24 февраля 1906 года состоялось собрание делегатов рабочих-плотников. Был принят «Устав профессионального союза плотников», выработанный Амурской группой РСДРП, выбрано первое правление, проведены новые выборы в «Делегатское бюро». Было зарегистрировано 211 членов нового профсоюза. Устав объявлял, что «цель союза — защита профессиональных интересов рабочих плотничьих профессий города Благовещенска». В § 1 сообщалось, что способами защиты интересов плотников является «организация стачек, общих и местных стачечных касс, бойкот вредных для рабочего движения лиц администрации и целых учреждений, организация касс взаимопомощи, образовательных учреждений, столовых, бюро и контор для подыскания работ».

4 марта 1906 года полиция запретила в Благовещенске митинг в память отмены крепостного права. В знак протеста состоялась большая демонстрация, в которой активное участие приняли члены союзов металлистов, плотников, учителей и приказчиков. С речами выступали социал-демократы. Демонстрация была разогнана казаками и полицией.

На следующий день после разгона демонстрации забастовали плотники и маляры, производившие ремонт пароходов «Владимир», «Кондратенко», «Успех», принадлежавших судовладельцу Мальцеву. Под руководством социал-демократов забастовщики организовали «Союз плотников и маляров», объединивший 100 рабочих. Эта забастовка также окончилась победой рабочих,

а «Союз плотников и маляров» слился с «Союзом плотников».

В конце февраля 1906 года началась забастовка рабочих Игнатьевского затона «Амурского общества пароходства и торговли». Забастовка вспыхнула в знак протеста против закрытия в городе мастерских того же общества и увольнения всех работавших в этих мастерских. Увольнение было вызвано тем, что рабочие, недовольные инженером Сазоновым, вывезли его в тачке на берег Амура, надев на его голову мешок из-под угля. Поводом к этому послужило предложение Сазонова оканчивать работу на полчаса позднее.

Забастовщики потребовали открыть городские мастерские, принять на работу всех уволенных, в свою очередь уволить инженера Сазонова. Был выдвинут еще ряд требований экономического характера. Рабочие профсоюзы систематически оказывали бастующим материальную помощь, под руководством социал-демократов организовали сбор пожертвований среди населения. Однако среди отдельных групп забастовщиков не было твердой уверенности, что стачка действительно необходима рабочим. Ранее других вернувшись на работу, они подорвали стойкость и единство бастовавших.

Забастовка, длившаяся три недели, окончилась полной неудачей. Администрация затона не только не удалила Сазонова, но, по указанию последнего, категорически отказала в работе шести «зачинщикам» инцидента. Когда же работа возобновилась, были уволены еще четыре «зачинщика».

После забастовки среди рабочих затона распространялась листовка, напечатанная в подпольной типографии Благовещенского комитета РСДРП, в которой указывалось, что стачка провалилась по причине слабостью организованности самих рабочих. В листовке говорилось: «К со-

жалению, время для забастовки было выбрано крайне неудачно. Ремонт был уже окончен. Бастовали только палубные команды и рабочие мастерских, но машинисты к забастовке не присоединились. Кроме того, многие рулевые и боцманы примкнули к забастовке неискренне и не гнушались помогать администрации в неотложных работах по затону. Товарищи, организуйте профессиональный союз, объединяйтесь!» *).

В августе 1906 года на окраине Благовещенска, около строившихся бараков для местного гарнизона, группа рабочих распространяла среди строителей печатные воззвания: «Манифест к армии и флоту трудовой группы Государственной думы» и «Дума разогнана». Полицией был задержан распространявший листовки водник Г. Довбня, который, собрав вокруг себя рабочих, читал и раздавал им прокламации. При обыске у него было найдено 53 экземпляра «Манифеста к армии и флоту» и 39 экземпляров воззвания «Дума разогнана». В этих воззваниях население призывалось к ниспровержению самодержавия, к восстанию, к неповиновению законам. Воззвания печатались «Амурской группой Сибирского Союза РСДРП» в августе 1906 года **).

6.

Забастовочное движение из Благовещенска перекинулось на золотые прииски.

Бурейский горно-полицейский исправник, например, 10 июня 1906 года телеграфно доносил генерал-губернатору Амурской области:

*) Ам. обл. гос. архив, ф. 18, оп. 1, д. 314, л. 29.

***) Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока, фонд Министерства юстиции, II делопроизводство, 1906 г., дело 21277, л. 2.

«В мае месяце были забастовки русских рабочих на приисках: Ольгинском — 4 дня, Рудно-Никольском — 1 день, Николаевском — 6 дней, возникли главным образом на экономической почве. Вмешательством полиции золотопромышленник удовлетворил некоторые из экономических требований рабочих» *).

В конце декабря 1905 г. революционная волна докатилась до зейских золотых приисков, принадлежавших тогда «Верхне-Амурской золотопромышленной компании и местным капиталистам—И. А. Опарину и А. А. Аккерману. 10 января 1906 г. полицейский исправник округа Захватович в докладе военному губернатору области секретно доносил:

«На золотых приисках Тимптона начались беспорядки. Рабочие (русские, корейцы и китайцы) не подчиняются хозяевам приисков. Рабочие создали свой комитет делегатов, захватили прииски, самовольно занялись разработкой золотых площадей, не подчиняются чинам полиции и дерзко держатся в отношении администрации приисков. Беспорядками охвачены прииски: Скобельцинский, Муравьевский, Албазинский и Лебединый. 13 января состоялось заседание так называемого комитета рабочих делегатов, избравшего президиум комитета» **).

Золотодобывающая промышленность в Зейском горном округе являлась одним из основных занятий населения. В начале XX века здесь насчитывалось 140 золотопромышленных предприятий, 560 приисков с общей арендованной капиталистами площадью 57 396 десятин. К 1905 году в золотодобывающей промышленности округа было занято уже свыше 15 тысяч рабочих, в

*) Там же, ф. 702, оп. 4, д. 606, л. 249.

***) Ам. обл. гос. архив, ф. 18, оп. 1, д. 199, л. 4 и сл.

том числе много китайцев и корейцев.

Условия жизни рабочих были крайне тяжелыми. Русские рабочие жили в казармах, до 300 человек под одной крышей, спали на полу. Китайцы и корейцы размещались золотопромышленниками отдельно от русских рабочих, жили в полутемных фанзах, холодных и грязных, которые рабочие строили своими силами.

Продукты питания золотопромышленники завозили из Благовещенска и продавали их рабочим по спекулятивным ценам.

Никакой охраны труда на приисках не было. Медицинская помощь почти отсутствовала. В 1905 году в округе были всего 1 врач, 8 фельдшеров и ни одной акушерки, 1 больница и 5 «приемных покоев» с 52 койками. Среди рабочего населения были широко распространены различные болезни. Смертность среди китайских и корейских рабочих была настолько высокой, что, как писал в отчете окружной врач, «многие фанзы, где ютилось по 15—20 жильцов, оказывались к концу рабочего сезона выморочными».

Дело народного образования было отдано на откуп владельцам приисков, которые во всем округе содержали лишь две начальных школы, где 2 учителя обучали 20 мальчиков и 17 девочек.

Революционное движение на тяжелых приисках было стихийным, не направлялось социал-демократами. Это поставило поднявшихся на борьбу приисковых рабочих Зейского горного округа в исключительно неблагоприятные условия. Комитет рабочих делегатов Тимптонской системы приисков проявил нерешительность, а революционное движение на приисках не получило широкой поддержки рабочих и крестьян Амурской области и оказалось блокированным царскими войсками и полицией.

Отвергнув предлагавшиеся золотопромышленниками условия соглашения, комитет рабочих делегатов решил изгнать приисковую администрацию и горно-полицейскую стражу, взять прииски и оборудование в общее пользование, добывать золото артелями, для чего разделить между артелями инструмент, транспорт, лошадей и запасы продовольствия.

Комитет дважды посылал своих представителей в Зею и Благовещенск, чтобы связаться с революционным пролетариатом области, но посланные были арестованы на тяжелых дорогах полицией и патрулями казаков.

Еще в конце февраля 1905 года зейские золотопромышленники, напуганные начавшейся в России революцией, просили военного губернатора прислать на прииски войсковые части для борьбы с нараставшим революционным движением. В начале 1906 года они снова настойчиво требовали послать на прииски отряды войск.

Военный губернатор удовлетворил просьбу капиталистов. В Зейский горный округ «для восстановления порядка» был послан специальный отряд хорунжего Чарыкова, усилена полиция округа. На постоянные квартиры в г. Зею была переведена рота 37-го Сибирского стрелкового полка. В конце января 1906 года солдаты Чарыкова в количестве 200 человек прибыли на прииски Тимптона и расположились в конторе Скобельцинского прииска.

Полицейский исправник Захватович после прибытия на прииски отряда Чарыкова обратился к рабочим с «воззванием», в котором писал: «В настоящее время, когда по просьбе золотопромышленников значительный военный отряд уже находится на Тимптоне, а другой отряд прибудет туда на днях, когда военный губернатор бесповоротно решил прекратить беспорядки, самоуправство и хищничество толпы са-

мыми решительными мерами, не останавливаясь перед новой присылкой войск и употреблением оружия, я вновь и в последний раз обращаюсь ко всем беззаконникам вообще в Зейском округе, а в частности, на Тимптоне, и требую немедленно ухода их с золотоносных площадей, возврата владельцам незаконно захваченного имущества и исполнения всех законных требований местной полиции и командира военного отряда.

Теперь время еще есть для того, чтобы одуматься, но его уже немного... Против вас мне приказано употребить оружие, а затем привлечь виновных к уголовной ответственности.

Считаю своим долгом напомнить вам, что государь-император, принимая недавно депутацию крестьян, подтвердил ей твердую решимость правительства всячески ограждать частную собственность промышленников и землевладельцев от всяких на нее посягательств» *).

Полицейский урядник 10 участка Семакин вызвал представителей комитета рабочих делегатов Тимптона и объявил им это «воззвание» под расписку, текст которой гласил: «Настоящая телефонода старожилам-рабочим площади приисков Тимптона объявлена 28 января 1906 года. Делегат рабочих, промывальщик Григорий Шашанский».

Комитет оставил без внимания «воззвание» Захватовича и всеми способами стремился связаться с рабочими Зей и Благовещенска. Восставшие единодушно высказывались за борьбу против хозяев «до полной победы рабочего дела».

Разработка артелями золотоносных площадей продолжалась нормально. Горно-полицейская стража была напугана революционным движением и занималась сбором сведе-

ний о действиях и поведении восставших, не принимая репрессивных мер. Солдаты отряда хорунжего Чарыкова, расквартированные в конторе прииска, свободно посещали дома и бараки рабочих.

Золотопромышленники, чтобы побудить полицию и администрацию к скорейшей расправе над восставшими, прекратили платежи налогов в казну, заявив, что, поскольку они золото не добывают, налоги вносить не в состоянии. Не имея надежд на скорое подавление восстания, они в феврале 1906 года через инженера округа объявили рабочим о том, что соглашаются «ввести страхование рабочих за счет приисковых управлений, бесплатно лечить потерпевших от несчастных случаев, выдавать за время болезни и лечения пособие в размере половины действительного заработка пострадавших, а в случае утраты трудоспособности выдавать пенсии» *).

Несмотря на эти обещания, рабочие не сдавались, стойко и дружно давали отпор попыткам расколоть свои ряды. Полицейский урядник 10 участка Семакин в одном из своих доносов исправнику Захватовичу сообщает, что среди восставших большую роль играли политические ссыльные из Центральной России.

Комитет рабочих делегатов пытался напечатать в г. Зее свои воззвания с призывом к рабочим области поддержать восставших. Представители комитета, посланные с этой целью, с трудом добрались до Зей, где еще в 1900 году была открыта типография. Но и эта попытка восставших не удалась, так как работавшие в типографии три наборщика, переведенные в Зею из Благовещенска, как «нежелательный элемент», забастовали еще в декабре 1905 года и покинули типографию.

К концу февраля 1906 года ре-

*) Ам. обл. гос. архив, ф. 18, -оп. 1, д. 199.

*) Там же, д. 203, л. 166.

акция, учитывая слабость революционного движения на приисках, перешла от обороны к наступлению. Отряду хорунжего Чарыкова было приказано действовать энергично и в краткий срок разгромить комитет рабочих делегатов, произвести массовые аресты рабочих вожаков, вернуть прииски и захваченное имущество капиталистам. Были составлены списки руководителей рабочих, копии которых Захватович вручил чинам полиции и хорунжему Чарыкову. На прииски прибыли дополнительные полицейские силы. 20 февраля 1906 года Захватович передал на прииски Тимптона директиву военного губернатора: «С комитетом рабочих делегатов — не разговаривать, дабы не давать и намека на его какое бы то ни было законное представительство интересов рабочих. При удобном случае — комитет рабочих и отдельных вожаков арестовать».

Однако директива, несмотря на настойчивые напоминания, на приисках не выполнялась. Объяснение этому дается в донесении урядника Семакина от 25 февраля 1906 года: «Некоторые из военного отряда хорунжего Чарыкова, прибывшего на прииски для восстановления порядка, сами проявляют доброжелательное отношение к восставшим, бывают у них на дому... ведут разговоры против власти. На днях при загадочных обстоятельствах найден убитым прапорщик отряда Катаев, в смерти его подозреваются фельдфебель Кузнецов и солдат Баландин, наиболее часто посещающие дома бунтующих рабочих».

Зейское горно-полицейское управление потребовало от Семакина «произвести самое тщательное негласное дознание о состоянии и настроениях военного отряда хорунжего Чарыкова и, в случае необходимости, произвести среди солдат аресты». Из дальнейшей переписки видно, что фельдфебель Кузнецов и

солдат Баландин были, как социал-демократы, откомандированы в Благовещенск, заключены в тюрьму, а позднее по этапу направлены в распоряжение известного палача народа в Забайкалье — генерала Ренненкампа.

23 февраля 1906 года все солдаты отряда Чарыкова, кроме двух фельдфебелей и двух солдат, не вышли на занятия. Солдаты Ключков и Хабидуллин при этом заявили, что на занятия никто выходить не желает и что все солдаты требуют возвращения в Благовещенск, где старшие возрасты надлежит уволить по домам. Вечером того же числа в отряде солдаты избили ефрейтора Василия Таскина за то, что он задержал двух рабочих-старателей. Солдаты освободили задержанных рабочих.

25 февраля 1906 года на прииски прибыли новые наряды полиции и отряд солдат в количестве более 200 человек под командой поручика Соловьева. Прибывшие получили приказ — «разогнать рабочих с приисков, а комитет рабочих делегатов арестовать. Одновременно начать проверку паспортов у китайских и корейских рабочих и всех, у кого таковые просрочены, этапом направить в Благовещенск».

Наступил решающий момент восстания, когда особенно сказалось отсутствие руководства со стороны социал-демократии. Оторванность от других рабочих области, спад революционной волны в России, насилия и террор царских войск и полиции, недостаток продовольствия — все это способствовало быстрому отливу восставших рабочих с приисков. По призыву комитета рабочих делегатов рабочие массами начали уходить с приисков, заполнив все таежные тропы, а иногда прокладывая себе дорогу по нетронутой тайге. К 10 марта 1906 года, по данным полиции, на всех четырех приисках Тимптонской системы

осталось всего 68 русских и 135 корейских рабочих. Остальные (до 7 тысяч человек) покинули прииски, ушли в тайгу, на другие прииски области, а частью с большими лишениями вышли в Зею и Благовещенск. По дорогам рабочих вылавливали казаки. Золотопромышленники, обеспокоенные массовым уходом рабочих с приисков, организовали в Зее «встречные делегации горожан» для того, чтобы уговорить ушедших вернуться обратно на прииски.

13 марта 1906 года на Зее-Пристани произошли кровавые столкновения между приисковыми рабочими Тимптона и казаками.

6 мая 1906 года буржуазная газета «Даль» сообщала, что «с прибытием воинских команд в район Зейских золотых приисков порядок восстанавливается».

Полиция объявила розыск членов комитета рабочих делегатов: Михаила Комарова, Ивана Киселева, китайца Ли Фа-цай, стражника Увалента Долинина, Ивана Опенкина, Павла Воронихина, «беглого политического арестанта» Иннокентия Васильевича Полуэктова (он же Яков Кушев), Павла Чибисова, Петра Рязимова, Дормидонта Токарева, Игнатия Мельникова, Константина Кондрашина, Трофима Мамаева, Ефима Филишова и ссыльно-поселенца из города Енисейска Александра Панкова. И. В. Полуэктков был социал-демократом.

Для окончательного «успокоения» рабочих на прииски из Благовещенска было доставлено 20 печатных экземпляров «Манифеста 17 октября», о содержании которого военный губернатор приказал широко оповестить рабочих.

«Манифест 17 октября» был обманом народных масс, царской уловкой, своего рода передышкой, необходимой царю для того, чтобы усыпить лежковерных, выиграть время,

собраться с силами и потом ударить по революции» *).

Комитет рабочих делегатов на золотых приисках Тимптона в 1906 году возник стихийно. В таежных приисковых районах Приамурья не было тогда социал-демократических организаций. Поэтому восстание потерпело неудачу. Разгон революционных рабочих золотых приисков показал трудящимся Приамурья, что царская власть является заклятым врагом народа, а буржуазия области — контрреволюционная сила, которая всемерно поддерживает самодержавие.

7.

Потопив в крови восстание пролетариата в Москве, царизм перешел в наступление против революции по всей стране. Свирепствовали карательные экспедиции, военные и военно-полевые суды выносили рабочим-революционерам смертные приговоры.

Еще 3 февраля 1906 года министр внутренних дел П. Дурново, обвиняя военного генерал-губернатора Приамурья Путятю в либеральном отношении к революционерам, телеграфировал в Благовещенск: «...Имеющуюся у вас пехоту и казаков следует употребить в дело, поставив себе только одну цель — раздавить революцию. Очевидно, всякие митинги, собрания и революционные газеты должны быть запрещены. Арестовать все комитеты, не щадя чиновников, если в их среде часть мятежников. Только такими распоряжениями сохраняется порядок и служба его величества» **).

25 ноября 1906 года в Благовещенске произошло вооруженное

*) «История ВКП(б). Краткий курс». Госполитиздат, 1951 г., стр. 74.

***) Центр. гос. архив РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 511, л. 85.

столкновение рабочих министерского затона с отрядом казаков и полиции, производившим обыски и аресты. Рабочие открыли по казакам и полиции стрельбу, отбили группу арестованных товарищей, кроме тех рабочих, которых через два дня военно-полевой суд приговорил к смертной казни. Трудящиеся города выразили решительный протест против предполагавшейся расправы. Профсоюзы металлистов, плотников, учителей, руководимые социал-демократами, угрожали объявить забастовку. Городской голова Прищепенко вынужден был отправить телеграмму в Петербург, и в конце концов приговоренные к смертной казни рабочие были освобождены из-под стражи.

Наступила полоса черной реакции.

В Амурской области возникли союзы фабрикантов, золотопромышленников, пароходовладельцев, рыбопромышленников, мукомолов и пр. Они составляли черные списки «неблагонадежных рабочих», и попавшие в эти списки уже нигде не могли получить работы. Повсеместно проводилось снижение заработной платы и увеличение рабочего дня, при ухудшении условий труда и быта рабочих.

Наступление реакции после революционных событий 1906 — 1907 гг. в Амурской области ознаменовалось также появлением «отделов» погромной черносотенной организации — «Союза русского народа».

В 1908 году черносотенец Александров в с. Аркадие-Семеновском открыл «первый отдел» этого бандитского союза в Приамурье. Черносотенцы просили губернатора внести их организацию в список «обществ» Амурской области, разрешить устройство собраний, бесед, чтений, распространение монархической литературы, помощь властям в борьбе с революционным движением.

В 1909 году организовался «второй отдел» «Союза русского народа» в Благовещенске, главными организаторами которого были пошты. Наконец, в 1915 году организовался «третий отдел» черносотенной банды в с. Путятино, Селемджинской волости, учредителями которого были кулаки *).

Все три «отдела» черносотенной организации были зарегистрированы у петербургского градоначальника, считались «законно открытыми», получали из центра печати и штампы, пользовались поддержкой правительства и проводили погромно-полицейскую работу как в городе, так и в селах, на водном и железнодорожном транспорте, заводах, фабриках и приисках Приамурья.

Министерство внутренних дел после подавления революционных событий 1906 года на Тимонских приисках организовало в г. Зее для борьбы с революционными рабочими приисков дополнительно «особую агентуру».

Военный генерал-губернатор области Путята, напуганный революционными событиями в Благовещенске, еще в начале 1906 года просил министерство внутренних дел открыть в Амурской области отделение «Отдельного корпуса жандармов». До этого в Благовещенске числилось 8 полицейских офицеров и 25 городовых. В 1906 году в области было введено «штатное» жандармское отделение и секретные квартиры розыскного жандармского пункта **).

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» об этом времени говорится: «Годы столыпинской реакции особенно отличались разбойничьими набегами жандармов и полицейских,

*) Ам. обл. гос. архив, ф. 18, оп. 1, дополнительная, д. 16, лл. 3, 9, 24, 58.

***) Центр. гос. архив РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 4, д. 538, лл. 2—8 и 95.

царских провокаторов и черносотенных громил на рабочий класс» *).

8.

«Поражение революции 1905 года породило распад и разложение в среде попутчиков революции. Особенно усилились разложение и упадничество в среде интеллигенции. Попутчики, пришедшие в ряды революции из буржуазной среды в период бурного подъема революции, отошли от партии в дни реакции» **).

Меньшевиствующие интеллигенты из Амурского комитета РСДРП, не веря в возможность нового подъема революции, уже в 1906 году отказались от революционной нелегальной работы. Именно такую ликвидаторскую позицию заняли Дацковы, Зеленский, Бухаревич, Мокин и другие.

И. Мокин дошел до того, что призывал рабочих Благовещенска посещать молельню и слушать проповеди начетчиков молоканской общины.

Рабочим-большевикам, вступившим в РСДРП в годы революции 1905 года, было, разумеется, не по пути с такими «социал-демократами». Они стремились сохранить и укрепить в городе нелегальную партийную организацию. Эти рабочие, хотя и с опозданием, были осведомлены о вооруженном восстании читинских рабочих в 1905 году и о разгроме этого восстания царскими генералами-палачами Ренненкампом и Меллером-Закомельским. В Благовещенск прибывали читинские рабочие-большевики, участники восстания, которых Читинский комитет большевистской организации отправлял из Читы в Харбин, Владиво-

сток, Благовещенск, Нерчинск, Сретенск и другие города.

В августе 1906 года в Благовещенск из Харбина нелегально приехали участники читинского вооруженного восстания — большевики Ф. Н. Мухин, Н. А. Волкодав, И. Воронов и другие. Несколько раньше сюда же прибыли из Читы большевики Несметов, Нестеров, Пяткин и другие. Это были испытанные в боях против самодержавия и буржуазии, сражавшиеся в 1905 году на баррикадах в Забайкалье, рабочие-большевики. Все они еще до приезда в Благовещенск прошли большую революционную школу под руководством таких опытных революционеров-большевиков, как И. В. Бабушкин, А. А. Костюшко-Валюжанич, В. К. Курнатовский, принимавшие участие в вооруженном восстании в Чите.

Ф. Н. Мухин приехал в Благовещенск уже вполне убежденным большевиком, имевшим большой и разносторонний опыт революционной работы в Забайкалье (Петровский завод, Чита, железнодорожная станция Борзя).

Он возглавлял большевистскую организацию на станции Маньчжурия, насчитывавшую около 30 членов. В 1905 году эта организация создала свои кружки среди рабочих и деятельно снабжала прокламациями Читинского комитета большевиков солдат, проезжавших через станцию на фронт и в Россию. Доктор исторических наук М. К. Ветошкин, бывший член Читинского комитета большевиков, руководитель партийной организации в Харбине в 1905—1906 гг., об этом периоде работы Ф. Н. Мухина пишет: «В середине 1905 года группа маньчжурских большевиков пользовалась среди рабочих настолько большим влиянием, что могла устраивать летучие митинги прямо в депо. Из числа местных рабочих руководящим работником группы был Федор

*) «История ВКП(б). Краткий курс». Госполитиздат, 1951 г. стр. 96.

**) Там же.

Мухин, член бюро группы, выдающийся большевик, организатор и пропагандист...» *).

Рабочие железнодорожной станции Маньчжурия в 1905 году избрали Ф. Н. Мухина первым выборным начальником депо этой станции **).

Налет генерала Ренненкампа на маньчжурскую группу РСДРП в январе 1906 года сильно ее обескровил. Арестованный генералом-палачом член Читинского комитета большевиков А. И. Попов был расстрелян на ст. Маньчжурия, а большевик-солдат железнодорожного батальона Сергей Корякин осужден на каторгу. Остальные активные работники группы — Ф. Н. Мухин, Н. А. Волкодав, И. Воронов и другие вынуждены были бежать и скрываться.

Н. А. Волкодав рассказывал в своих воспоминаниях:

«В Харбин из Маньчжурии поехали: Ф. Н. Мухин, Н. А. Волкодав, К. Кузнецов, И. Воронов и другие. В Благовещенск уехали: Несметов, Нестеров и другие. Приехав в Харбин, указанные выше товарищи поступили в главные железнодорожные мастерские. В марте 1906 года социал-демократами было устроено объединенное нелегальное собрание с харбинскими рабочими в мастерских электростанции. Вскоре все мы были раскрыты харбинской полицией. Тогда мы выехали в г. Благовещенск» ***).

В октябре 1906 года в Благовещенске среди рабочих-металлистов министерского затона (ныне завод

*) М. К. Ветошкин. «Забайкальские большевики и читинское вооруженное восстание 1905—1906 гг.». Читинское областное издательство, 1949 г.

***) Центр. гос. архив РСФСР ДВ, ф. 780, оп. 3, д. 112, л. 144.

***) Хабаровский краевой государственный архив, фонд 10, д. 322, связка 21.

имени Ленина) организовался подпольный кружок, которым руководил Ф. Н. Мухин, проживавший тогда по паспортам «Александра Яковлева», а позднее «Александра Чижикова». Кружок собирался на углу Иркутской и Станичной улиц, на квартире «сторожа начальной школы» — большевика Н. А. Волкодава. В кружке было около 30 человек, а затем и более *).

В сентябре 1907 года на собрании кружка по докладу Ф. Н. Мухина «Об итогах революции 1905—1907 гг.» произошло размежевание кружковцев на большевиков и меньшевиков. А. В. Дацкова, Н. Зеленский, И. Мокин, Бухаревич и несколько других меньшевиков покинули собрание. Они высказались за прекращение нелегальной революционной работы и вскоре занялись «мирным обычным трудом»: И. Мокин приобрел газету и типографию, Н. Зеленский работал учителем в начальной школе, а потом в женской гимназии, А. В. Дацкова выехала из города, Бухаревич «трудился» в духовном училище и семинарии.

Комитет РСДРП, существовавший в городе с октября 1905 года, развалился. Оставшиеся на собрании кружковцы в количестве более 35 человек присоединились к большевистской оценке итогов революции 1905—1907 годов, данной в докладе Ф. Н. Мухина, и избрали бюро кружка в составе трех человек во главе с Ф. Н. Мухиным. Это бюро вскоре стало именоваться Благовещенским комитетом РСДРП **).

К большевикам Благовещенска — группе Ф. Н. Мухина — решительно присоединился приехавший в сентябре 1907 года в город член Читинского комитета большевиков

*) Центр. гос. архив РСФСР ДВ, ф. 224, оп. 1, д. 14-б, лл. 61—63.

***) Там же, ф. 224, оп. 1, д. 14, л. 89.

Моисей Губельман, в июле 1907 года арестованный по делу Верхнеудинской военной организации большевиков, бежавший из Верхнеудинской тюрьмы и нелегально перебросенный Читинским комитетом партии большевиков в Благовещенск. М. Губельман проживал в Благовещенске до лета 1909 года по паспорту на имя Хоменко Владимира Андреевича и официально работал обер-кассиром в «Компании швейных машин Зингера». Он состоял членом Благовещенского комитета РСДРП (большевиков) и был отозван партией для работы во Владивостоке.

В 1907—1909 гг. в Благовещенском комитете РСДРП (большевиков) работал большевик Василий Чаплинский, член Читинского комитета большевиков, также отозванный партией в 1910 году из Благовещенска во Владивосток *).

Меньшевицствующие интеллигенты пытались создать неверное, политически вредное, мнение, что до 1917 года в Приамурье большевистской партийной организации якобы не было. Документы, хранящиеся в Амурском областном государственном архиве, партийном архиве Амурского обкома ВКП(б), Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока, воспоминания старых большевиков — участников большевистского подполья в Благовещенске, разнообразный фактический материал — все это убедительно доказывает, что большевистская партийная организация в городе Благовещенске была основана в 1907 году группой рабочих-большевиков, руководимых Ф. Н. Мухиным.

*) В 1920—1921 гг. В. Чаплинский заведовал организационным отделом Амурского обкома ВКП(б). (Партийный архив Амурского областного комитета ВКП(б), фонд 1, д. «Протоколы обкома ВКП(б)», 1920 г., л. 39).

Архивные документы, относящиеся к революционному подполью Благовещенска до 1917 года, убедительно опровергают также мнение о Федоре Никаноровиче Мухине как о «талантливом самородке-революционере», незнакомом с основными принципами программы партии Ленина—Сталина. В действительности Ф. Н. Мухин, талантливый русский рабочий-большевик, хорошо знал организационные принципы большевизма, мастерски владел методами большевистской агитации и пропаганды. Именно этим объяснялась его исключительная популярность и авторитет среди трудящихся Приамурья еще до октября 1917 года, а особенно в годы пролетарской революции и гражданской войны.

Местные эсеры и меньшевики всячески старались исказить светлый образ рабочего-большевика Ф. Н. Мухина, рисуя его также «шадифистом», сторонником тезиса — «меньше крови», якобы одинаково жалевшего и местных контрреволюционеров и зверски расстрелянных в 1918 году интервентами 16 комиссаров Амурского Областного Совнаркома. Архивные материалы лишают всяких оснований эту вредную версию. Мужественный революционер, преданный партии Ленина—Сталина, пламенный трибун — Федор Никанорович Мухин умел по-большевистски ненавидеть классовых врагов и беспощадно бороться с ними. Он был авторитетным руководителем подпольной организации большевиков Приамурья с 1907 по 9 марта 1919 года — день своей смерти от руки белобандитов, наемников американо-японских империалистов. Во время собраний и дискуссий с эсерами и меньшевиками Ф. Н. Мухин был той «тяжелой артиллерией», которую не выдерживали враги трудящихся, так как «он захватывал рабочую массу своими речами полностью»

(как признавал даже меньшевик И. Мокин).

С 1907 по 1909 год подпольный кружок Ф. Н. Мухина проводил большую работу среди членов профсоюза металлистов, открыл «воскресную школу», помещавшуюся в Благовещенске, на углу Бурхановской и Зейской улиц. В 1907 году для рабочих-водников была организована «Ольгинская воскресная школа». Учителя для воскресных школ подыскивались комитетом РСДРП и кружком подпольщиков министерского затона. В школах читались лекции на революционные темы.

По данным полиции, там, например, весной 1908 года были прочитаны лекции: «Парижская Коммуна», «Помещики России» и другие. На лекциях присутствовали, главным образом, члены «Союза металлистов». Кружок распространял нелегальную литературу среди рабочих затона, мельниц Тетюкова и Алексеева, типографии, водников *).

В 1907 году Благовещенский комитет РСДРП (большевиков) выпустил брошюру для подпольных кружков под названием «Вопросник к «Эрфуртской программе» и «Капиталу» К. Маркса», тиражом 75 экземпляров (на шаширографе), размером в 20 страниц. На обложке брошюры — «Российская социал-демократическая рабочая партия» и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Издатель — Амурский комитет РСДРП **).

Царские судебные чиновники констатируют, что в течение 1907 года несколько раз были обнаружены листовки, распрост-

ранявшиеся Благовещенским комитетом РСДРП*).

По данным ротмистра отдельного корпуса жандармов Перкова большевики Приамурья имели в 1907 году разветвленную военную боевую организацию: в 21 Восточно-Сибирском стрелковом полку — 21 человека, в 22 Восточно-Сибирском стрелковом полку — 35 человек, в Нерчинском казачьем полку — 7 человек. Во главе организации стояли члены РСДРП писарь Кавецкий и унтер-офицер Карпенко. Организация была раскрыта полицейскими агентами, и ее руководители оба в 1907 году были казнены по решению военно-полевого суда, приговорившего, кроме того, 14 солдат к тюремному заключению и каторжным работам от 3 до 6 лет **).

В конце 1908 года Благовещенский комитет большевиков решил созвать областную конференцию партийных организаций в станице Поярково (на р. Амуре). Оповещать об этом партийные организации Приамурья ездил Ф. Н. Мухин («Александр Чижиков») и уполномоченный военной организации большевик Артюшин. Об этой работе Ф. Н. Мухина ротмистр отдельного корпуса жандармов Перков 24 июля 1908 года секретно сообщал в Никольск-Уссурийск: «Принадлежащий к Благовещенской с.-д. организации Александр Чижиков, взяв в полиции 2-го сего июля паспорт, выехал в Никольск-Уссурийск» ***).

Провал военной организации и полицейские преследования заставили большевиков отказаться от созыва областной социал-демократической конференции. Зато была нача-

*) Ам. обл. гос. архив, ф. 18, оп. 1, дело типографии «Торгового дома Чуриной и К°», 1909 г., л. 21.

***) Там же, ф. «Областной Совет рабочих и солдатских депутатов», д. «Протоколы, приказы, листовки», 1907 г., лл. 1—15.

*) «Обзор революционного движения в округе Благовещенского Окружного Суда», стр. 60.

***) Центр. гос. архив РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 490, лл. 243—244.

***) Там же, ф. 224, оп. 1, л. 93.

та работа по подготовке к созыву конференции всех социал-демократических организаций Сибири и Дальнего Востока.

Эта конференция состоялась в г. Троицкосавске, Забайкальской области, 2 сентября 1910 года. На ней было решено организовать Сибирский Союз РСДРП из представителей 4 областей; хорошо поставить конспиративную технику, причем просить ЦК прислать работника, которому будет дан хороший паспорт и обеспечено устойчивое легальное положение; предложить ЦК взять на себя инициативу создания печатного органа организации — «Сибирской газеты», т. е. выработать ее программу и присылать руководящие статьи. Был разрешен также ряд организационных вопросов.

На конференции в Троицкосавске присутствовало 13 делегатов, из них один (или два — архивные данные не точны) от Благовещенского комитета РСДРП *).

Таким образом, социал-демократическая организация Благовещенска была тесно связана с организациями Сибири и Дальнего Востока. (Царский прокурор Благовещенска писал: «Расследованием, произведенным в г. Николаевске, Приморской области, было установлено сношение местного Николаевского кружка социал-демократов с Благовещенским комитетом, посылавшим свои издания на пароходах, совершавших рейсы между названными городами **).

В 1909—1911 годах в состав Благовещенского городского комитета РСДРП входили большевики — Ф. Н. Мухин, М. Губельман, З. Нестеров, Н. А. Волкодав, Ф. Сюткин, Матюрина и И. Ефимов (матрос-большевик, бежавший с «Цесаревича» *).

*) Там же, ф. 108, оп. 2, д. 1, л. 140 и сл.

***) «Обзор революционного движения в округе Благовещенского Окружного Суда», стр. 60.

ча» *), работавший в министерском затоне и 31 декабря 1915 года скрывшийся, будучи предупрежден о предстоявшем аресте). Эта группа большевиков опиралась в своей работе на металлистов, водников, а также на железнодорожников строящейся Амурской железной дороги, где в 1910 году образовалась социал-демократическая организация, во главе которой с 1915 года встал большевик В. Шимановский.

Это были чрезвычайно тяжелые для партии годы. По словам И. В. Сталина, «...Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Не только меньшевики, но и большевики представляли тогда целый ряд фракций и течений, большей частью оторванных от рабочего движения. Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную столичныйскую партию» **).

Немногие рабочие кружки, существовавшие в Приамурье, почти все были разгромлены реакцией, а сохранившимся пришлось уйти в глубокое подполье. Руководители подпольных кружков — большевики часто вынуждены были менять местожительство, документы, их неоднократно арестовывали и высылали. Рабочие профсоюзы почти повсеместно были разгромлены, а их руководители, не успевшие скрыться, — арестованы, осуждены и сосланы. Через Благовещенскую областную тюрьму с 1905 по 1910 гг., по не-

*) На «Цесаревиче», одном из кораблей Тихоокеанского флота, в 1907 году вспыхнуло восстание матросов, которое было подавлено. Активные участники восстания бежали и нелегально проживали в городах Дальнего Востока.

***) И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 58.

полным данным, проследовало на о. Сахалин более 1 550 революционеров, осужденных на каторгу и в ссылку, из них 185 человек, осужденных местным областным судом и военно-полевыми судами*).

Однако революционное движение трудящихся Приамурья не было подавлено царизмом, а большевистская организация не прекратила своей работы.

Большевики Приамурья большое внимание уделяли в это время организации рабочих маевек, как демонстраций сплоченности и силы пролетариата.

Впервые в Благовещенске Первое мая было отмечено в 1904 году. В 1907 году большевистская организация отпечатала первомайскую листовку с призывом к рабочим протестовать против расстрелов революционеров в центре России. Подпольный кружок затона — водники отравили 100 экземпляров этой листовки и около двух пудов типографского шрифта для рабочего кружка в г. Зею-Пристань.

Царский прокурор так описывал Первое мая 1907 года: «В Благовещенске 1-го мая 1907 года около двух часов дня собралась толпа в несколько сот человек, преимущественно рабочих, и устроила шествие по Амурской улице с красным флагом и пением революционных песен «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и др. Во время шествия распространялась прокламация местного социал-демократического комитета «Ко всем рабочим г. Благовещенска». По требованию полицмейстера, выехавшего в сопровождении казаков и пригрозившего вызовом большой военной силы, демонстрация была прекращена**).

*) Центр. гос. архив РСФСР ДВ, ф. Министерства Юстиции, II делопроизводство, 1910, д. 21277, л. 2.

***) «Обзор революционного движения в округе Благовещенского Окружного Суда», стр. 50.

В 1908 году в городе состоялась маевка на «Большом базаре», в 1909 году — за городской бойней, в Медвежьем лоту и на кладбище, где ораторы-большевики требовали освобождения «зейских смертников» (участников восстания на Тимптонских приисках, приговоренных к расстрелу). В 1910 году маевка состоялась на берегу Амура.

9.

В 1912 году, как и повсюду в России, в Приамурье начался новый подъем революционного движения.

Начало 1912 года в Благовещенске ознаменовалось забастовкой печатников. Еще 5 апреля 1907 года под руководством социал-демократов в городе нелегально образовался «Благовещенский союз тружеников печатного дела», в котором состояло более 30 человек. Профсоюз в апреле 1907 года выпустил листовку, в которой говорилось: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих... Вам, труженикам печатного дела, как ближе всех стоящим к печатному слову — главному двигателю прогресса — следует быть впереди всех, а не тянуться в хвосте освободительного движения. Поэтому мы предлагаем всем нашим товарищам по профессии присоединиться к существующему союзу и помнить: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» *).

В апреле 1910 года состоялись перевыборы правления этого союза. Новое правление подвергло критике старые легальные формы борьбы и наметило тактику нелегальной работы, постановило вести агитацию за созыв Дальневосточного съезда, который бы объединил все профсоюзы

*) Ам. обл. гос. архив, ф. 18, оп. 1, д. типографии «Торгового дома Чурин и К°», 1909 г., л. 20.

типографских рабочих Дальнего Востока*).

12 января 1912 года в типографии «Благовещенск», принадлежавшей фирме «Торговый дом Чурин и К^о» вспыхнула забастовка печатников. По воспоминаниям участника забастовки тов. Вшивцева**), ход забастовки рисуется в следующем виде:

«Рабочий Ф. Семикин бросил мокрую бумагу в наборщика Осинцева, которого печатники считали секретным осведомителем администрации. Осинцев пошел в контору и заявил, что ему совершенно нет возможности работать и как на главного виновника указал на Ф. Семикина. Администрация типографии, вызвав в контору Семикина, заявила ему расчет.

Рабочие возмутились поступком Осинцева и администрации и, в свою очередь, устроили летучее собрание, на котором было решено требовать восстановления на работе Семикина и увольнения Осинцева. Тут же был поднят вопрос об увеличении жалования. Избрали комиссию в числе трех человек, которой совместно с правлением Союза поручили вести переговоры с администрацией по требованиям, выставленным рабочими. Администрация, конечно, во всем отказала. Рабочие бросили работу, — только человек 20 не поддержали общего решения. (Всего рабочих в типографии было около 150 человек).

Работа в типографии производилась в три смены, ввиду большого заказа Амурской железной дороги. Через три дня после начала забастовки администрация объявила ра-

бочим, что, если они не выйдут на работу 17-го января, то будут уволены. Одновременно администрация составила список рабочих, бастующих якобы по принуждению. В этот список попал и я. В 12 часов ночи 16 января меня арестовали и привели в первый полицейский участок, где я встретился с А. Петровым, Соловьевым, Г. Черепановым и еще с несколькими рабочими. Нам стали допрашивать по одному, спрашивали: «Почему вы прекратили работу, какие ваши требования?». В заключение пристав сказал: «Нам даны сведения, что вас насильно заставили бросить работу». Затем меня спросили, выйду ли я завтра на работу. Я ответил, что не выйду, пока не будут удовлетворены наши требования. Из всех вызванных в полицейский участок на работу вышел 17 января только один Г. Черепанов.

Забастовка продолжалась до 18 февраля. Администрация пыталась вызвать группу наборщиков из Хабаровска, но наш профсоюз предупредил этих рабочих о том, чтобы они не выезжали, так как будут считаться штрейкбрехерами, предателями рабочего дела. Администрация, убедившись, что из ближайших городов наборщиков привезти в Благовещенск не удастся, выписала из Москвы 16 человек, а полиция произвела аресты забастовщиков; было арестовано правление Союза и члены комиссии по переговорам с администрацией типографии. Арестованных полиция водворила в Благовещенскую тюрьму, где продержала 45 суток».

Вскоре после ареста правления Союза печатников бойкот с типографии был снят общим собранием рабочих и некоторым из них удалось поступить снова на работу. Хотя забастовка была фактически проиграна, но администрация, науганная храбростью рабочих, пошла на уступки: жалование было увеличено,

*) Центр. гос. архив РСФСР ДВ, ф. 224, оп. 1, д. 42, л. 69.

**) Воспоминания т. Вшивцева, ныне линотиписта типографии газеты «Сталинское знамя» в г. Куйбышевке-Восточной, по просьбе автора статьи были записаны т. Цируликом.

а через несколько месяцев был уволен столь ненавистный рабочим Осинцев.

По окончании забастовки власти стали преследовать «Союз печатников». Перед началом общих собраний, устраивавшихся профсоюзом с разрешения полицмейстера, при входе в помещение появлялись городские, которые предлагали рабочим разойтись, не указывая причин. В декабре 1912 года на общее собрание «Союза» явились полицейские, разогнали собрание и всех присутствующих направили для допроса в 4-й полицейский участок, обвинив их в созыве неразрешенного собрания. В январе 1913 года снова были арестованы полицией члены правления «Союза». Аресту подлежали также Ф. Семикин, Бурмистров, Шипков и Вшивцев. Но Бурмистров скрылся, Шипков был призван на военную службу, и арестовали только Ф. Семикина и Вшивцева. Оставшиеся на свободе члены правления принимали меры к выяснению причин ареста, но вскоре тоже оказались в тюрьме, где всех арестованных печатников продержали два месяца, после чего объявили о высылке из пределов Амурского генерал-губернаторства до тех пор, пока в области не будет снято военное положение.

Об этом газета «Правда» в № 68 (272) от 22 марта (4 апреля) 1913 года писала: «Благовещенск. Аресты печатников. В квартиру, где было назначено заседание правления Благовещенского профессионального общества рабочих-печатников, 17 февраля явилась полиция и арестовала председателя общества И. Петрова. Кроме того, арестованы в разное время также секретарь правления общества Силинский и наборщики: Семикин, Вшивцев, Баранчиков, Осипов, Тивериадский и Морозов. Аресты произведены по постановлению военного губернатора Амурской области».

В этот период роль «Правды» была исключительно велика. Она завоевывала на сторону большевиков широкие массы рабочего класса, проникая и в такие далекие окраины царской России, как Амурская область. Накануне первой мировой войны группа большевиков Приамурья во главе с Ф. Н. Мухиным идейно и технически была связана через «Правду» с ЦК большевиков, с партией Ленина—Сталина и развивала активную революционную деятельность.

В конце февраля 1915 года большевистская организация и ее рабочие кружки, руководимые Ф. Н. Мухиным, пережили тяжелый провал: полиция захватила «технику» и арестовала Ф. Н. Мухина, Ф. Сюткина, Н. А. Волкодава и других большевиков, обвинив их в подделке паспортов. Большевики, оставшиеся на свободе, ушли в глубокое подполье. Ф. Н. Мухин, выйдя из тюрьмы, вынужден был переехать (к 1 марта 1916 года) в переселенческую контору Ульминского района, Амурской области, работать машинистом, а затем был мобилизован в царскую армию и служил солдатом в 303 Вятской пехотной дружине, стоявшей в Благовещенске.

Но большевистская организация своей работы не свернула. Большевики руководили рабочими стачками, в подпольных кружках вели большую пропагандистскую работу. Рабочие-большевики разоблачали перед своими товарищами предателей-меньшевиков, которые почти легально устраивали в городе «школы взрослых» для пропаганды соглашательских взглядов.

В период 1912—1917 гг. буржуазия еще более усиливает эксплуатацию трудящихся. Русских рабочих на золотых приисках промышленники заменяли китайцами и корейцами. Это были, по их мне-

нию, рабочие наиболее дешевые и покорные. Тяжелое материальное положение китайских и корейских рабочих, оказавшихся в глухой тайге изолированными от русских товарищей по классу, умело и выгодно использовалось местными капиталистами. Предприниматели теперь совершенно отказались от постройки жилищ для рабочих, оказания им медицинской помощи, механизации производства, мероприятий по охране труда. 16—18 часов — такая продолжительность рабочего дня была установлена на приисках. Увольняя русских рабочих, золотопромышленники надеялись освободиться от нежелательного «бунтарского элемента». Отлив русских рабочих с золотых приисков был настолько значительным, что к 1914 году на золотых приисках Амурской области китайские и корейские рабочие составляли 87,8% рабочих, занятых в золотой промышленности.

Жестоко эксплуатируемые корейские и китайские рабочие представляли собой резерв революции.

В 1911 году полиция Благовещенска установила, что среди корейцев, проживавших в Приамурье, существовали два нелегальных общества — Сек-чжон-кон-сен-хой («Общество взаимопомощи трудящимся») и Мен-сен-хой («Общество взаимопомощи молодым»).

В исключительно тяжелых условиях работали водники Амурского пароходства. Вот как описывается быт рабочих-водников в книге, вышедшей в Благовещенске в 1913 году:

«Общая каюта для 15—18 рабочих-матросов находится в переднем трюме. При входе в эту «пещеру» вас обдаст сыростью, являющейся вследствие находящихся под потолком паропроводных труб от машины, приводящей в движение шпиль. Пар, обращенный в воду, грязными потоками льется на постели матро-

сов. Насколько в каюте сыро, показывают постели несчастных обитателей ее. В течение еще не оконченной навигации пять тюфяков были выброшены, так как в них завелись черви. Жить в этом «кубрике», по словам матросов, нет никакой возможности, и они бывают вынуждены искать себе каждый раз для отдыха свободное место в третьем классе» *).

Работа на судах Амурского бассейна как во время навигации, так и при зимнем ремонте, сопровождалась во многих случаях опасными увечьями, а иногда и смертью рабочих, причем судовладельцы никакого обеспечения инвалидам труда не давали.

Водники также представляли собой серьезную революционную силу, готовую выступить против самодержавия, как это и произошло в 1917 году.

В 1909 году началась постройка Амурской железной дороги. Строительство производилось в «спешном» порядке, без достаточной технической и экономической базы. Тяжелые материальные и бытовые условия, суровая, необжитая тогда еще амурская тайга вызывали волну забастовок и массовый уход рабочих со строительства. Уже в начале 1910 года на постройке ощущался большой недостаток рабочих, часто бастовавших. (Поэтому царское правительство в 1910 году вынуждено было привлечь к строительству дороги каторжан).

Окончание строительства Амурской железной дороги относится к 1917 году, когда были соединены Забайкальская и Уссурийская железные дороги. С проведением железной дороги для трудящихся Приамурья значительно облегчилась связь с центрами революционного движения России. В деле подготов-

*) «Состав и условия труда судоводителей Амурского бассейна», Благовещенск, 1913, стр. 43.

ки революции Амурская железная дорога имела исключительно важное значение не только для Приамурья, но и для всего Дальнего Востока. Рабочие-железнодорожники, насчитывавшие к началу 1917 года более двадцати тысяч человек, являлись наиболее сплоченным отрядом рабочего класса в Приамурье, хотя и разбросанным вдоль железной дороги на протяжении двух тысяч километров *).

10.

Первая мировая война еще более обострила социальные противоречия в Приамурье.

Местная буржуазия приветствовала войну, т. к. имела теперь возможность наживаться на военных заказах, поставках и подрядах. Прибыль она выколачивала за счет рабочих, еще более усиливая эксплуатацию пролетариата. Рабочие усиливали борьбу против промышленников.

Напряженное положение создалось в амурской деревне. Интендантство царской армии в июне 1915 года «заусловило» в Амурской области из нового урожая, непосредственно от крестьян, по контрактам 1 963 000 пудов зерновых, выдав крестьянам задаток по 40 копеек за пуд, причем предельные цены установлены были не свыше 1 рубля 5 копеек за пуд **).

Крестьяне отказывались сдавать интендантству хлеб по этой контрактации. В связи с этим генерал-

*) Для борьбы с революционным движением амурских железнодорожников в 1915 году были учреждены 9 отделений жандармско-полицейского управления — в Зилово, Ксеньевской, Ерофее Павловиче, Невере, Магдагачи, Суражевке, Благовещенске и других пунктах железной дороги.

***) Центр. гос. арх. РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 2378, лл. 29—30.

губернатор Гондатти приказал в феврале 1916 года приступить к реквизиции хлеба у крестьян области, получивших задатки. Вице-губернатор Алексеевский 23 февраля 1916 года телеграфировал Гондатти: «Задержка с вывозкой хлеба населением вызывается назначением срока до 1-го марта 1916 года, с истечением коего будут приниматься решительные меры реквизиции. На местах непрерывно работают крестьянские начальники, станковые приставы, волостные, сельские, станичные власти» *).

Война усилила революционное брожение и среди передовой интеллигенции области. 15 сентября 1915 года инспектор народных училищ Амурской области Н. Кульвановский доносил, что 29 учителей Благовещенска и области являются политически неблагонадежными. За этими учителями был установлен негласный надзор полиции. В центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока сохранилось «Дело о политически неблагонадежных учителях Амурской области», где имеются списки и полицейско-жандармские характеристики более чем на 50 учителей **).

Меньшевики с наступлением войны заняли оборонческую позицию, призывая пролетариат и буржуазию области позабыть социальные распри «во имя победы над врагом».

Большевики Приамурья, во главе с Ф. Н. Мухиным, решительно стали на пораженческие позиции и неустанно разъясняли рабочим, что война преследует империалистические цели, что надо не «объединяться» с буржуазией, как призывали меньшевики, а усиливать борьбу с капиталистами и царским самодержавием. Пролетариат Приамурья поддерживал большевиков в их отношении к войне.

*) Там же, лл. 160—161.

***) Там же, оп. 4, д. 533, л. 109 и сл.

26 октября 1915 года в Благовещенске организовался «военно-промышленный комитет», но создать «рабочие группы» при этом комитете местной буржуазии не удалось. Рабочие — металлисты, водники, деревообделочники Приамурья, находившиеся под влиянием большевиков, отказались от участия в «рабочих группах», придуманных буржуазией для того, чтобы подчинить рабочих своему влиянию. Амурский областной «военно-промышленный комитет», лишенный поддержки рабочих, за годы первой мировой войны заготовил в области всего около тысячи артиллерийских седел.

На состоявшемся в августе 1915 года в Хабаровске съезде представителей «военно-промышленных комитетов» Приамурского края представители Благовещенского «военно-промышленного комитета» А. Афанасьев, М. Лащенко и В. Ружицкий заявили, что «учитывая отрицательное отношение рабочих к военным заказам», они не могут поставлять интендантству более 2 250 выделанных кож или 2 тысячи артиллерийских седел ежегодно *).

Получив известие о свержении царя и образовании Временного правительства, местные представители самодержавия вначале пытались скрыть от народа это известие. Наказной атаман Амурского казачьего войска генерал Хагондоков послал военному министру Гучкову телеграмму: «Амурское войско, сохранив во всем должный порядок и спокойствие, подчиняется во главе со мной Временному правительству, просит принять искренние заверения честной службы».

В Благовещенске образовался орган власти буржуазии — «Комитет общественной безопасности...»

*) Там же, оп. 1, д. 1086, лл. 3—4

24 марта приказом «Комитета общественной безопасности» была уволена «в отставку» царская полиция и жандармерия области.

В Приамурье из подполья вышла немногочисленная, но крепко спаянная, закаленная в боях против царского самодержавия организация большевиков во главе с верным сыном партии Ленина — Сталина Федором Никаноровичем Мухиным.

18 марта 1917 года состоялось многолюдное собрание рабочих, избравшее депутатов в Благовещенский Городской Совет. На первом заседании Совета избран исполнительный комитет, состоявший в большинстве из меньшевиков и эсеров.

Меньшевики и эсеры, захватив большинство в Советах Приамурья, стремились сделать Советы опорой власти Временного правительства и его органов власти на местах. Большевики страстно разоблачали измену, предательство делу революции со стороны этих прислужников капитализма.

Хотя фактически уже с 1907 года большевики и меньшевики в Приамурье представляли собой совершенно различные организации, формально они еще входили в одну социал-демократическую организацию. Политика Временного правительства, апрельские тезисы В. И. Ленина, решения VI съезда партии, июльские события — все это необычайно обострило борьбу большевиков против меньшевиков и эсеров.

В середине 1917 года уже формально существовали самостоятельные комитеты областных организаций большевиков, меньшевиков и социал-демократов-интернационалистов, примкнувших впоследствии к большевикам.

Рабочий класс Приамурья под руководством большевиков накапливал силы, готовился к боям за установление Советской власти в Амурской области.

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОИСКИ НА АМУРЕ

1.

Американские империалисты, известные всему миру разбойничьими набегами на чужие земли, давно протягивали свои жадные руки к богатствам русского Дальнего Востока. Давно строили они планы превращения этой огромной территории в свою колонию.

О том, что это были за планы, свидетельствует, например, поднятая в 1898 году шумиха вокруг проекта французского инженера Лойк-де-Лобеля. От имени американского синдиката он предлагал построить железную дорогу Нью-Йорк—Париж через Аляску и Чукотку, с туннелем под Беринговым проливом. Американские империалисты и не думали, разумеется, осуществлять этот проект, так как с технической стороны он был в то время фантастическим. План монополистов на деле преследовал иные цели. В проекте будущей концессии, врученном царскому правительству, были такие требования:

«В виде возмещения за понесенные затраты русское правительство должно отвести синдикату сроком на 90 лет, помимо полосы отчуждения под рельсовые пути, железнодорожные постройки и устройство

телеграфа еще по 8 миль (12 872 метра, или круглым счетом 12 верст) с каждой стороны дороги...»

Тем самым американские империалисты пытались захватить в неограниченное владение 120 тысяч квадратных верст русской земли. Синдикат требовал права приобретать и другие земли для обработки, разведения плантаций, эксплуатации рудников, заводов и т. д., а также права вербовать вооруженную охрану, то есть создавать собственные американские военные части на территории чужой страны.

Таким образом, речь фактически шла об оккупации значительной части Сибири и Дальнего Востока. Осуществление этого разбойничьего проекта могло бы привести к постепенному захвату всей страны, подобно тому, как это случилось в свое время с Панамской республикой, на территории которой американцы построили канал.

В сборнике «Приамурье», который вышел в Москве в 1909 году, приводятся данные, показывающие, что американцы пытались проникнуть на Амур еще в начале XIX века.

«Беклемишев (офицер-курьер — П. Б.) между другими бумагами привез (в Благовещенск — П. Б.) одну

любопытную, из Петербурга. Она касалась железной дороги в Забайкалье. Нужно заметить, что уже со второго года нашего появления на Амуре появились там и американцы, которые смотрят на Тихий океан как на Средиземное море будущего, а на впадающие в него реки как на законные пути их торговли. Они составили проект соединить железною дорогою Амур с Байкалом и таким образом экономически притянуть всю богатую Восточную Сибирь к Тихому океану...»

Американцам было тогда отказано. Наиболее дальновидные люди в России понимали, что «...американцы могут надуть нас: распродать свои акции в России и с вырученными деньгами уехать домой, оставив нас не при чем... Нам нельзя пустить американцев на Амур и в Забайкалье. Они разовьют там свои порядки, и Сибирь отвалится».

В 1861 году в Америке возник проект заселения Амура американскими переселенцами. В американских газетах того времени появились описания богатств Амурского края, выражалась надежда, что русское правительство согласится предоставить американским переселенцам амурские земли, поможет при первоначальном обустройстве и даст возможность переселенцам жить по своим обычаям. Газетная шумиха вызвала большой приток заявлений в русское посольство в Вашингтоне. Вскоре во Владивосток прибыла делегация из Америки, которая, осмотрев Приамурье, выразила желание переселить в первый же год на Дальний Восток 1000 семей. Наглость американских делегатов дошла до того, что они потребовали от русского правительства полного невмешательства в дела управления переселенцев. Требовали также разрешить существование собственного суда переселенцев по гражданским и уголовным делам. Царское правительство, хотя и поддерживало вначале этот проект,

вынуждено было, в конце концов, отказать не в меру предприимчивым делегатам.

Одним из путей вторжения американского капитала на русскую землю был также план организации различных торговых компаний и контор, вложения капиталов в русскую промышленность.

В Благовещенске в начале XIX века американцы открыли торговую контору под названием «Международная компания жатвенных машин в Америке». Под измененной вывеской — «Международная компания жатвенных машин в России», — с правлением в Чикаго, эта контора просуществовала до Великой Октябрьской социалистической революции. Хозяева фирмы, пользуясь трудностями амурских крестьян-переселенцев, получали огромные барыши.

Сельскохозяйственные машины, двигатели, запасные части к ним и шпатаг отпускались крестьянам на условиях долгосрочного кредита, через соответствующие склады. Такие склады были организованы в Ивановке, Тамбовке и других селах Приамурья. Крестьяне выплачивали не только стоимость приобретаемого, но и штрафы, в виде пени за просроченные платежи.

В Благовещенске обосновались и другие американские фирмы, которые сбывали амурским крестьянам устаревшие сельскохозяйственные машины. В руках синдиката «Интернациональная компания Гарвестер, Америка» была сосредоточена вся торговля сельскохозяйственными машинами. О качестве плугов, сбываемых этим синдикатом, в уже упомянутом сборнике «Приамурье» говорится так:

«...Крестьяне вносят много своих поправок к американскому плугу. Для увеличения ширины пласта приваривают к лемеху острую стальную полосу; для лучшего обо-

рота пласта приделывают к отвалу деревянную палку...»

И это устаревшее оборудование американцы продавали амурским крестьянам втридорога.

Американские фирмы вели жестокую борьбу со своими конкурентами — представителями других иностранных фирм и русскими компаниями сельскохозяйственных машин, всячески стремясь затормозить развитие русской торговли на Амуре.

То, что американский империализм ставил перед собой захватнические цели, хорошо понимали в России еще в начале XX века, когда встал вопрос, допускать или не допускать на Амур, в золотую промышленность, американцев. Отвечая отрицательно на этот вопрос, автор статьи в сборнике «Приамурье» в 1909 году писал:

«...американцы... начнут устраивать концентрацию производства и в конце концов устроят — не стесняясь ни грабежами, ни убийствами. После американской промышленной кампании в наследство России останется голая пустыня, с пустыми недрами, с развращенным, разбойническим населением...»

Американские империалисты рассматривали Дальний Восток и Сибирь как свою будущую обширную колонию и готовились к прямому захвату этих областей. Поэтому американские фирмы не ограничивались грабежом русских богатств. Контора в Благовещенске, например, занималась также шпионажем. Агенты конторы собирали подробные сведения о состоянии сельского хозяйства, промышленности, путей сообщения, почты и телеграфа, исследовали особенности географического положения области, климата, социального состава населения. Все эти сведения, зачастую являвшиеся государственной тайной, передавались во Владивосток, а отту-

да в Америку. Эти сведения нужны были американским империалистам для того, чтобы, используя благоприятный момент, организовать вторжение в Россию.

Такой момент, по мнению американского правительства, наступил в феврале 1917 года, когда контрреволюционная русская буржуазия захватила власть и намеревалась удержать ее с помощью иностранных империалистов.

2.

США признали Временное правительство и немедленно предоставили ему заем в сумме 100 миллионов долларов. Впоследствии эта сумма была значительно увеличена. В счет займа поставлялись вооружение, боеприпасы, железнодорожное оборудование, амуниция для армии. В мае 1917 года правительство США вело переговоры с Временным правительством о предоставлении для военных перевозок 500 паровозов и 1000 вагонов. В августе предполагалась дополнительная поставка для этой же цели 1500 паровозов и 30 тысяч вагонов.

Щедрой рукой давая Временному правительству займы и необходимые для войны материалы, правительство США требовало от него проводить политику продолжения империалистической войны и борьбы с большевиками. Для того, чтобы этот наказ обнаглевших миллиардеров выполнялся, американцы выдавали деньги по частям, каждый раз настоятельно напоминая при этом о том, куда должны идти отпускаемые средства.

Разоблачая империалистическую политику США в деле оказания помощи Временному правительству, товарищ Сталин писал:

«В момент, когда русская революция напрягает силы для отстаивания своих завоеваний, а империализм старается добить ее, — американский капитал снабжает милли

ардами коалиции Керенского — Миллюкова — Церетели для того, чтобы, обуздав вконец русскую революцию, подорвать разрастающееся на Западе революционное движение» *).

Правительство США принимает и другие меры для вмешательства во внутренние дела России. Оно, например, посылает в Россию несколько миссий, под предлогом «оказания экономической и культурной помощи русскому народу, ознакомления его с американским образом жизни».

Одна из таких миссий — железнодорожная — прибыла на Дальний Восток 19 (31) мая 1917 года. Возглавлял ее некий Стивенс — известный капиталист, нажившийся на строительстве Панамского канала. Члены миссии — заместитель Стивенса Хорн, инженеры Миллер, Дарлинг, Грейнер, Гобс и другие были офицерами армии и флота США. В миссию входило 12 отрядов в составе 700 инженеров, диспетчеров и других специалистов железнодорожного дела. Все они были рассредоточены по железнодорожной магистрали от Владивостока до Омска, с целью реорганизации Сибирского железнодорожного пути по американскому образцу, как утверждали американцы.

На деле же, посылая железнодорожную миссию, они ставили своей целью захват ключевых позиций на Дальнем Востоке и одновременно оказание помощи Временному правительству в борьбе против нараставшего революционного движения трудящихся.

Такие же цели преследовала и дипломатическая миссия, прибывшая во Владивосток на американском крейсере 21 мая (3 июня) 1917 года. Во главе миссии стоял бывший государственный секретарь США сенатор Элиа Рут. В состав ее также входило много офицеров. Кро-

*) И. В. Сталин. Сочинения, т. 3, стр. 234—235.

ме общих с миссией Стивенса задач, миссия Рута должна была приоткрыть захватнические планы США лицемерной болтовней о «миролюбии» и «симпатиях» американских хищников к русским.

Обе эти миссии прилагали все силы к тому, чтобы осуществить план поддержки Временного правительства.

Руководители амурских органов Временного правительства всячески поддерживали американских империалистов в их стремлении использовать русских людей для войны за интересы американских империалистов. Суражевское земское собрание в декабре 1917 года вынесло резолюцию о том, что если большевики будут вести переговоры о мире без согласия и тесного «контакта» с иностранными «союзниками», то на это «...реагировать всеми силами и доступными способами вплоть до отселения всей Сибири в Федеративную Республику» *).

Однако ни доллары, ни экономическая помощь, ни американские шпионы не помогли Временному правительству удержаться у власти. Оно было сметено Великой Октябрьской социалистической революцией, и в стране установилась советская власть.

Перешла власть в руки Советов и на Амуре. В январе 1918 года под давлением трудящихся масс Приамурья был переизбран меньшевистско-эсеровский Совет. В него вошли 85 большевиков. Власть в области перешла в руки большевистского Совета.

3.

Великая Октябрьская социалистическая революция вырвала Россию из числа участников империалистической войны и лишила американских монополистов возможности осу-

*) «Известия Амурского областного земства» № 4, Благовещенск, 1907 г.

ществить широко задуманный план превращения России в колонию США. Поэтому американские империалисты с первых же дней существования советской власти повели с ней непримиримую борьбу.

Прежде всего была организована голодная блокада Советской России, в надежде на то, что, изолированная от окружающего мира, советская власть долго не продержится.

В эсеровской газете за 1917 год сообщалось, что сахар в количестве 600000 пудов, шедший из Америки для Забайкалья и Приамурья, задержан американцами ввиду перехода власти в руки Советов.

В январе 1918 года было опубликовано официальное сообщение владивостокской управы о закрытии маньчжурской границы по указанию представителей иностранных государств. В результате свыше 200 тысяч пудов хлеба, закупленного и погруженного в вагоны, остались в Маньчжурии, и трудящиеся Дальнего Востока испытывали продовольственные трудности.

По указанию из Вашингтона агенты «Международной компании жатвенных машин в России» заявили, что они отказываются поставлять большевистскому Приамурью сельскохозяйственные машины и шпагат. Агенты США пытались сорвать сбор урожая в Амурской области в трудный для Советской России 1918 год. Но несмотря на подрывную деятельность американских бандитов, большевики сумели организовать своевременный сбор урожая в Амурской области.

5-й Объединенный съезд крестьян и казаков Амурской области, проходивший в 1918 году, принял решение:

«Все прииски с постройками и орудиями объявляются собственностью всего трудового народа...» *).

*) Протоколы заседания 5 объединенного съезда крестьян и казаков Амурской области. Благовещенск, 1918 г., стр. 8.

Такое постановление пришлось не по вкусу американским агентам, и один из них, некто Паркер, предъявил на заседании Благовещенского исполкома иск советской власти на сумму 64000 золотых рублей за отобранные у него народной властью прииски. При этом Паркер и его компаньоны угрожали международными осложнениями. Конечно, международными осложнениями советскую власть запугать не удалось. Но впоследствии, когда Амурскую область временно оккупировали интервенты, Паркер, Бун и другие американские агенты награбили немало русских богатств.

Несмотря на усиленные попытки всеми способами подорвать советскую власть, американские агенты чувствовали себя на русской земле очень неуверенно. Чтобы упрочить свое положение, пошатнувшееся после падения Временного правительства, американцы начинают проводить политику сосредоточения и поддержки всех реакционных сил, боровшихся на территории России против советской власти.

«В течение всего периода иностранной интервенции и гражданской войны не было ни одного кандидата в контрреволюционные «правители» России, которому бы не помогали американские империалисты. Колчак и Деникин, Миллер и Юденич, черный барон Врангель и прочие злейшие враги трудящихся Советской России — все они находились на содержании у США, получая оттуда в изобилии оружие, боеприпасы, обмундирование» *).

К этому списку врагов советского народа, находившихся на изживении у американских империалистов и получавших от них руководящие указания, можно добавить

*) Г. Н. Поспелов. «О XXVII годовщине со дня смерти В. И. Ленина». Доклад на торжественно-траурном заседании в Москве. Госполитиздат, 1951 г., стр. 8.

фамилии Калмыкова, Семенова, амурских белогвардейских атаманов Гамова и Шемелина.

Первым шагом в деле организации сил контрреволюции было совещание «союзников» в Пекине в апреле 1918 года. При участии американских представителей тогда было создано так называемое «Дальневосточное правительство» во главе с генералом Хорватом и военным министром Колчаком. В это «правительство» вошел также главный начальник Амурского казачьего управления войсковой старшина Гамов — тот самый Гамов, который в начале 1918 года пытался захватить власть в Приамурье, подняв восстание, известное в истории области под названием «гамовского мятежа».

Вновь испеченное «правительство» находилось в Харбине, а впоследствии под названием «Временное сибирское правительство» перекочевало в Омск.

Омское белогвардейское правительство во главе с Колчаком, которого интервенты объявили «верховным правителем» России, временно захватило власть на всей территории Сибири и Дальнего Востока, в том числе и в Амурской области.

Как относились к белогвардейскому правительству интервенты, хорошо видно из показаний, которые дал арестованный советской властью Колчак.

«Гаррис, американский представитель, — говорил Колчак, — относился ко мне с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайной благожелательностью... делая все, что мог, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения».

Генеральный консул США при «правительстве» Колчака Гаррис и другие агенты американского империализма действительно сделали для Колчака очень многое. Достаточно сказать, что, по заявлению американского сенатора Бора, США

передали Колчаку разных материалов, главным образом военных, на сумму 187 миллионов долларов.

Русские контрреволюционеры со своей стороны всячески подчеркивали свою преданность иностранным хозяевам. Больше того, белогвардейские правители призывали американских империалистов непосредственно придти им на помощь. Это хорошо видно из программы омского «правительства», опубликованной в 1918 году. В этой программе говорилось:

«Америка может пригласить союзные державы вместе с ней послать войска для защиты этих дорог (Сибирской и Китайско-Восточной — П. Б.) и других важных пунктов. Возможно скорее взять Владивосток и Карымскую, послать дивизию для защиты Амура и взять Иркутск... Работать в согласии всюду, где это возможно, с американской администрацией железных дорог и с военными силами, что будут защищать эти дороги. Американское правительство также, может быть, попросить дать денежную поддержку для Сибири, дав американцам нужный контроль надлежащих расходов, денег и военных материалов».

После временного падения советской власти в Благовещенске, в ноябре 1918 года, при участии американских капиталистов, открылся контрреволюционный съезд золотопромышленников Амурского, Буринского и Зейского горных округов. «Амурские волки» овацией приветствовали присутствовавшего на съезде майора американской армии Страуса. По его настоянию золотопромышленники согласились отдать в аренду американским фирмам ряд золотых приисков. Принято было также предложение об организации особых отрядов для борьбы с партизанами.

Наиболее ярко выражено отноше-

ние амурских капиталистов к интервентам и Колчаку в их телеграмме на имя дипломатического корпуса. Амурские золотопромышленники, заявляя о своей верности делу, за которое борются интервенты, писали, что надеются и в дальнейшем на помощь интервентов Колчаку, который сумеет отстоять их интересы — интересы амурских капиталистов. Американский консул Колдуэлл поблагодарил золотопромышленников за приветствие и выразил радость по поводу контрреволюционного переворота в Амурской области.

4.

Оказывая русской контрреволюции помощь вооружением и деньгами, американские империалисты сознавали, что этого недостаточно для захвата Сибири и Дальнего Востока и что им придется прибегнуть к прямой интервенции.

Тщательно подготавливая вооруженную интервенцию, американцы обрабатывают общественное мнение и ищут предлог для вторжения. Такой предлог вскоре был найден. В июле 1918 года союзное командование во Владивостоке опубликовало прокламацию, в которой говорилось: «Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся... настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав, и будут приняты все необходимые меры для защиты как от внешней, так и внутренней опасности».

Первым подписал эту прокламацию адмирал США Найт. Вполне понятно, что под внутренней опасностью подразумевались партизаны и отряды Красной Армии, боровшиеся против интервентов.

Вначале американские империалисты собирались задушить русскую революцию руками японских

империалистов. В декларации японского правительства, опубликованной в августе 1918 года, говорилось: «Правительство Соединенных Штатов... недавно обратилось к японскому правительству с предложением скорейшей посылки войск... Японское правительство, стремясь к согласованию своих действий с желаниями американского правительства, а также к согласованию совместно с союзниками в этой экспедиции, решило приступить незамедлительно к выделению соответствующих сил для предложенной цели. Некоторое количество этих войск вслед за сим посылается во Владивосток».

Своей декларацией от 7 августа 1918 года правительство США подтвердило роль, которую оно отводило в интервенции Японии.

О согласии на интервенцию со стороны Японии В. И. Ленин в 1918 году писал так:

«Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие... на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики» *).

Обе декларации, американская и японская, явились оправданием тех захватнических действий, которые японские империалисты проводили еще с апреля 1918 года. 4 апреля они организовали во Владивостоке провокационное убийство двух японских купцов, а уже 5 апреля, под прикрытием пушек американского крейсера «Бруклин», высадили первый десант. Узнав об этой провокации и высадке японского десанта, Ленин и Сталин направили Владивостокскому Совету телеграмму, в которой указывалось:

«Мы считаем положение весьма

*) В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 44.

серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил» *).

Поддержанные американцами, японские войска повели наступление, захватили Амурскую область и Забайкалье.

Отдав на расправу японским империалистам Дальний Восток, правительство США организует и другую контрреволюционную провокацию.

В 1918 году в Москве, во французском консульстве, при участии иностранных дипломатов и представителей белогвардейских войск в Сибири, состоялось заговорщическое совещание. На этом совещании был разработан план мятежа чехословацкого корпуса, который отправлялся на родину через Владивосток. Командованию корпуса предлагалось убедить своих солдат в том, что советская власть якобы тормозит их отъезд и, пользуясь этим, поднять мятеж. За участие в мятеже чехословацким солдатам обещали платить вместо 5 по 200 рублей жалования в месяц. Американское правительство обещало ассигновать для этой цели 15 миллионов рублей.

На втором совещании, в Челябинске, устанавливаются точные сроки мятежа.

О подготовке мятежа становится известно Советскому правительству, и в связи с этим товарищ Сталин дает приказ разоружить чехословаков. Однако разоружить всех не удалось, и мятеж вспыхнул по всей

Сибирской магистрали. Мятежники-чехи проникли и на территорию Амурской области, где с американской помощью проводили антисоветскую политику.

По указанию империалистов, мятежники-чехи занимались на территории области шпионажем. Из воспоминаний старых партизан известно, что на одно из совещаний Благовещенского ревштаба проникли под видом летчиков Хабаровского гарнизона два шпиона-чеха. Им удалось узнать план генерального сражения с белогвардейцами и план эвакуации Благовещенска. Это привело к тому, что пришлось срочно перестраивать систему обороны города и изменять план эвакуации.

5.

Японцы, усердно выполняя взятые на себя перед Америкой обязательства, не сумели однако выполнить поставленных перед ними задач. Они терпели поражение не только от регулярных частей Красной Армии, но и от партизанских отрядов.

Поэтому американские империалисты начинают подготовку к собственной открытой вооруженной интервенции на советскую землю, предварительно выслав впереди своих войск новые отряды шпионов и диверсантов. На территорию Дальнего Востока прибывают миссия американского «Красного креста» и руководители «Христианского союза молодых людей».

Целью миссии «Красного креста» было усиление помощи белогвардейцам. Миссия действовала от Японского моря до Урала, на протяжении более 6000 верст. Ее агенты находились и на территории Амурской области. С помощью Стивенса, захватившего Сибирскую железнодорожную магистраль, агенты «Красного креста» широко снабжали контрреволюционные силы Сибири, Забайкалья, Приамурья и

*) В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 199.

Приморья всем необходимым для ведения войны, начиная с походных кухонь и кончая пушками, вооружением и боеприпасами.

Отделения американского «Союза христианской молодежи» были открыты в годы интервенции во многих городах Дальнего Востока. В Благовещенске отделение «Союза» помещалось в двухэтажном здании на углу Торговой и Большой (сейчас Ленинская — П. Б.) улиц.

На вывеске «Союза» и в объявлениях, напечатанных в амурских белогвардейских газетах того времени, рассказывалось о целях и задачах, которые должны были уяснить себе молодые люди, вступающие в «Союз». По утверждению руководителей этой американской реакционной организации, «Союз» ставил себе задачей «распространение полезных сведений разного рода и оказание просветительной помощи населению». За этой лживой вывеской скрывались, разумеется, совсем другие цели. Руководитель Благовещенского отделения «Союза», американский офицер, который, маскируясь, ходил в гражданской одежде, мог бы рассказать о том, как американские империалисты пропагандировали разбойничий американский образ жизни, пытались развратить завербованных молодых людей, чтобы сделать из них шпионов, верных прислужников американской агентуры.

«...Не следует забывать, — писал товарищ Сталин в 1921 году, — что торговые и всякие иные миссии и общества, наводняющие Россию, торгующие с нею и помогающие ей, являются вместе с тем лучшими разведчиками мировой буржуазии...» *).

Разведчиками американских капиталистов были и представители «Красного креста» и «Союза христианской молодежи». В годы граж-

данской войны на Дальнем Востоке они постоянно доставляли разведывательные данные в американские штаб-квартиры — американскому консулу во Владивостоке Колдуэллу и полковнику Моору, пребывавшему в Хабаровске.

Так было подготовлено вторжение американских войск на русский Дальний Восток, который в планах американских империалистов играл роль одного из плацдармов широкого вторжения в Россию.

Первый американский отряд высадился во Владивостоке в августе 1918 года. 16 апреля высадился 27-й, а затем 31-й пехотные полки. А 1 сентября прибыл командующий американским экспедиционным корпусом генерал-майор Гревз. Командир 27-го полка тотчас же доложил ему, что полк принимал деятельное участие в операциях против партизанских отрядов.

Американские гарнизоны были рассредоточены во многих пунктах Дальнего Востока, наиболее важных в экономическом и стратегическом отношениях. Соединение полковника Робинсона — начальника штаба американских войск — заняло Сучанские каменноугольные копи и железнодорожную ветку, соединяющую их с Владивостоком. В Верхнеудинске (Улан-Удэ) расположились два батальона 27-го пехотного полка под командованием полковника Морроу. В Хабаровске дислоцировалась бригада американских войск во главе с полковником Моором. Моору были подчинены и части, действовавшие в Амурской области.

По свидетельству главнокомандующего японской армией на Дальнем Востоке генерала Оой, американский батальон, наступавший на Хабаровск с востока, действовал вместе с японскими войсками на станции Ушумун Амурской железной дороги. Там же находился американский бронепоезд. Американский броне-

*) И. В. Сталин. Сочинения, т. 5, стр. 119.

поезд стоял также на станции Бочкарево (Куйбышевка-Восточная).

Большевистская газета «Дальневосточные известия» в 1918 году писала, обращаясь к солдатам войск интервентов: «...вы по указке... американцев с востока хотите задушить молодую русскую революцию...»

Да, именно по указке, при содействии и прямом участии американских империалистов белогвардейские генералы и атаманы, чехословацкие мятежники, японские интервенты и прочие злейшие враги советского народа прошли с огнем и мечом по советскому Дальнему Востоку, пролили моря русской крови, разрушили много сел и городов, разграбили богатый край.

В те дни, когда Амурская Красная армия отступила в тайгу и продолжала борьбу партизанскими методами, американские империалисты засылали шпионов в партизанские отряды и сообщали разведывательные данные японским интервентам.

Командующий американским экспедиционным корпусом генерал Гревз в своих воспоминаниях упоминает о том, что представители американской армии присутствовали при зверских казнях арестованных партийных и советских работников. Одна из таких кровавых трагедий произошла в Благовещенске в марте 1919 года.

Темной ночью в Благовещенскую тюрьму, в сопровождении чинов японской армии, явились белогвардейские офицеры контрразведки и потребовали у начальника тюрьмы выдать им якобы в качестве заложников 17 заключенных советских и партийных работников. Интервенты связали их и вывели из тюрьмы. За тюрьмой, в яме для обжига кирпича, приговоренным к смерти была приготовлена могила. На краю этой могилы поставили за-

ключенных, приказали им раздеться, и началась страшная расправа. Палачи рубили своим жертвам головы клинками, а тех, кто оставался в живых, добивали револьверными выстрелами. Многие были похоронены в могиле живыми. Братья Мельниченковы, Чумак, Шумилов, Яков Шафир и другие борцы за народное счастье пали в ту ночь от руки интервентов.

При попустительстве и поддержке американцев кровавый разбой учинили японские войска 22 марта 1919 года в селе Ивановке. В тот день были уничтожены 1300 мирных жителей.

Американские империалисты на Дальнем Востоке широко пользовались услугами кровавых атаманов — Калмыкова, Семенова, Кузнецова, Гамова. Калмыков, например, был прямым ставленником американских интервентов и на совесть выполнял приказы заморских хозяев.

Американцы пытались переманить к себе ставленника Японии атамана Семенова. Генерал Хорват сообщал белогвардейскому министру Сукину: «...американцы начали предлагать ему (Семенову — П. Б.) свои услуги».

В период временной оккупации Амурской области американские интервенты разграбили этот богатый край.

В американской газете того времени проскользнуло невольное признание: «Американцы идут в Сибирь не для торговли, не для работы и помощи русскому населению, а для быстрого обогащения и легкой наживы». В той же заметке сообщалось, что каждый из американских солдат, возвращавшихся из Сибири и Дальнего Востока, привозил с собой на несколько тысяч долларов русского золота.

Убытки от интервенции одной только Амурской флотилии составили 34 966 635 золотых рублей.

В 1919 году, по сведениям Амурского областного земства, 2/3 Амурского флота было захвачено иностранцами.

Общий ущерб, нанесенный интервентами Амурской области, кроме железнодорожного транспорта, составил 25 миллионов золотых рублей. Интервентами ограблено в Амурской области 5 775 хозяйств, сожжено 688 жилых и 929 хозяйственных построек. В результате хозяйничания интервентов площадь посевов области сократилась с 534 тысяч десятин в 1913 году до 160 тысяч десятин в 1922 году.

Огромные убытки понесла Амурская железная дорога, находившаяся в ведении смешанной комиссии интервентов, которую возглавлял проходимец Стивенс. Убытки дороги с сентября 1918 года по апрель 1920 года составили 1 277 617 золотых рублей.

Даже начальник службы тяги Амурской железной дороги при Колчаке — Кирпатовский — жаловался: «...паровозов раньше было 130, а теперь осталось около 88, да и то большинство из них требует ремонта» *).

Паровозы и вагоны нужны были американцам для переоборудования в бронепоезда, для перевозки своих войск и награбленного добра. А тратиться на ремонт чужого имущества они считали излишним.

На Амурской железной дороге американские захватчики установили жестокий интервенционистский режим. Они уволили до тысячи рабочих и служащих, сочувствовавших или подозреваемых в сочувствии советской власти. За всеми рабочими был установлен тщательный контроль.

Проходимцы Стивенс, Раут, адмирал Найт и другие, возвращаясь

из Советской России, увозили с собой вещественные доказательства «дружбы» к русскому народу: груды награбленного добра.

Агенты фирмы «Ремингтон» увезли после «посещения» Дальнего Востока на 2 547 558 долларов золота. В уплату за оружие различные фирмы Сан-Франциско вывезли золота на 1 миллион долларов.

При аресте Колчака, в его поезде, который шел под американским флагом, было обнаружено 5 143 ящика и 1 680 мешков с золотыми слитками и другими ценностями на сумму 1 миллиард 150 миллионов 500 тысяч рублей. Это золото американским империалистам захватить не удалось, но в других местах они поживились. Им, в частности, удалось вывезти 47 пудов золота, переданного Семеновым, 56 пудов 3 фунта золота, захваченного интервентами 2 октября 1918 года в кассе Зейского казначейства, и так далее.

Кроме золота, американские империалисты вывезли с Дальнего Востока много леса, каменного угля. Награбленное добро они увозили на захваченных судах русского торгового флота.

Чтобы скушнить по дешевке ценности, американские империалисты наводнили Дальний Восток бумажными деньгами своего производства. Такие деньги имели хождение и в Амурской области. Белогвардейцы, в угоду своим заокеанским хозяевам, называли эти деньги «общегосударственными».

Проникая на советский Дальний Восток, американский капитал проводил политику, подобную современной политике плана Маршалла. А. И. Мельчин приводит таблицу*), показывающую, какие товары вывозила Америка на Дальний Восток

*) Протоколы второго очередного собрания Амурского областного земства. Благовещенск, 1919 год, стр. 40.

*) А. И. Мельчин. «Американская интервенция на советском Дальнем Востоке в 1918—1920 гг.», М. 1951 г., стр. 38.

в годы интервенции. Преобладающее место среди этих товаров занимают: жевательная резинка, иглы, горчица, грибы, галантерея. Итак, вместо жизненно необходимых товаров американцы поставляли жевательную резинку.

Даже русские капиталисты, сотрудничавшие с американцами в годы оккупации, вынуждены были признать хозяйственную разруху в Амурской области, вызванную хищническим хозяйничанием американских интервентов.

«В настоящее время замечается отсутствие какой-либо системы при ввозе иностранных товаров в страну. Такой ввоз предоставлен частной инициативе. При разрушенном транспорте частная предприимчивость ограничивается деятельностью мелких спекулянтов. Последние, ежемесячно загромаждая возможные движения по железной дороге (можно добавить — научившись американскому образу жизни — П. Б.), развращая служащих железной дороги взятками, вывозят за границу сотни миллионов рублей, на которые приобретают товары, дающие им (и их поставщикам американским империалистам — П. Б.) наибольшую выгоду, т. е. предметы роскоши» *).

В постановлении Благовещенского областного исполнительного комитета Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов говорилось, что американские и прочие захватчики оставили в Амурской области «...пепел вместо цветущих деревень, разрушенные до основания железные дороги, груды бумажек вместо золота, миллионы вдов и сирот, десятки тысяч изуродованных, замученных в застенках и забитых до смерти раскаленными

шомполами и нагайками людей, потоки невинной человеческой крови, всеобщий развал...» *).

6.

В апреле 1919 года, выступая с докладом «О внешнем и внутреннем положении Советской республики» на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета, Владимир Ильич Ленин говорил:

«...империалисты Англии, Франции и Америки делают последнюю попытку наступить нам на горло, но она им не удастся. Как ни тяжело положение, но мы с уверенностью можем сказать, что мы победим международный империализм» **).

Предвидение вождя вскоре осуществилось.

С первых же шагов своей кровавой миссии американские империалисты натолкнулись на железную стену сопротивления рабочих и крестьян, которые встали на защиту советской власти.

Вначале население Амурской области оказывало интервентам и их ставленникам сопротивление тем, что отказывалось выполнять распоряжения местных белогвардейских и интервенционистских властей. Так, вскоре после захвата области интервентами сельский сход села Ивановки отказался выполнить распоряжение о выдаче оружия и аресте советских работников.

В городах и селах Амурской области Благовещенский подпольный комитет РКП(б) организовал подпольные партийные организации, которые стали руководителями борьбы против интервентов.

В середине ноября 1918 года в деревне Белая Криница собрался на

*) «Протоколы второго очередного собрания Амурского областного земства». Благовещенск, 1919 год, стр. 139.

*) Журнал «Знамя», 1951 г. № 3, стр. 191.

***) В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 242.

совещание штаб 1-го партизанского района. На совещании решались практические вопросы организации вооруженного сопротивления иноземным захватчикам и их ставленникам — белогвардейцам. В частности, было решено организовать среди населения пропаганду против интервентов. Решили также собрать приговоры сельских общин с требованием восстановления советской власти.

В декабре 1918 года в селе Сухатино был создан один из первых партизанских отрядов, который в будущем стал ядром партизанской армии.

В январе 1919 года крестьяне села Мазаново подняли восстание против колчаковской власти. К ним присоединилось около тысячи партизан из соседних деревень. Повстанцы восстановили советскую власть и в течение трех дней оказывали вооруженное сопротивление войскам интервентов и белогвардейцев.

В это же время в деревне Красный Яр состоялся конспиративный съезд трудящихся Амурской области, на котором был создан центр партизанского движения области — областной Революционный Штаб.

Большой бой дали партизанские отряды в районе деревни Кутилово, и у Виноградской заимки. В последнем бою японцы только убитыми потеряли 400 солдат.

В феврале 1919 года в селе Малая-Пера произошло объединение всех партизанских отрядов Приамурья под единым командованием Главкома и Реввоенсовета.

Кроме активных действий, партизаны занимались разрушением железнодорожного полотна, всячески тормозя продвижение войск интервентов. Так, в июле 1919 года около Завитой сошел с рельсов, разрушенных партизанами, блиндированный поезд белогвардейцев. На участке Бочкарево (Куйбышевка-Восточная) — Алексеевск (Свобод-

ный) партизанским кавалерийским отрядом было сожжено 15 мостов и 5 ремонтных казарм. В августе 1919 года партизаны провели на Амурской железной дороге крупную операцию, в результате которой было сожжено и разрушено большое количество мостов, железнодорожного пути, линии связи. Этот «капитальный ремонт», как иронически называли эту операцию партизаны, задержал продвижение колчаковских войск и войск интервентов, сковал на долгое время их боевые действия.

Министр путей сообщения «правительства» Колчака секретно докладывал, что срочные грузы, идущие с востока, подолгу задерживаются, так как с февраля до конца сентября 1919 года на одном из важных участков железной дороги было 329 случаев сожжения мостов, причем только в августе и сентябре сожжено 146 мостов.

На борьбу за Советы, за независимость Родины поднялся весь народ. Интервенты и их ставленники уже не в состоянии были справиться с силами революции.

Владимир Ильич Ленин, предсказывая позорный конец американской интервенции, писал:

«Они идут подавлять народ, переходящий к свободе от капитализма, душировать революцию. И мы говорим с абсолютной уверенностью, что теперь этот обожравшийся зверь так же свалится в пропасть, как свалился зверь германского империализма» *).

В феврале 1920 года был окружен партизанами Благовещенск, а вскоре Исполнительный Комитет Советов Амурской области, находившийся до этого в тайге, перешел в город.

Однако полностью интервенты очистили Амурскую область лишь в марте 1920 года. А через месяц

*) В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 140.

последние американские солдаты убрались из пределов Дальнего Востока. Так бесславно закончилась кровавая интервенция американских разбойников на Амуре.

Когда мы читаем теперь о зверствах и насилиях интервентов в Корее, невольно вспоминаются те времена, когда американские за-

хватчики бесчинствовали на Амуре. Как и тогда, они разрушают на чужой земле мирные города и села, грабят, убивают, лицемерно болтая о человеколюбии и демократии.

Пусть же вспомнят американские империалисты о том, как бесславно окончилась их интервенция на советском Дальнем Востоке. Нельзя покорить народ, который сражается за свободу.

Г. Марков

КНИГА, ЗАСЛУЖИВШАЯ ПРИЗНАНИЕ НАРОДА

В Амурском областном издательстве вышло новое издание романа «Даурия» К. Седых.

Впервые это произведение было опубликовано несколько лет тому назад и с тех пор неоднократно переиздавалось. Народ принял и полюбил талантливую книгу. В 1950 году Константин Федорович Седых за роман «Даурия» был удостоен высокой награды — Сталинской премии.

Судьбы забайкальского казачества в революции — так можно кратко определить содержание книги. Нелегка задача, которую поставил перед собой автор. Нелегка не только потому, что выбрал он тему новую, неисследованную. Трудность задачи К. Седых определялась прежде всего тем, что забайкальское казачество прошло в революции сложный путь, в муках выстрадав право строить новую жизнь.

Писателю удалось правдиво и художественно показать, как рядовое казачество, часть которого, обманутая кулаками и принявшая вначале участие в подавлении революции, находит в конце концов верную дорогу.

Немало славных страниц вписало казачество в историю русского государства. Достаточно вспомнить имена Ермака, Дежнева, Хабарова,

Пояркова. Поселяясь на границах России, казаки на протяжении многих десятилетий защищали страну от внешних врагов. В непрерывных боевых схватках они выработали в себе черты профессиональных воинов, бесстрашных и стойких, спаянных дисциплиной.

Царское правительство издавна пыталось использовать казачество для подавления революционных движений, превратить его в опору самодержавия. Для этого оно не скупилось на особые привилегии. Казачьим войскам было предоставлено подобие самоуправления, за ними закреплялись особые земли. Земельные наделы казаков были значительно большими, чем обычные крестьянские. Десятилетиями в казачестве выращивалась ненависть к «мужичью». Эта ненависть искусно подогревалась. «Казак — слуга царя, верный защитник трона» — такие понятия вбивались в голову с детства.

Поэтому сознание даже середняка-казака было засорено монархическими предрассудками, и казачество было одним из орудий самодержавия, при помощи которого оно расправлялось с рабочим движением и восстаниями крестьян. Недаром в народе возникло слово «казаковать», то есть издеваться над беззащитными.

Несмотря на то, что царские слуги усердно воспитывали в казачестве чувство сословного единства, процесс классового расслоения проходил в казачьих станицах так же неуклонно, как и среди всего остального крестьянского населения. Выделяются казаки-кулаки, которые начинают эксплуатировать не только «иногородних», но и своих же одностаничников. Появляются казаки-батраки, которые фактически были лишены всяких казачьих привилегий.

Поэтому самодержавие опиралось именно на казаков-богатеев. Для них поддержка царизма была кровным делом, и они помогали держать в повиновении рядовую массу казачества. В сознании казаков-тружеников постепенно пробуждаются классовые черты, и пресловутое единство казачества быстро показывает свою несостоятельность.

Все это и обусловило сложный и трудный путь казачества во время гражданской войны. Белогвардейцы пытались обеспечить себе поддержку казаков. А большевики вели неустанную работу по пробуждению классового сознания трудового казачества, направляя его на борьбу за советскую власть, под руководством революционного пролетариата.

Особенности этой борьбы хорошо раскрыты К. Седых.

Писатель изображает жизнь небольшого казачьего поселка Мунгаловского. Действие романа начинается вскоре после памятного 1905 года. До далекого Забайкалья докатились тогда события первой русской революции. Поднялся на борьбу Читинский пролетариат. Нерчинская каторга была забита политическими узниками, с которыми жестоко расправился царизм.

Революционные события проходят как будто в стороне от Мунгаловского. Казачество вмешивается в них только как реакционная сила. Очень характерен разговор героев романа — Северьяна Улыбина и

Прокопа Носкова, который служит тюремным надзирателем. Северьян укоряет Прокопа: «Ходить в надзирателях — не казачье дело».

«— Не казачье, говоришь, дело? — заговорил Прокоп. — А по-моему только казаку и ходить в надзирателях. Он хоть в тюрьме и не служит, а должность у него тоже собачья. Недаром его нагаечка в любом городе посвистывает и песенки про нее распевают... В девятьсот пятом в Чите наш полк стоял на Песчанке. Стыдно теперь вспомнить, что мы делали там... Недаром рабочие на Чите-Первой нашим братом, казаком, ребяташек шугают».

Но жизнь в Мунгаловском течет спокойно лишь на первый взгляд. Шаг за шагом писатель показывает, как в казачьем поселке происходит классовое расслоение. «Лучшие пахотные земли в поселке были давно захвачены справными казаками. Поднять целину можно было только в труднодоступных местах, корчюя там лес и камни. Но... беднякам была не по силам такая работа».

Еще не скоро наступит Октябрь, а Мунгаловский уже разделен на две группы с непримиримыми классовыми противоречиями — богачей с Царской улицы и «низовских» казаков-тружеников. Перед нами вырисовываются образы кулаков-хищников — Платона Волокитина, Иннокентия и Архипа Кустовых, кушца Чепалова. Многие из них начинали с разбоя. Беспощадной эксплуатацией батраков они умножают свои богатства.

А вот совсем другие казаки — батраки — Федот Муратов, Алексей Соколов, бедняк Семен Зебережный, который «не щадил себя, чтобы выбиться из нужды, да так и не выбился». Между верховскими и низовскими казаками пока нет острых столкновений, но мы чувствуем: придет срок — и между ними разгорится борьба не на жизнь, а на смерть. В этой борьбе все казаки должны будут принять участие, и

Каждый из них должен будет выработать к ней свое отношение. И мы уже понимаем, каким различным будет это отношение у атамана Баргина и у Семена Забережного.

Рост классового самосознания казаков-бедняков писатель хорошо показывает на примере Семена Забережного. Этот страстный искатель справедливости не раз сталкивается с кулаками. Он начинает понимать, что царская власть защищает интересы только богатей. Споря со стариком-каторжником, который во всех казаках видит верных псов царизма, он говорит:

«У нас, отец, тоже не всем сладко живется. Один ходит в сукне да в шелке, а у другого — зубы на полке». «Больно было думать, что и его считают пешной собакой простые несчастные русские люди, которых так часто проводят по тракту закованными в кандалы».

И вот в Мунгаловский приходит известие о свержении царя. «Большинство мунгаловцев явно не знало, как отнестись к случившемуся». Большинство — это слово относится к середнякам. Остальных известие взволновало и заставило глубоко задуматься. «Сергей Ильич (Чепалов) и Баргин люто досадовали на царя за то, что отрекся он от престола. И когда их спрашивали, что теперь будет, они отвечали, что ждать добра не приходится. Кому-кому, а казакам нечего было жаловаться на царя».

Богатеям резко отвечал Семен Забережный:

«Это ведь только вам при царе жилось у нас припеваючи. А наш брат, бедняк, от царя хорошего не видел... Была, как говорится, слава-то казачья, а жизнь собачья. Может, хоть сейчас мы поживем полюдски, если, окромя царя, дадут еще по шашке жушцам да атаманам».

Эта вражда копится исподволь, потому что революционные события

непосредственно еще не коснулись мунгаловцев. Но вот грянул Октябрь, и вскоре в поселок возвращаются казаки-фронтовики. Немало повидали они во время войны, многие из них, служившие в Первом Аргунском полку, помогали устанавливать советскую власть в Забайкалье.

Настороженно относятся к революционно настроенным фронтовикам поселковые богачи. Вспыхивает ссора, и фронтовик Никита Клыков в припадке ярости убивает кулака Иннокентия Кустова. Этот невиданный до того в поселке поступок взбудоражил всех мунгаловцев. А вскоре события в Забайкалье веколыхнули всех казаков. Областной съезд трудящихся постановил отменить казачье сословие. Многие из тех, кто никогда не дорожил казачьим званием, заволновались.

И вот мунгаловцы непосредственно сталкиваются с теми глубокими социальными изменениями, которые принесла революция. Крестьяне соседней деревни Мостовки пришли просить казаков поделиться с ними землей. Лютой ненавистью отвечают им кулаки. Но даже рядовых казаков это задело за живое, так как затронуло их интересы.

«Набросились на мостовцев с насмешками и руганью все, кому было не лень. Даже беднота, которая сроду не косила сена в пади Хавронье, не хотела и слышать о том, чтобы лишиться ее. Свой сенокосные наделы там продавала она не без выгоды тем же мостовцам».

Поднял голову белый атаман Семенов, который при помощи иноземных захватчиков пытается установить в Забайкалье старые порядки. Богачи готовятся жестоко драться за свои права, хитро и ловко настраивают казаков-середняков против советской власти. Они умело используют для контрреволюционной агитации убийство Иннокентия Кустова, резкие слова и поступки фронтовиков, не совсем гибкую по-

литику отдельных представителей советской власти.

Постепенно кулакам удается создать нужное им настроение в среде казаков-середняков. Хорошо выражено это в словах одного из главных героев книги, Романа Улыбина, о своем отце:

«Боюсь, как бы слова богачей для отца теперь не стали понятнее наших. Он и так переменялся, когда нынче весной у мунгаловцев часть земли мостовцам отрезали. До этого он не очень держался за казачье звание, а теперь, гляди, тоже бьет себя в грудь и говорит: «Были казаки и помрем ими».

Революционные войска ведут тяжелую борьбу с Семеновым. Контрреволюция, поддержанная иностранными интервентами, начинает брать верх. Обманутые богачами казаки помогают Семенову душить революцию в Забайкалье. Перед нами раскрывается яркая картина революционных боев.

Писатель широко показывает, как большевики поднимают на борьбу забайкальских трудящихся. Читинский пролетариат, приисковые рабочие, крестьяне, революционная часть казачества с оружием в руках героически защищают советскую власть. Когда революция терпит временные неудачи — большевики уводят в тайгу революционные войска. В лесных коммунах, в глухих таежных местах они готовятся к большой партизанской войне, накапливают силы для будущей победы.

Большевистским организациям Дальнего Востока, отрезанным от Центральной России вначале колчаковскими войсками, а затем семеновскими бандами и японскими интервентами, часто приходилось самостоятельно решать тактические задачи борьбы. В этой сложной обстановке выдвигались и росли талантливые большевистские руководители.

Нужно отметить, что произведе-

ние во многом проигрывает оттого, что писатель не показал работы штаба революции в Забайкалье — областного подпольного комитета большевиков. Членами его являются герои романа — Григорий Рогов, Василий Улыбин. Но мы видим их уже выполняющими решения комитета. Сама же деятельность подпольного большевистского центра по разработке единого плана восстания не изображена. А ведь именно в этой деятельности писатель имел возможность особенно глубоко раскрыть причины будущих успехов партизан в борьбе с белогвардейцами и иностранными захватчиками, показать связь между развитием революционных событий в Забайкалье и ходом гражданской войны во всей стране.

...Огромную агитационную работу проводят большевики среди трудящихся области. Партизанские посланцы проникают в города и села, занятые врагами, разъясняют народу подлые цели, которые преследуют белогвардейцы, собирающиеся отдать Сибирь и Дальний Восток американско-японским империалистам.

В сознании крестьян-середняков постепенно назревает перелом. Видя, что родная земля отдана на растерзание иноземным завоевателям, они начинают осознавать, что борются за чужие интересы — и проявляют в этой борьбе очень мало усердия. Даже такие казаки, как Каргин, сознательно защищающий интересы богачей, проявляют недовольство жестоким контрреволюционным режимом:

«Вон, значит, какие теперь порядки-то! Выходит, общество не может выбрать того, кто ему по душе? Что-то не по-казачьи получается. Даже при царе этого не было».

Семенов уже не чувствует поддержки основной массы казачества и вынужден опираться главным образом на иноземные войска.

Тем временем все ярче разгорает-

ся пламя революционной партизанской войны. И в ходе этой борьбы, умело направляемой большевиками, широкие слои казачества становятся на сторону революции. Мы видим, как некоторые мунгаловцы, стоявшие ранее в стороне от событий или даже принимавшие участие в боях против партизан (Прокоп Носков, Данилка Мирсанов, Лука Ивачев и другие), вступают в партизанские части. Казаки перестают относиться к революционным войскам, как к чуждой им силе. И хотя кулаки, лишённые опоры, пытаются обмануть казачество новыми хитрыми ходами, вроде лозунга «Советская власть — без коммунистов», им уже не повести за собой рядовых казаков.

Этот нелепкий путь борьбы и исканий новой жизни писатель раскрывает на ряде конкретных образов.

Хорошо показана в книге семья Улыбиных. История этой семьи как бы отражает историю всего забайкальского казачества. Глава семьи, Андрей Григорьевич, ещё в середине XIX века защищал родную землю от английских интервентов и первым среди забайкальских казаков был награждён георгиевским крестом. Но, несмотря на воинскую славу, ему пришлось немало лет гнуть спину на богатого скотовода, чтобы сколотить свое хозяйство. Постоянным упорным трудом он едва выбился из нужды.

Старший сын Андрея Григорьевича, Терентий, был убит во время русско-японской войны. Не успел старик опомниться от этого горя, как арестовали его любимца, младшего сына Василия, который стал революционером-подпольщиком. Средний сын, Северьян, продолжает тяжёлую крестьянскую работу отца. Это типичный середняк и, как многие другие его односельчане, переживает мучительный разлад во время суровой борьбы, развернувшейся в Забайкалье в 1918—1920 годах.

В образах двух других членов семьи Улыбиных — Романа (сына Северьяна) и Василия Андреевича мы видим представителей передовой части забайкальского казачества. Они являются и главными героями книги.

Обаятелен образ Романа Улыбина. Как и у деда, у него высоко развито чувство справедливости. С детства внимательно присматривается он к жизни поселка и замечает вражду между верховскими и низовскими казаками. Роман понимает причины этой вражды, и его симпатии — на стороне Семёна Забережного и других бедняков. Когда приходит революция, он решительно становится в ряды защитников советской власти.

«...Какая тебе-то нужда в этой власти? Казакам она, кажется, не даже выгодна», — пытается «образумить» сына Северьян. Роман отвечает ему: «Таким казакам, как ты, советской власти бояться нечего. При ней и наша беднота увидит свет в окошке... С большевиками я оттого, что хочу жить по-человечески, а не по-скотски».

Умирая, Андрей Григорьевич завещает внуку: «Мой наказ тебе — верой и правдой служи народу, земле родной». Этот наказ Роман свято выполняет. Мы видим, как он постепенно становится настоящим большевиком, командиром полка Красной Армии.

Найти правильный путь Роману помогают фронтовики Тимофей Косых, Семён Забережный, рабочий Иван Махоркин. Но особенно большую роль в развитии Романа сыграл его дядя, Василий Андреевич.

Образ Василия Андреевича Улыбина — большая удача К. Седых. Мы не видим Василия Улыбина в годы его подпольной работы, ссылки и встречаемся в романе уже со зрелым большевиком, одним из руководителей революционной борьбы

в Забайкалье. Чем дальше развивается действие книги, тем больше захватывает нас этот образ.

Василий Андреевич — страстный агитатор, талантливый полководец, умный и чуткий воспитатель. Умение все подчинять интересам революции — вот его основная черта. Сам вышедший из народных масс, он хорошо понимает стремления и психологию трудового казачества. Вместе с другими большевиками он умело направляет казаков-тружеников на революционный путь, приучает партизан к железной дисциплине, создает грозную партизанскую армию, поднимает народ на борьбу против семеновских банд и японских оккупантов.

Особенно полно раскрывается перед нами Василий Андреевич в сцене столкновения с Кибиревым и Каргиным. Казачья верхушка чувствует близкий конец семеновщины. Используя недовольство простых казаков японской интервенцией и жестоким белым террором, она готовит восстание против Семенова и пытается нажать на этом политический капитал: создать третью силу, направленную против большевиков. С риском для жизни Василий Андреевич приезжает в логово врага и разъясняет рядовым участникам готовящегося восстания подлинную политику советской власти по отношению к казакам. Он находит убедительные слова, чтобы раскрыть глаза простым дружинникам:

«...Тем, у кого руки в мозолях, нечего нас бояться. Волком выть от нас будет только тот, кто любит на чужой шее ездить, чужим горбом себе добро наживать. А что касается земельного вопроса, то совершенно ясно, что земля должна быть поделена справедливо. Земли у нас столько, что ее хватит и казакам и крестьянам. Нужно только хозяйничать на ней не так, как хозяйничали до сих пор».

Тем самым Василий Андреевич

изолирует Кибирева и Каргина, Большую часть Орловской дружины, середняков, он привлекает на сторону советской власти.

Гораздо слабее обрисованы в книге другие большевики — пламенный революционер Сергей Лазо, Григорий Рогов, Павел Журавлев, Варлаам Бородинцев и другие. Автор не сумел глубоко раскрыть их душевный мир, и поэтому эти образы получились бледными, невыразительными.

Одним из лучших образов романа является Семен Забережный, о котором уже говорилось выше. Этот человек идет в революции прямым путем. Он без раздумья встал в ряды борцов за новую жизнь, потому что это его кровное дело.

В суровых боях крепнет Семен, растет его сознание. И приходит время, когда Василий Андреевич доверяет ему командование партизанским полком. Разбиты враги — и Семен становится председателем сельсовета в родном поселке. Он твердо берет власть, которую завоевывал с оружием в руках. Мы чувствуем — он никому не позволит вернуть старое.

Путь Семена Забережного — это путь беднейшего казачества, которое не знало колебаний в борьбе за советскую власть.

Предателями своего народа изображает писатель врагов революции.

Вот купец Сергей Чепалов. Нет такой подлости, на которую не решился бы этот человек, чтобы приумножить и сохранить нажитые чужим трудом богатства. Как паук, оплел он своей паутиной весь поселок. Владелец огромного количества пахотной земли, он хищнически отбирает с трудом обработанный участок бедняка Никулы Лопатина, пускается на рискованные спекуляции, чтобы сорвать с односельчан тройную плату, выдает на расправу карателям ни в чем не

повинных мирных жителей. Чужими руками пытается он отстоять свое положение эксплуататора. Одной из таких «рук» является поселковый атаман Елисей Каргин.

Образ Каргина раскрыт писателем с большой художественной силой. Каргин — не кулак, он как будто не принадлежит к богачам с Царской улицы. Но он, пожалуй, самый хитрый и опасный защитник старого, враг советской власти.

«Трудно учился он покорности, — говорит о нем автор, — через силу ломал свой нрав, чтобы не ответить на пощечину ударом тяжелого кулака... С лычками вахмистра на погонах, с тремя георгиевскими крестами вернулся он в родной поселок. И притупилась, ослабела память у Елисея Каргина, поселкового атамана, сам он научился помыкать чужим достоинством, втаптывать его в грязь, приговаривая при этом: «Терпи, парень, терпи. Из терпения ничего, кроме пользы, не будет. Нас самих так учили...»

Покорность поселщиков для Каргина дороже всего. Цепко держится он за старые порядки, при которых ему была обеспечена относительная власть над односельчанами и авторитет атамана. И когда приходит революция, он без колебаний становится ее врагом.

Каргин прекрасно понимает, что борется не за народные, а за свои личные интересы и интересы кучки богачеев. Поэтому ни на минуту не вызывает он в читателе сочувствия, хотя по временам проявляет показную «справедливость» к поселщикам. Да и делает он это только тогда, когда чувствует, что своеволие и жестокость кулаков могут оттолкнуть простых казаков от безнадежного дела контрреволюции, которое он защищает.

Любовно оберегает Каргин свой авторитет, пытаясь сохранить видимость единства всех казаков Мунгаловского. Он принимает участие

в заговоре Орловской дружины потому, что понимает: чтобы спасти старое, надо действовать более хитро и гибко. Заговор, действительно, хитрый ход. Но Каргин уже не имеет опоры. Основная масса казачества решительно порывает с семеновскими бандами и поворачивает в сторону советской власти.

И Каргин, лишенный поддержки народа, предстает перед нами, как его злобный враг. Окончательно теряет он свой тщательно охраняемый «авторитет» и одинокий, как затравленный волк, уходит за границу, проклиная революцию. Таков естественный конец человека, который вопреки воле народа пытался бороться за старые порядки.

Середняк Герасим Косых, который раньше верил Каргину, теперь с ненавистью говорит ему: «...Мutilи, mutilи вы тут, сволочи, воду!.. Эвон сколько народу погубили, а теперь за границу подались свою шкуру спасать. Дураки мы были, что слушались вашего брата, как бараны, за вами шли».

В романе действуют десятки героев, и почти все они, даже второстепенные, изображены с мастерством большого художника. Глубоко врезаются в память и матрос Василий Усков, совершивший бессмертный подвиг, и умный, сдержанный Тимофей Косых, погибший от руки палачей, и удалой казак Федот Муратов, которого неуемная сила часто толкает на безрассудные поступки, но который, в конце концов, становится дисциплинированным солдатом революции. Читатель успевает полюбить всех этих людей, которые, своей кровью поливая поля Забайкалья, ковали счастье для будущих поколений.

И мы видим, как их самоотверженная борьба начинает приносить первые плоды. Ганька, младший брат Романа, самый юный из Улыбиных, уже не знает тех мучительных колебаний, какие испытывали

многие представители старшего поколения. В конце книги он, на пороге своей жизни, становится комсомольским секретарем. И чувствуется, что он — один из тех, кто в будущем окончательно сломит хребет кулакам и построит счастливую колхозную жизнь.

В адрес К. Седых высказывалось немало упреков по тому поводу, что женские образы в романе обеднены, оторваны от больших социальных событий, погружены в личную жизнь. Такое мнение нам кажется неверным. Писатель не отошел от жизненной правды, изображая женщину-казачку. Именно этим и подкупает, например, образ Дашутки Козулиной.

Внутренний мир Дашутки отнюдь не беден. Ей свойственны глубокие переживания, тяга к свободной счастливой жизни. Дашутка — цельный человек. Через всю свою недолгую жизнь она проносит любовь к Роману Улыбину, не останавливается перед самоубийством, чтобы отстаивать свою честь.

Ограниченность кругозора — не вина, а беда казачки. На ее сознание накладывал отпечаток косный уклад дореволюционных казачьих селений, где беспощадно расправлялись со всякой попыткой женщины завоевать право на самостоятельную жизнь. Вспомним хотя бы Аксинью из «Тихого Дона» М. Шолохова. Не один год должен был пройти, чтобы казачка расправила плечи и наравне с мужчиной решительно вмешалась в общественную жизнь.

Автор в образах Дашутки Козу-

линой, Алены Забережной, Лены Гордовой показывает, как в условиях коренной ломки старых общественных отношений женщина-казачка начинает осознавать свое право на личную жизнь, на большое человеческое счастье.

Написана книга живым, образным языком. Он освобожден от недостатков первых изданий романа. Тонко, с большой любовью, написаны картины прекрасной природы Забайкалья.

Наряду с уже отмеченными, в романе есть и некоторые другие недостатки. Почти не показана роль большевистского подполья в воспитании классового сознания народных масс в дореволюционные годы. Чувствуя этот недостаток, писатель вводит в книгу образ большевика-подпольщика Нагорного. Но образ этот получился схематичным, неубедительным.

Наряду со страницами, которые читаешь не отрываясь, встречаются и рыхлые, неотработанные места. Живые, яркие диалоги порой сменяются сухими, неестественными.

Но не эти недостатки определяют лицо книги. Когда закрываешь последнюю страницу романа, чувствуешь, как сжился с его героями, полюбил их, пережил вместе с ними суровое и радостное время, когда окончательно рушился старый мир.

«Даурия» прочно входит в фонд лучших произведений советской литературы, книг, которые учат любить родную землю, рассказывают о том, как в тяжелой борьбе рождалось народное счастье.

М. Загорный

ПОВЕСТЬ О СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТАХ

В арсенале боевых средств большевистской партии газета занимает одно из главнейших мест — как коллективный пропагандист, коллективный агитатор и коллективный организатор масс. Голос газеты — это голос партии, поэтому к нему так прислушивается каждый советский человек, поэтому так любит наш народ газету, поэтому так уважает он профессию журналиста.

В каждой области, в каждом районе и даже во многих колхозах нашей страны издаются газеты. Над их выпуском ежедневно трудятся тысячи журналистов, отдающих все свои силы и знания этому благородному делу.

Советский журналист — это партийный работник, который беспрерывно ищет то новое, что ежедневно рождается в нашем народе, подхватывает это новое и делает его достоянием широких народных масс.

Почетный и благородный труд журналиста — какая замечательная тема для литературного произведения! К сожалению, до сих пор еще нет хорошей книги о советских журналистах, о работе коллектива редакции, о том, как рождается газета и как она воспитывает массы, как вторгается в повседневную жизнь и помогает переделывать ее.

С тем большим интересом чита-

тели нашей области встретили повесть о журналистах *), написанную молодым писателем Мих. Аношкиным и изданную Амурским областным издательством.

Сюжет повести несложен: газета была плохой, но приехал новый редактор и начал перестраивать работу редакции.

Что же увидел в редакции новый редактор Левин?

«Спаянности нет, вразнобой работают, без творческого горения», — вот что представляет собой коллектив редакции.

Из всего коллектива автор показывает трех человек. Из них лишь один — литературный работник Алексей Горский — должен изображать положительного героя. Должен! А что получилось в действительности? Горячий, неуравновешенный юноша, по существу только начинающий учиться мастерству газетной работы. «Сил у Горского много, они так и брызжут в каждом его движении, но зачастую тратятся вхолостую».

Литературный работник Костя Давыдов — равнодушен и невозмутим. Станным кажется это равно-

*) М. Аношкин. «Сильнее всего». Повесть. Амурское областное издательство. 1951.

душие у человека, которому не исполнилось и двух десятков лет. «Вот ведь в самом деле какой человек! — завидует ему Горский. — Для него хоть пожар — все равно останется спокойным».

Чему же тут завидовать? Правда, спокойствие — неплохая черта, но если оно не основывается на уверенности и настойчивости, оно пользы не приносит. «У Давыдова нет... чутья журналиста, нехватает наблюдательности и смелости. Лежат факты на виду — возьмет, запряганы — не докопается».

Секретарь редакции Балухатый — «методически глушит инициативу Горского. От жизни... оторвался, обжился в своем маленьком мирке».

К концу повести все герои произведения исправляются: Горский под руководством Левина успешно овладевает мастерством газетной работы, учится работать с массами, энергия его направляется в правильное русло. Костя Давыдов читает свои стихи на «литературном четверге», успех окрыляет его, и он начинает лучше относиться к работе. Балухатый из «сухаря» и чиновника, каким он был вначале, становится хорошим работником.

Все как будто правильно.

И все же основные образы повести неубедительны, художественно неполноценны. Это прямое следствие неправильного решения автором главного вопроса — партийного руководства газетой.

Газета — партийный орган. Как же руководит горком партии своей газетой? До приезда Левина совершенно не руководил, отдал ее «за откуп» Самойлову, у которого «редакторской хватки не оказалось», затем Балухатому, тоже оказавшемуся плохим редактором, «поверхностным человеком», «регистратором событий». Приехал Левин, перестроил работу редакции, улучшил содержание газеты — а горком снова в стороне. А ведь партийное руководство — важнейший, решаю-

щий фактор в жизни газеты. Автор, правда, сделал попытку отразить этот момент в повести, но все свел к двум беседам секретаря горкома Малышева с Левиным (по существу это и не беседы, а краткий обмен замечаниями). Вот эти эпизоды:

«Левин только полчаса назад вернулся от Малышева.

— Не кажется ли вам, Антон Николаевич, — спросил его секретарь горкома, — что почин вагонников заслуживает большего внимания, чем мы ему уделяем? Мы на эту тему уже говорили. Смотрите: ни в паровозном депо, ни на мотороремонтном заводе, ни на хлебокомбинате по существу еще ничего не сделали... Несмело берутся, а это самое страшное для нового дела.

Левин сказал тогда:

— По плану у нас намечено дать на эту тему несколько редакционных статей.

— Хорошо. Но будет вдвое хорошо, если вы слово предоставите самим рабочим. Пусть они выскажутся... Тогда и газета не будет регистратором фактов, а будет активным пропагандистом нового».

«...Малышев постарался сделать все, чтобы партийные организации предприятий откликались на все сигналы газеты. По материалам «Дальневосточника» на бюро горкома был заслушан доклад секретаря партбюро паровозного депо. Инструкторы промышленно-транспортного отдела горкома за это время были особенно частыми гостями на предприятиях, будоражили коллективы, помогали коммунистам поднимать народ на новые трудовые дела».

«В перерыв к Левину подошел Малышев и лукаво спросил:

— Растешь?

— Разве плохо? — в свою очередь спросил Левин. — Ведь и мы пахали!

— Расти, расти, да из-под ног землю, смотри, не теряй. Повиснешь

в воздухе — беда будет. Не успокаивайтесь!»

Вот и все руководство. Таким образом, хотел того автор или не хотел, получается, что улучшение содержания газеты и перестройка работы редакции — заслуга Левина, а не всей партийной организации города. Горком партии выступает лишь в роли регистратора событий.

«Поверхностный он человек, равнодушный к своей работе», — говорит о Балухатом Малышев. А ведь секретарь редакции — «душа газеты», как говорят журналисты. И как мог горком, зная эти недостатки Балухатого, назначить его секретарем редакции — непонятно. Еще более странно, что, освободив его от обязанностей редактора газеты (как не справившегося), «ему предложили ехать в другой район редактировать газету». Так волею автора партийные руководители, знающие Балухатого с плохой стороны, выступают в роли пассивных, недальновидных людей, руководящих кадрами независимо от их деловых качеств.

Странным кажется также и то, что руководители партийной организации, где Балухатый «столько лет работал редактором», все-таки ошибаются в нем. Малышев говорит о нем, как о равнодушном человеке. Однако, судя по требовательности Балухатого к работникам редакции, он вовсе не равнодушен к своей работе. Просто человек оторвался от жизни, «все реже и реже появлялся на предприятиях, больше просиживал в редакции...» и — отстал.

Но необходимо отметить, что именно в этом отношении развитие образа Балухатого происходит закономерно. Это человек, который убежден, что «не дело секретаря ходить по предприятиям и собирать материал». В этом ошибка Балухатого. И когда Левин посылает его на предприятие, к живым людям, в рабочий коллектив (якобы для того,

чтобы поучить Давыдова, а по существу — чтобы встряхнуть засидевшегося в кабинете работника), — Балухатый сам начинает видеть, как жизнь стремительно идет вперед и как он отстал от нее. И после отчета перед читателями на хлебокомбинате Балухатый словно стал другим человеком.

Но все это — в конце повести. В начале же, как мы видим, редакция представляет собой неработоспособный коллектив. Восприняв это, как основу конфликта произведения (как это и было задумано автором), читатель, естественно, ожидает последствий такого обстоятельства. Здесь-то автор и должен был бы показать на ряде примеров из жизни города и района, какую роль играет в жизни советского народа газета, какое значение имеет развертывание большевистской критики и самокритики, как основы нашего движения вперед. Этого в повести нет.

Очевидно, автор сгустил краски только затем, чтобы ярче подчеркнуть деятельность главного положительного героя — Левина, показать, как он перестраивает работу редакции, сплачивает коллектив и нацеливает его на решение больших задач, стоящих перед газетой. Но такое обстоятельство наводит на мысль об исключительности Левина. До него, выходит, никто не мог сделать газету боевой, интересной (даже горком партии), а вот приехал Левин — и положение исправилось, жизнь в редакции закипела, улучшилось содержание газеты, стала теснее связь ее с массами. Выставлять это как заслугу одного человека — искажение жизненной правды.

Левин — образ, безусловно, положительный. Правда, автор порой несколько примитивно обрисовывает его. Но все же этот образ больше всех удался М. Аношкину. Это — коммунист, квалифицированный журналист, умеющий прислушиваться-

ся к голосу масс, ставящий интересы партии, интересы народа превыше всего.

Он умелой рукой направляет неуемную энергию Горского, учит его газетному делу. Горский написал очерк, в котором были неудачные места. Балухатый попросту объявил очерк плохим и велел переделать. Не так поступает Левин. Он заявляет, что очерк можно напечатать, но его поправить надо (именно «поправить», а не «переделать»). И редактор конкретно указывает, какие именно моменты требуют правки. Такое бережное отношение к людям, к молодым кадрам характеризует настоящий большевистский стиль работы.

Еще один пример. Давыдов вернулся с предприятия, не выполнив задания редактора. Левин вызывает Балухатого:

«— Помочь ему придется, Иван Андреевич.

— Как помочь? — осведомился Балухатый. — За него сделать?

— Зачем же? Показать, как сделать. Вместе идите на завод и пусть Давыдов у вас поучится».

Левин правильно решил: перепоручать задание другому не следует, Давыдов должен его выполнить. Посылая на хлебокомбинат Балухатого с Давыдовым, редактор преследовал две цели: помочь Давыдову, используя для этого жизненный опыт Балухатого, и заставить последнего окунуться с головой в живой поток жизни. И делает он это тактично и по отношению к Балухатому, молодому уже человеку, старому работнику («Пусть Давыдов у вас поучится», «показать, как сделать»), и по отношению к Давыдову (не просто требует, а учит его).

Однако образ Левина, удачно намеченный вначале, не получил дальнейшего развития в повести. Взять, например, такой эпизод, как приглашение Левиным семьи Балухатого «в компании воскресенье провести». Мысль хорошая — более

тесное, сердечное общение работников друг с другом безусловно поможет сплотить коллектив, развеять тот холодок в отношениях, который было возник между Левиным и Балухатым — руководителями редакции. Но, во-первых, это не единственный и не лучший путь к сплочению коллектива (а он выглядит именно единственным, так как автор ограничился этим эпизодом). Во-вторых, этот момент изображен очень бледно, схематично. Мужчины сыграли полпартии в шахматы, женщины приготовили обед, Балухатый кратко рассказал, как прошел отчет редакции перед читателями, Левин так же коротко поведал о себе. Затем «беседа разделилась на два ручейка: мужчины о своем, женщины о своем». Потом «они вчетвером направились в кинотеатр». Вот и вся встреча. Читателю даже не совсем ясно, зачем она.

Самые интересные, содержательные эпизоды написаны автором слишком сжато, скупо, а второстепенным вопросам — таким, как разговоры между сотрудниками редакции, переживания Балухатого, семейные дела, — посвящены целые страницы и главы. Как раз тогда, когда нужно было шире показать деятельность Левина как редактора и работу всего коллектива редакции, Аношкин начал спешить и «закругляться». До встречи Балухатых с Левиными на квартире у последних более или менее подробно показана работа редакции, деятельность Левина, немного показаны работники редакции в общении с людьми на производстве, очень много отведено Балухатому — его биографии, характеру, его взаимоотношениям с остальными работниками редакции, его ворчливости и отсталости. Не забыты и сердечные дела Давыдова.

А дальше пошли краткие описания:

«Непрестанно звонили телефоны:

то у редактора, то у Балухатого, то в общем отделе.

Приходили посетители, одни бойкие, уверенные, в большинстве молодежь, появлялись в кабинете Балухатого... и просили поместить «небольшие заметочки». Другие стеснительно останавливались в маленьком коридорчике...»

«Редакция пустеет. Горский и Давыдов исчезли. Их сейчас можно застать в любом конце города. У Левина были неотложные дела в горкоме или горисполкоме».

На протяжении почти трех страниц вот таким сухим языком хроники описывается рабочий день редакции.

Заключительные страницы повествуют о том, как Горский стремится уехать на строительство Сталинградского гидроузла и как секретарь горкома комсомола Юмашев разубеждает его, совершенно справедливо доказывая, что работать на великих стройках коммунизма — большая честь, но здесь, на Дальнем Востоке, тоже строится коммунизм и тоже нужны люди. Этим заканчивается повесть.

Главного же героя произведения — газеты — нет. Есть редакция, есть ее работники, есть личная жизнь некоторых действующих лиц, есть все, кроме газеты. Какую роль играет газета «Дальневосточник» в жизни города и района, как она двигает жизнь вперед, как она воспитывает, организует массы трудящихся? Ответа на эти вопросы не дает М. Аношкин.

В повести часто встречаются нечеткие формулировки, приводящие к смысловым ошибкам. Например, Малышев советует Левину предоставить на страницах газеты слово рабочим («тогда и газета не будет регистратором фактов, а будет активным пропагандистом нового»). Левин размышляет: «Не быть регистраторами событий, активнее вмешиваться в жизнь — дельная мысль».

Трудно поверить, чтобы после стольких лет партийной, педагогической и газетной работы Левин не знал, что это не «дельная мысль», а основной закон большевистской печати. А выходит, что Левин впервые узнал об этом от Малышева. Сам того не желая, М. Аношкин обеднил образ главного героя.

Автор неизвестно зачем наделяет своих героев множеством отрицательных черт, которые из-за своей многочисленности вырастают в типические. В коллективе чувствуется недовольство друг другом и подозрительная настороженность. Балухатый делает замечания Горскому по очерку — «Началось», — подумал Горский и отвернулся к окну». Левин вызвал к себе в кабинет Балухатого — «Уже совещаются», — подумал Горский. Левин учит Балухатого работе с письмами — «К рукам хочет прибрать. Не сработаемся», — терзается Балухатый.

М. Аношкин изображает людей, мягко говоря, невыдержанными: рассерженный Балухатый «сразмаху бросил папиросу на пол», «Горский всердцах бросил рукопись на стол. Она рассыпалась на листки», «Левин бросил на стол карандаш».

Конечно, положительный герой литературного произведения не может быть идеальным, — отдельные недостатки, ошибки у него будут (как это и бывает в жизни). Но автор повести пошел по неправильной линии, нарисовав в сущности хороших людей брюзжащими, раздражительными. Если такое поведение Балухатого вытекает из особенностей его характера и поэтому не так резко бросается в глаза, то с образами Левина и Горского это никак не вяжется. Когда любившийся читателю герой в чем-либо заблуждается, чего-то недопонимает, что-то не доглядел, ошибся, — это еще полбеды, можно исправить. Но если молодой Горский чуть ли не в лицо пожилому Балухатому бросает

рукопись, или умный Левин раздраженно бросает карандаш, — это вызывает досаду и обиду на автора за его героев.

Автор не сумел нарисовать яркие, выразительные портреты своих героев, их внешность. Читатель знает только, что Левин «высокого роста, средних лет, с правильными мужественными чертами лица» (кстати заметим, что через несколько страниц Левин уже не высокого роста, а «плотно сбитая фигурка»). У Балухатого — редкие волосы с залысинами и сединой (о ней упоминается трижды), у его жены — седина, у Малышева — седина, мастер мотороремонтного завода Соколинский — седой, бывший редактор Родионов — лысый.

Не поработал Аношкин и над языком произведения. Каждая мысль — обязательно дельная («не быть регистраторами событий — дельная мысль», Горский «подал дельную мысль»). Разгар весны характерен лишь тем, что «с крыши звонко падали капли... По улице проехала грузовая машина, разбрызгивая по сторонам талый снег... Мальчишки кидали камни, брызгались и громко кричали». На следующей странице снова «звенели ка-

пели, шумели проходящие машины, кричала детвора».

Опубликовав сырое, недоработанное произведение, М. Аношкин проявил тем самым нетребовательность к себе. Дав повести претенциозное, замысловатое название «Сильнее всего», автор так и не сказал — что же в самом деле сильнее всего? Замысел автора оказался, таким образом, не осуществленным. Сказалась спешка.

Руководство горкома партии газетой, идейно-политический и творческий рост работников редакции, улучшение содержания газеты и — как результат — положительное влияние ее на хозяйственно-политическую жизнь города и района, воспитание масс, беспощадная критика и борьба с косностью, с бюрократизмом и т. д. — все эти положения и сюжетные линии лишь намечены в повести, но не раскрыты. Их необходимо развить, углубить.

Основа произведения, как мы видим, есть. Образы в основном намечены и очерчены правильно. Михаил Аношкин — опытный журналист. Тщательно поработав над повестью и устранив отмеченные недостатки, он может дать читателю хорошее произведение о советских журналистах.

В. Покровов

ПЕРВАЯ КНИГА И. ЗЯТЬКОВА

В конце прошлого года в Амурском областном издательстве вышла книга начинающего писателя Иллариона Зятькова «На Ганальском перевале», написанная по мотивам камчатских легенд. Состоит книга из трех легенд: «Аткина тропа», «Маримэ» и «Авачинская сопка».

Повествование ведется от первого лица. Автор знакомит читателя со своим спутником, Иннокентием Спиридоновичем Пономаревым. Их путь лежит через Ганальский хребет в колхозное село Ганалы. В пути автору и удалось услышать от Иннокентия Спиридоновича народные предания о реке Камчатке, о бедной девушке Маримэ, о бесстрашном Аваче.

И. Зятьков обратился к интересному жанру. В легендах запечатлеваются знаменательные события жизни народа, выдающиеся подвиги героев, грандиозные явления природы. Легенды переходят из поколения в поколение, из века в век, отражая думы и чаяния народа, его неиссякаемую силу, мудрость, стремление к счастью, любовь к жизни.

Предание об Аткиной тропе повествует о тех временах, когда народы, населявшие Камчатку, жили племенами и враждовали друг с другом. Постепенно они вступают

на путь мира и согласия. Вражда и неприязнь сменяются чувством взаимного уважения и доверия. В образах Орла и Оленя показаны два соседних племени. Между ними кипит жестокая борьба. Но вот у Орла родилась дочь Атка, а у Оленя — сын Камч. Дети осудили вражду своих отцов и помогли им установить прочные добрососедские отношения. Дружба, возникшая между Аткой и Камчем, крепнет и становится нерушимой, когда заморский змей угрожает безопасности племен.

«Передай отцу, — говорит Камч молодому оленю, — что вступил я в дружбу с дочерью Орла, и пока мир и согласие меж нами, никакие заморские змеи нам не страшны... Взялись Камч и Атка за руки и пошли на змея заморского... Змей увидел двух богатырей, испугался и уплыл в свое логово».

Здесь проявилось стремление народа жить свободно, независимо от чужеземцев, сказалась тяга к миру и дружбе, к единению против общего врага. Эта легенда созвучна нашему времени, когда народы земного шара, сплотившись в единый лагерь мира, полны решимости обуздать поджигателей войны.

По идейному содержанию обращает на себя внимание и другая ле-

генда — «Маримэ». Это предание носит ярко выраженную социальную окраску. Девушка Маримэ, дочь бедного рыбака, несет на своих плечах тяжелое бремя нищеты и горя. Простая и доверчивая, она становится жертвой богача Нойона и его сына Ковава. Богачи, повинные в смерти Маримэ, погибают жестокой смертью, а Маримэ, застыв в каменном изваянии, остается навсегда стеречь покой простых людей. Она становится символом мести всем притеснителям и угнетателям бедных людей.

В легенде выражены сокровенные желания бедного люда избавиться от власти богачей. В те далекие времена угнетенный народ не видел пути к освобождению, но, не теряя надежды, складывал сказания и легенды, в которых добро всегда побеждало зло, а светлые мечты о счастье и свободе передавались от поколения к поколению.

Неудачной, на наш взгляд, является легенда «Авачинская сопка». В ней автор пытался рассказать о том, как народ долгие годы был забитым, придавленным бесправием и темнотой, пока, наконец, ни наступила новая жизнь, открывшая дорогу к свету. К сожалению, автору не удалось провести четкой идеи и глубоко раскрыть смысл народного предания об Авачинской сопке.

Символический образ Брата темноты для читателя остается загадочным. В начале легенды Брат темноты предстает перед нами, как стихийная сила, извергающийся вулкан. Затем вдруг о нем идет речь, как об алчном человеке, который потребовал от людей дани собольими мехами, а когда они отказались выполнить его требование, разгневался, заставлял их «мокнуть под дождем..., в холоде держал, зверей в тайге разгонял, рыбу в реки не пускал».

В легенде есть эпизод, в котором говорится о том, как народный ге-

рой Авач (его именем названа сопка), олицетворяющий новую, светлую жизнь, сбрасывает в пропасть Брата темноты. Автор хотел показать борьбу со старым, отживающим, тем, что держало народ в темноте и угнетении. Однако эта мысль не получила художественного воплощения. Символический образ Брата темноты остается непонятным не только для читателя, но и для самого рассказчика легенд, Иннокентия Спиридоновича Пономарева. Проезжая мимо Авачинской сопки, он испытывает страх:

«Ничего... Проедем как-нибудь... Может побоится нас Брат темноты..., — шепчет старик Пономарев. — ...Плохо тут вечером, сердит бывает Брат темноты».

Автор утверждает, что прошли те времена, когда царила власть тьмы, что Брат темноты давно уничтожен, а приведенные места наталкивают на мысль, что Брат темноты допрежнему существует и наводит ужас на наших современников. Этим разрушается идейный замысел легенды.

Бедность художественных средств — характерная черта всех трех легенд о Камчатке. Объясняется это главным образом тем, что начинающему писателю не достаёт литературного мастерства. И. Зятькову нужно еще многому учиться, упорно работать над собой. Его первая книга страдает серьезными недостатками, в ней не изображены быт и нравы народов Камчатки, душевный мир героев, не созданы запоминающиеся картины суровой, но прекрасной природы Севера.

Во всех трех легендах центральное место по праву должно принадлежать народным героям: Атке, Камчу, Маримэ, Авачу. Они — носители добра и справедливости, лучшее, что порождает народ. Не случайно в народных преданиях такие герои наделяются самыми высокими качествами: тонким умом и благородной душой, мужеством, при-

родным юмором и чистой совестью, горячей любовью к своему народу и лютой ненавистью к его врагам. Именно такими должен был показать И. Зятыков героев камчатских легенд. Но в книге Атка, Камч, Маримэ и Авач, как образы, схематичны, нежизненны и почти лишены благородных качеств, присущих народным героям.

Вот как скупо автор характеризует, например, дочь Орла — Атку: «Высокая да стройная. Хорошо из лука стреляла. Умом и сердцем лучше ее девушек на свете не было». О Камче автор говорит и того меньше.

Плохо изобразил писатель и рассказчика Пономарева. О нем сообщается бегло, скороговоркой.

Отсутствие у автора литературного мастерства не могло не сказаться также на языке и стиле легенд. Язык сухой, однообразный, неточный, а подчас и недостаточно грамотный.

Однообразна и скучна речь Иннокентия Спиридоновича: «Ты, однако, хрусталь мой, испугался?», «Ты, однако, смелый!», «Испугался ты, однако» и т. д.

В книге много неточностей. Приведем один пример: «Конь шел ленивым шагом. Телега гремела (?) по гальке... Шуршала трава, под копытами коня похрустывали сухие ветки». Если конь лениво вышагивал, то телега никак не могла греметь по гальке, а если допустить, что она гремела, то вряд ли мож-

но было услышать шуршание травы и похрустывание сухих веток.

Вызывает досаду ряд неграмотных фраз, вроде: «Повадился Горный Орел в те края да домой добро оттуда таскать», «Конь шарахнулся в сторону...», и Савраска остановился»; «Медведя взвалили на телегу, закрыли брезентом, и мы поехали». Получается, что медведя взвалил и закрыл брезентом кто-то посторонний.

Все эти недостатки снижают идейное содержание легенд. Автор невзыскательно отнесся к выбору языковых и художественных средств.

Книга иллюстрирована художником П. Пустовым. Некоторые иллюстрации выполнены ярко и художественно. Они, до некоторой степени, восполняют то, что не сумел сказать автор. В частности, удачно передан внешний облик героев. Но некоторые рисунки не соответствуют тексту. Так, у автора сказано, что Иннокентий Спиридонович — девяностошестилетний старик с окладистой бородой и большими усами, а художник изображает его гораздо более молодым.

Таким образом, книга, интересная по идейной направленности и тематике во многом проиграла, потому что с художественной стороны выполнена очень слабо. В этом вина не только автора, но и издательства, которое проявило нетребовательность и не оказало начинающему писателю творческой помощи.

НОВЫЕ КНИГИ

Коллектив авторов. **О произведениях классиков марксизма-ленинизма.** Амуриздат, 1952, стр. 364, тираж 5000 экз., цена 5 руб. 40 коп.

Сборник статей в помощь пропагандистам сети партийного просвещения и самостоятельно изучающим марксистско-ленинскую теорию. Статьи посвящены работам В. И. Ленина — «Очередные задачи Советской власти» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и работам И. В. Сталина — «Об основах ленинизма», «К вопросам ленинизма», «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии», «О правом уклоне в ВКП(б)», «К вопросам аграрной политики в СССР», «О проекте Конституции Союза ССР» и «Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б)».

Коллектив авторов. **Великие стройки коммунизма.** Амуриздат, 1951, стр. 144, тираж 5000 экз., цена 2 руб. 10 коп.

Сборник материалов о строительстве величайших сооружений на Волге, Аму-Дарье, Днепре и Дону. Сборник состоит из двух частей. Первая часть содержит постановления Совета Министров СССР — «О строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на реке Волге», «О строительстве Сталинградской гидроэлектростанции на реке Волге,

об орошении и обводнении районов Прикаспия», «О строительстве Главного Туркменского канала Аму-Дарья—Красноводск, об орошении и обводнении земель южных районов Прикаспийской равнины, Западной Туркмении, низовий Аму-Дарьи и западной части пустыни Кара-Кумы», «О строительстве Каховской гидроэлектростанции на реке Днепре, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма», «О строительстве Волго-Донского судоходного канала и об орошении земель в Ростовской и Сталинградской областях».

Во второй части помещены статьи, в которых раскрывается роль всенародных строек в преобразовании природы засушливых районов юга Европейской части страны, западной части Туркмении и пустыни Кара-Кумы. Приведенные в статьях примеры ярко показывают народно-хозяйственное значение вновь строящихся гидроэлектростанций и каналов, как материальной базы коммунизма.

Коллектив авторов. **Перспективный план укрупненного колхоза.** Амуриздат, 1951, стр. 48, тираж 5000 экз., цена 80 коп.

В брошюре изложен перспективный план развития колхозного производства укрупненной сельско-

хозяйственной артели имени И. В. Сталина, Тамбовского района, Амурской области, на 1951—1955 годы.

На основе всемерного развития общественного хозяйства сельхозартель за пятилетие увеличит производство товарной продукции по зерновым культурам в 2,9 раза, по техническим — в 2,1, овощным — в 4,4 и по животноводческим продуктам — в 3—4 раза.

Денежные доходы возрастут в 11 раз.

Все это позволит умножить артельное богатство, поднять материальный и культурный уровень колхозников.

Намечена большая программа строительства, к концу пятилетки изменится облик колхозного села.

Колхозники всесторонне рассмотрели разработанный с участием специалистов план и теперь успешно осуществляют свои наметки.

М. Аношкин. Сильнее всего. Повесть. Амуриздат, 1951, стр. 76, тираж 15 000 экз., цена 2 руб. 25 коп.

В книге повествуется о советских журналистах — работниках городской газеты.

И. Зятьков. На Ганальском перевале. Камчатские легенды. Амуриздат, 1951, стр. 24, тираж 25 000 экз., цена 85 коп.

В книжке помещены три легенды: «Аткина тропа», «Маримэ» и «Авачинская сопка». Легенды рассказаны девяностошестилетним камчадалом Иннокентием Спиридоновичем Пономаревым.

Я. Одиноков. Озимая рожь. Амуриздат, 1951, стр. 28, тираж 5 000 экз., цена 50 коп.

В книжке освещены агротехнические приемы возделывания озимой ржи в условиях Амурской области.

В Приамурье широко распространено мнение о том, что озимую рожь культивировать здесь невозможно, тем более невозможно получить высокие урожаи. На примерах передовиков колхозов основных земледельческих районов области автор показал, что озимая рожь не только хорошо произрастает, но и дает на больших площадях урожай в 14—19 центнеров с гектара.

А. Обухов. Гречиха в Приамурье. Амуриздат, 1952, стр. 36, тираж 3 000 экз., цена 50 коп.

Брошюра в популярной форме содержит описание агротехники, биологии и мер борьбы с вредителями гречихи.

Д. Мартынюк. Ядовитые растения Дальнего Востока. Амуриздат, 1952, стр. 160, тираж 3 000 экз., цена 1 руб. 25 коп.

На основе многолетнего изучения ядовитых растений Хабаровского и Приморского краев, Амурской области и Южного Сахалина, а также литературных данных, автор осветил морфологию ядовитых растений около 120 видов, их распространение, флористические районы Дальнего Востока, диагностику и лечение отравлений.

Книга рассчитана на ветеринарных и зоотехнических специалистов, но может служить ценным пособием для практиков-животноводов колхозов и совхозов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
А. ФОМИНЫХ. Родной Амур. Стихи.	3
В. КОЛЕСОВ. Не забыть! Стихи.	5
К. ОВЕЧКИН. Токарь. Тракторист. Комсорг. Стихи.	7
Ю. ПЕТРОВСКИЙ. Когда приходит враг. Пьеса.	10
Л. ЗАВАЛЬНЮК. Будь готов! Стихи.	28
Е. УСТИМЕНКО. В нашем городе. Рассказ.	32
М. ПОПРАВКО. Новый дом. Стихи.	47
Г. КУЗЬМИН. Почтальон. Стихи.	48
А. КРИВЧЕНКО. На севере. Стихи.	49
Е. ЩЕРБИНИН. Первый этап. Рассказ.	51
В. ИВАРОВСКИЙ. Трудный рейс. Рассказ.	57
Н. ТРУБАЧЕВ. Люди великой стройки. Очерк.	66
М. КИНЯЙКИН. Встречи на Эльге. Очерк.	78
В. МАЛЫШЕВ. Революционное движение в Приамурье в 1900—1917 годах. Статья.	92
П. БАСТРЫКИН. Американские происки на Амуре. Статья.	118
Г. МАРКОВ. Книга, заслужившая признание народа. Рецензия.	132
М. ЗАГОРНЫЙ. Повесть о советских журналистах. Рецензия.	140
В. ПОКРОВОВ. Первая книга И. Зятькова. Рецензия.	146
Новые книги.	149

ПРОВЕРЕНО
1954 г.

Амурская Областная
БИБЛИОТЕКА
г. Благовещенск

3

246372. 18270142

*Редакционная коллегия: Н. Дедов (отв. редактор),
И. Кадомцев, В. Малышев, М. Маслов, К. Овечкин,
В. Цалобанов.*

Тех. редактор С. Афанасьевская.   Корректор И. Ермохин.

Адрес редколлегии: Благовещенск, ул. Калинина, 10,
Амурское областное издательство.

BE05164. Подписано к печати 11/VI-52 г. Заказ 2452. 60×92/16.
Печ. листов 9,5, уч. изд. 9,77.   Тираж 5000.   Цена 4 руб.

Типография «Амурская правда», Благовещенск, Ленинская, 137.

